

№ 4
●
2019

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
ПРИРОДНОЕ НАСЛЕДИЕ:
ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И АКТУАЛИЗАЦИИ**

ISSN 2412-9798

16+

**№ 4
(20)**

16+

2019

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛЬ

АНО Центр духовного развития и
патриотического воспитания
«Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:

Южный филиал
ФГБНИУ «Российский научно-
исследовательский институт
культурного
и природного наследия
имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ЭЛ № ФС 77 - 76198
от 19 июля 2019 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:

350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98
E-mail:
heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может
не совпадать с точкой зрения
редакции

Номер сверстан: 23.12.2019
Размещен в сети Интернет: 30.12.2019

Главный редактор:

ГОРЛОВА

Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института
Наследия

Выпускающие редакторы:

КОВАЛЕНКО

Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

КРЮКОВ

Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЬ

Виталий Вячеславович

кандидат исторических наук, начальник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия

БЫЧКОВА

Ольга Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

ГУЦАЛОВ

Александр Анатольевич

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия

ЕРЕМЕЕВА

Анна Натановна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

КОСТИНА

Наталья Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

НАУМЕНКО

Владимир Емельянович

кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АКАЕВ

Вахит Хумидович

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия

АРАКЕЛОВА

Александра Олеговна

доктор искусствоведения, советник руководителя Федеральной службы по интеллектуальной собственности, заслуженный работник культуры Российской Федерации, г. Москва, Россия

БУЕВА

Людмила Пантелеевна

действительный член Российской академии образования, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений Института философии РАН, г. Москва, Россия

ГАПУРОВ

Шахрудин Айдиевич

доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, г. Грозный, Россия

ДЕМИН

Вадим Петрович

действительный член Российской академии образования, доктор искусствоведения, профессор, академик-секретарь отделения образования и культуры Российской академии образования, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, г. Москва, Россия

КУДРЯВЦЕВ

Александр Абакарович

доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Ставрополь, Россия

КУПЦОВА

Ирина Валентиновна

доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

МАТВЕЕВ

Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, г. Краснодар, Россия

МИРОНОВ

Арсений Станиславович

кандидат филологических наук, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, г. Москва, Россия

НЕРЕТИН

Олег Петрович

доктор экономических наук, советник директора Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации, Москва, Россия

ОРЛОВА

Надежда Хаджимерзановна

доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

ПЕТРОВ

Владимир Михайлович

доктор философских наук, профессор, Вице-Президент Международной ассоциации эмпирической эстетики, г. Москва, Россия

РАТУШНЯК

Валерий Николаевич

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Краснодар, Россия

РАХАЕВ

Анатолий Измаилович

доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, г. Нальчик, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ХАНГЕЛЬДИЕВА
Ирина Георгиевна

доктор философских наук, профессор, декан факультета предпринимательства в культуре, заведующая кафедрой прикладной культурологии и социокультурного менеджмента Международного университета в Москве, г. Москва, Россия

ЧЕЛЫШЕВ
Евгений Петрович

действительный член Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, председатель Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, г. Москва, Россия

ЩЕРБАКОВА
Анна Иосифовна

доктор культурологии, доктор педагогических наук, ректор Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке, г. Москва, Россия

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

АБДУЛЛАЕВА
Рена

доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом эстетики и информационной культуры Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджанская Республика

ДЖИВЕНСКА
Малгожата Цецилия

Ph. D. в области географии, доцент Нижнесилезской высшей школы социальных служб «Ассесор», г. Вроцлав, Республика Польша

ДЖОПУА
Аркадий Иванович

кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея, г. Сухум, Республика Абхазия

ЗАНТАРИА
Владимир Константинович

доктор филологических наук, член-корреспондент Академии наук Абхазии, советник Президента Республики Абхазия, г. Сухум, Республика Абхазия

КУМАР
Капил

профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Советник индийского конгресса туризма и гостеприимства, г. Нью-Дели, Республика Индия

МАКГАЛА
Кристиан Джон

Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, г. Габороне, Республика Ботсвана

ПАТИНЬО
Хуан Карлос

доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексиканские Соединенные Штаты

ПРАБХАКАРА
Джантхьяло Рао

профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдарабада, г. Хайдарабад, Республика Индия

САЛАМЗАДЕ
Эртегин

доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджанская Республика

ЧОЛАРИЯ
Борис Шаликович

директор Национальной библиотеки Республики Абхазия имени А. Г. Папаскири г. Сухум, Республика Абхазия

**VOL.4
(20)
●
2019**

HERITAGE НАСЛЕДИЕ **OF CENTURIES** ВЕКОВ

**THE ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH
OF THE INSTITUTE OF HERITAGE**

FOUNDER:

Autonomous Not-for-Profit
Organization Center for Intellectual
Development and Patriotic Education
“Native traditions”

PUBLISHER:

Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Published four times a year

Mass Media Registration Certificate:
ЭЛ № ФС 77 - 76198
on July 19, 2019

ISSN 2412-9798

Editorial Office:

Address:

Office 5, 28 Krasnaya Street,
Krasnodar, Russia, 350063.

Telephone:

+7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal
are those of the authors, and do not
necessarily coincide with those of the
Editors, the Editorial Board
or the Publications Council.

Imposed on 23 December 2019
Published online on 30 December 2019

Editor-in-Chief:

Irina I. **GORLOVA**

Dr. Sci. (Theory and History
of Culture), Prof., Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Managing Editors:

Timofey V. **KOVALENKO**

Cand. Sci. (Theory and History
of Culture), Deputy Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Anatoly V. **KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and
Natural Heritage

**By Order of the Ministry of Science and Education
of the Russian Federation No. 21-r of 12 February
2019, the electronic scientific journal *Heritage of Cen-
turies* was included into the List of Reviewed Scientific
Journals in which main scientific results of disserta-
tions for obtaining candidate (Cand. Sci.) and doctoral
(Dr. Sci.) degrees should be published.**

EDITORIAL BOARD

Vitaliy V. BONDAR	Cand. Sci. (National History), Head, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
Olga I. BYCHKOVA	Cand. Sci. (Economics and Economic Management), Assoc. Prof., Head, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
Aleksandr A. GUTSALOV	Cand. Sci. (History of Philosophy), Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
Anna N. EREMEEVA	Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
Natalya A. KOSTINA	Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
Vladimir E. NAUMENKO	Cand. Sci. (National History), Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Honoured Worker of Science of the Republic of Ingushetia

PUBLICATIONS COUNCIL

Vakhit Kh.	AKAEV	Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Sciences; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation
Aleksandra O.	ARAKELOVA	Dr. Sci. (Musical Art), Advisor to the Head, Federal Service for Intellectual Property, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Lyudmila P.	BUEVA	Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of History of Anthropological Studies, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Shakhrudin A.	GAPUROV	Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Sciences of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation
Vadim P.	DEMIN	Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Theatrical Art), Prof.; Academic Secretary, Department of Education and Culture, Russian Academy of Education, Honoured Art Worker of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Aleksandr A.	KUDRYAVTSEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol, Russian Federation
Irina V.	KUPTSOVA	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Oleg V.	MATVEEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Senior Researcher, Research Centre for Traditional Culture, The Kuban Cossack Choir, Krasnodar, Russian Federation
Arseniy S.	MIRONOV	Cand. Sci. (Journalism), Rector, Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russian Federation
Oleg P.	NERETIN	Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Advisor to the Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Nadezhda Kh.	ORLOVA	Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Prof., Department of Culturology, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
Vladimir M.	PETROV	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Vice-President, International Association of Empirical Aesthetics, Moscow, Russian Federation
Valeriy N.	RATUSHNYAK	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation
Anatoliy I.	RAKHAEV	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nalchik, Russian Federation

PUBLICATIONS COUNCIL

Irina G.
KHANGEL'DIEVA

Dr. Sci. (Aesthetics), Prof., Dean, Faculty of Business in Culture; Head, Department of Applied Culturology and Sociocultural Management, International University in Moscow, Moscow, Russian Federation

Evgeniy P.
CHELYSHEV

Academician, Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Philology), Prof., Chairman, Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Cavalier of the Order "For Merit to the Fatherland" 3rd and 4th Classes, Moscow, Russian Federation

Anna I.
SHCHERBAKOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture; Theory and Methods of Professional Education), Rector, Moscow State Institute of Music, Moscow, Russian Federation

INTERNATIONAL MEMBERS

Rena
ABDULLAYEVA

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Aesthetics and Information Culture, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Boris Sh.
CHOLARIYA

PhD in Geography, Assoc. Prof., Lower Silesian Higher School of Public Services 'ASESOR', Wroclaw, Republic of Poland

Cecylia Malgorzata
DZIEWIECKA

Director, National Library of the Republic of Abkhazia, Sukhumi, Republic of Abkhazia

Arkadiy I.
DZHOPUA

Cand. Sci. (Archeology), Director, Abkhazian State Museum, Sukhumi, Republic of Abkhazia

Hieronim
GRALA

Dr Hab., Senior Lecturer, Faculty "Artes Liberales", University of Warsaw, Warsaw, Republic of Poland

Kapil
KUMAR

Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandhi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies; Advisor, Indian Tourism and Hospitality Congress, New Dehli, Republic of India

Christian John
MAKGALA

MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana

Juan Carlos
PATIÑO

Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State, Toluca, United Mexican States

Jandhyala
PRABHAKARA RAO

Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, Republic of India

Ertegin
SALAMZADE

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Vladimir K.
ZANTARIA

Dr. Sci. (Philology), Corresponding Member, Academy of Sciences of Abkhazia, Advisor, President of the Republic of Abkhazia, Sukhumi, Republic of Abkhazia

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
«ПРИРОДНОЕ НАСЛЕДИЕ:
ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И АКТУАЛИЗАЦИИ»
(РЕДАКТОР О. Н. МАРКОВА)

ПРИРОДНОЕ НАСЛЕДИЕ: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И АКТУАЛИЗАЦИИ	13
<i>М. В. Логинова</i> Методологический аспект проблемы сохранения наследия	13
<i>М. В. Марков</i> Природное наследие Юга России в поэзии Виктора Кривулина и Светланы Кековой	19
<i>А. В. Сартакова</i> Актуализация историко-культурного наследия в музейных институциях особо охраняемых природных территорий Байкальского региона	28
<i>А. С. Кизилев</i> Сакральная сеть Черноморского побережья Кавказа. К вопросу о значении археологических и дендрологических памятников	35
КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	44
<i>О. Н. Прокаева</i> Древняя Русь в отечественном декорационном искусстве конца XIX – начала XX века	44

<i>С. В. Куняшова</i> Объекты культурного наследия Астраханской области в системе региональной культурной политики.....	52
<i>О. В. Бегичева</i> «Обертоны» романтической баллады в творчестве современных композиторов (на примере произведений Константина Пашкова).....	60
АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	66
<i>Н. С. Канатьева</i> Маргинализация старообрядчества к середине XIX века: происхождение Белокриницкой иерархии	66
<i>А. Ю. Кобленков, П. В. Ремизов</i> Психологический образ сотрудника милиции как представителя власти в фильме «Холодное лето пятьдесят третьего»	73
<i>Е. Н. Антипкина</i> Проблема трансляции культурных ценностей в современном медиапространстве	80
ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ	87
<i>С. С. Ипполитов</i> Источники изучения российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны в России. 1917–1921 года	87
<i>Ю. А. Лазуревская</i> Предпосылки становления гражданской авиации на Юге России	97
MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ	106
<i>О. В. Ченцова</i> Отечественные музеи в условиях интерактивности: современные тенденции развития музейной образовательной среды	106
<i>И. В. Воронина</i> Музей-заповедник «Сталинградская битва» в системе культурно-образовательной деятельности региона. Организация лекториев	113
НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ	120
<i>К. Е. Рыбак, Ю. С. Избачков</i> К постановке вопроса о мистическом опыте и творческом методе Е. И. Рерих и допустимости использования психиатрии в культурологических исследованиях.....	120

CONTENTS

THE THEME OF THE ISSUE:
**NATURAL HERITAGE:
PROBLEMS OF PRESERVATION AND UPDATING**
(EDITED BY OKSANA N. MARKOVA)

NATURAL HERITAGE: PROBLEMS OF PRESERVATION AND UPDATING	13
<i>Marina V. Loginova</i> A Methodological Aspect of the Problem of Preserving Heritage	13
<i>Alexander V. Markov</i> The Natural Heritage of Southern Russia in the Poems by Viktor Krivulin and by Svetlana Kekova	19
<i>Anna. V. Sartakova</i> The Updating of Historical and Cultural Heritage in the Museum-Type Institutions of the Specially Protected Natural Areas of the Baikal Region	28
<i>Andrey. S. Kizilov</i> The Sacred Network of the Black Sea Coast of the Caucasus. On the Importance of Archaeological and Dendrological Monuments.....	35
CULTURAL LIFE: HISTORY AND MODERNITY	44
<i>Olga. N. Prokaeva</i> Ancient Russia in the Domestic Decorative Art of the Late 19th – Early 20th Centuries	44

<i>Svetlana. V. Kunyashova</i> Cultural Heritage of Astrakhan Oblast in the Regional Cultural Policy	52
<i>Olga. V. Begicheva</i> The "Overtones" of the Romantic Ballad in the Works of Modern Composers of Kuban (On the Example of Works by Konstantin Pashkov)	60
ANTHROPOLOGY OF CULTURE	66
<i>Natalya S. Kanatyeva</i> The Marginalisation of the Old Believers by the Mid-19th Century: The Origin of the Belokrinitskaya Hierarchy	66
<i>Andrey Yu. Koblenkov & Pavel V. Remizov</i> Psychological Image of a Militsiya Officer as a Representative of the Authorities in the Film <i>The Cold Summer of 1953</i>	73
<i>Elena N. Antipkina</i> The Problem of Transmitting Cultural Values in the Modern Media Space	80
MAN AND TIME	87
<i>Sergey S. Ippolitov</i> Sources of Study of Russian Humanitarian Activity during the Civil War in Russia. 1917–1921	87
<i>Yulia A. Lazurevskaya</i> The Background of the Formation of Civil Aviation in the South of Russia	97
MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS	106
<i>Oksana V. Chentsova</i> Domestic Museums in the Conditions of Interactivity: Modern Trends in the Development of the Museum Educational Environment	106
<i>Irina V. Voronina</i> The State Historical Memorial Museum "The Battle of Stalingrad" in the System of Cultural and Educational Activities in the Region: The Experience of Organising Lectures	113
DISCUSSIONS	120
<i>Kirill E. Rybak & Yury S. Izbachkov</i> On the Mystical Experience and Creative Method of Helena Ivanovna Roerich, and Why We Should Use Psychiatry in Disputes on Culture	120

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА: ПРИРОДНОЕ НАСЛЕДИЕ: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И АКТУАЛИЗАЦИИ

Научная проблематика природного наследия, которому посвящена специальная рубрика очередного номера журнала, касается не только собственно уникальных природных объектов, отнесенных к обозначенной категории наследия известной международной Конвенцией 1972 года, но и природной составляющей наследия культурного – материального и нематериального. Это вполне соответствует современному пониманию культурного наследия как сложной системы, в которой все элементы антропогенного и естественного характера взаимосвязаны и не могут полноценно реализовывать свою социальную функцию в отрыве друг от друга.

Важность сохранения и актуализации культурного наследия в его целостности, включая природные факторы, представляется очевидной, однако на практике это зачастую оказывается трудно осуществимо. В какой-то мере названная проблема решается на законодательном уровне: так, в Федеральном законе № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» определены виды объектов культурного наследия, где природный компонент напрямую или опосредованно фигурирует как их неотъемлемая часть: это ансамбли, представляющие «произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары)», и достопримечательные места как «совместные творения человека и природы», «культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей».

Вместе с тем правовое определение понятия «культурный ландшафт» на настоящий момент не выработано, ясные критерии ценности средового окружения объекта культурного наследия также не определены, и при установлении историко-культурной значимости того или иного объекта природный компонент рассматривается как существенный, но дополнительный, вторичный по отношению к проявлениям творчества человека. На практике это выражается в игнорировании пространственного контекста при определении границ территории, зон охраны и выработке мер по сохранению объектов культурного наследия, в уничтожении подлинной историко-культурной и природной среды городов в результате современной хозяйственной деятельности. Счастливые исключения в этом ряду составляют, пожалуй, достопримечательные места – историко-культурные заповедники с доказанной целостностью историко-культурного и природного комплекса и подлежащие особой государственной охране.

Безусловно, поиски оценочных критериев параметров естественной среды в культурном наследии нуждаются в глубоком и разностороннем осмыслении. В этом номере журнала статьи специальной рубрики затрагивают отдельные аспекты научного знания, так или иначе связанные с природным наследием: общие методологические проблемы культурного наследия; влияние сакральных природных объектов на формирование межкультурных и межэтнических связей на территории Черноморского побережья Кавказа; особенности динамического противопоставления северной и южной природы в современной поэзии религиозно-метафизического направления; опыт репрезентации объектов историко-культурного и природного наследия в особо охраняемых природных территориях Байкальского региона.

Редактор специальной рубрики О. Н. Маркова

ЛОГИНОВА Марина Васильевна
доктор философских наук, профессор
кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов
Национального исследовательского Мордовского государственного
университета имени Н. П. Огарёва,
Саранск, Российская Федерация

Marina V. LOGINOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
marina919@mail.ru

УДК 351.853:001.8
ГРНТИ 13.61.07
ВАК РФ 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.001

Методологический аспект проблемы сохранения наследия

A Methodological Aspect of the Problem of Preserving Heritage

В статье рассматриваются методологические проблемы изучения культурного наследия, аргументируется значение культурного наследия в условиях кризиса современной культуры. Указывая на ряд причин, определяющих актуальность и сложность обозначенных проблем, автор подходит к вопросу межкультурного диалога, «ставя» последний в оппозицию конфликтам культурных идентичностей. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что методология диалогического подхода к изучению культурного наследия позволяет: во-первых, понимать другую культуру, не отказываясь от своей; во-вторых, определять диалог как механизм трансляции культурного наследия, который приводит к возрастанию смыслового разнообразия и приращению информации в культуре.

Ключевые слова: культурное наследие, глобализация, актуализация прошлого, диалог, постиндустриальное общество, идентичность, методологический аспект.

В условиях глобализации сохранение культурного наследия приобретает особую актуальность и остроту. Научное сообщество активно обсуждает вопрос о специфике научного дискурса, новых методологических подходах к объяснению феномена культурного наследия. В этой связи обращение к проблеме диалога культур позволяет определить не только риски и возможности глобализации, но и значение этого диалога как условия

подлинного бытия современного мира и человека. Сохранение и развитие самобытных форм культурной идентичности (искусства, религии, мифологии) определяет неповторимый символический мир смыслов и значений культуры и выражает многозначность и вариативность универсума культуры в условиях глобализации.

Актуальность изучения методологического аспекта культурного наследия опре-

деляется рядом причин, которые стоит обсудить. Во-первых, в современном мире происходит переосмысление содержания феномена «культурное наследие», имеющего процессуальный характер актуализации общечеловеческого опыта. Дух «фаустовской» цивилизации порождает кризисные ситуации в культуре, формирует «одномерного человека», приводит к снижению творческого потенциала. В этой связи пророчески звучат слова Н. А. Бердяева о том, что «не в политике, и не в экономике, а в культуре, осуществляются цели общества» [2, с. 523]. Осмысление и понимание культурного наследия в качестве одной из субстанциональных основ развития общества позволяет выстраивать грамотные стратегии в области государственной культурной политики, воспитания и образования, способные формировать подлинную идентичность в условиях «омассовления» ценностей культуры.

Подчеркнем, что спецификой современного этапа развития культуры является кризис идентичности, проявляющийся на всех ее уровнях. Темпы глобализации кардинально изменяют основания человеческой жизнедеятельности (уклад, традиции, представления). Причем единого мнения ученых на данную проблематику нет. Одни склонны видеть позитивную сторону глобализации как объединения человечества, другие отмечают негативность процесса нивелирования различных культур. Исследование сущности и содержания культурного наследия с помощью современной методологии позволит определить вектор развития культуры и сохранения культурной идентичности.

Вторым аспектом рассмотрения является непосредственно вопрос методологии. М. Н. Эпштейн выделяет синтетичность в качестве основополагающего принципа философии анализа «повседневного, научного и собственно философского языка» [7, с. 97]. Речь идет о методе исследования культурного наследия как взаимодействия, взаимовлияния его формообразующих принципов в конкретной жизненной среде (жизненном мире), в диалоге культур. Ю. М. Лотман предлагает комплексную методологию «ансамбля» [5, с. 96] для анализа художественно-культурного наследия. С одной стороны, в культурном наследии воплощаются устойчивые и своеобраз-

ные черты определенной культуры, а с другой — возможность диалога с культурой других народов. Причем действие этих тенденций характеризует культурное наследие в целом, являясь средством коммуникации в современной культуре.

При анализе культурного наследия мы будем исходить из тех моментов, которые способствуют конституированию данного феномена. Обратим внимание на формирование дискурсивных и недискурсивных практик, способствующих обоснованию культурного наследия. Тем самым реализуется так называемый археологический метод исследования, описанный М. Фуко.

Структуралистский метод приводит исследователя к отрицанию в истории культуры прогресса, который формируется «эпистемическими структурами» (или эпистемами), действующими на бессознательном уровне. Определение типических черт культуры связано с эпистемами, применяемыми при дискурсивных практиках изучения. Фуко определяет археологию как «типы и правила дискурсивных практик, пронизывающих индивидуальные произведения, иногда полностью ими руководящих и господствующих над ними так, чтобы ничто их не избегало... В этих смутных единствах, которые мы называем „эпохами“, она выявляет со всей спецификой „периоды высказываний“, объединяющиеся, не перемешиваясь, в виде господства понятия, фазы развития теории, стадии формализации и этапа языковой эволюции» [6, с. 139, 148]. Археология изучения культурного наследия выступает в качестве метауровня, объединяющего общую теорию идей наследия и дискурсивные практики XX в. Здесь возникает вопрос о значении методологического принципа диалога в изучении культурного наследия, имеющего специфику в современном обществе. Поэтому третий аспект изучения культурного наследия выводим из концепции диалога культур М. М. Бахтина.

Постиндустриальное общество, «общество конфликтов», связано с изменениями культурных идентичностей на уровне глобализации и регионализации культур в области сохранения культурного наследия. Возникающий конфликт «ценностей культур» является следствием трансформации ценностей традиционной культуры. Данная проблема

придает современным культурным идентичностям характер репродуктивности, когда атрибутом культурных конфликтов является иррациональность, формируемая контекстом мифологии. Отметим, что в современном мире при условии сохранения культурного наследия именно межкультурный диалог является оппозицией конфликтам культурных идентичностей.

Обращение к методологическому принципу диалога позволяет рассмотреть культурное наследие как необходимое условие существования культур в аксиологическом измерении, т.к. именно диалог является формой взаимодействия ценностей культур, для осуществления которого необходимы следующие условия: высокий уровень осознания участниками коммуникации замены монолога диалогом для гармоничного решения проблемы сохранения культурного наследия; выход участников коммуникации из фиксированного набора смыслов ценностей «своей» культуры в «Большой контекст культуры» (М. М. Бахтин).

Для понимания наследия другой культуры необходимо диалектическое взаимодействие, состоящее одновременно в выявлении неожиданных для воспринимающей культуры способов освоения мира и в обнаружении общих черт различного мировосприятия. Данную особенность В. Б. Шкловский обозначил термином «остранение». Суть данного феномена заключается в осмыслении действительности со стороны «кризиса очевидности», изменяющем представления, устоявшиеся в культуре. При этом остранение не носит характера самоцели, но предваряет процесс понимания.

Бахтин отмечает значение для диалога третьего собеседника, выступающего в роли своеобразной «точки отсчета» для обмена информацией между коммуникантами [1, с. 149–150], т.к. деятельность человека предполагает уже достигнутые возможности предыдущих этапов культурного развития, а смысловое наполнение культурного наследия адресовано будущим поколениям. Культурное наследие обладает когнитивной особенностью объединения общечеловеческих культурных практик, обнаружения общих точек пересечения результатов взаимодействия культур (реконструкция) для определения ценностей

культуры. Сохранение культурного наследия, безусловно, является основой для развития последующих поколений.

Важно также отметить, что функционирование культурного наследия связано (с различной вариативностью) с установками традиций прошлого. Проблема «старого-нового» в культуре требует отдельного рассмотрения. В контексте нашего исследования процесс перевода ценностей культурного наследия из потенциального в актуальное бытие является условием для понимания ментальных установок прошлых культур в моделях будущего.

Д. С. Лихачев определяет процесс актуализации в качестве важнейшего механизма культуры. Он пишет, что «прошлое оказывается как бы настоящим — настоящим увлеченного и перенесенного в него читателя. Читатель, осознавая, что он имеет дело с прошедшими событиями, настолько, однако, в них погружается, что начинает чувствовать в известной мере прошлое своим настоящим. Читатель как бы живет двойной жизнью: своей и читаемого им произведения» [4, с. 344].

В методологическом плане процесс актуализации культурного наследия направлен на объяснение бинарных оппозиций в культуре (традиции / инновации, опредмечивание / распредмечивание, кодирование / декодирование и др.), определяемых объективными причинами бытования наследия в культуре.

Актуализация культурного наследия через диалог порождает, как отмечалось выше, выход в «Большое время культуры», осуществляемый субъектом освоения. При этом временная дистанция (условие актуализации) предполагает обращение к более широкому освоению культурных ценностей, необходимых для раскрытия смыслов культуры, которые не всегда осознаются в эпоху ее создания. Именно на этом этапе возникает остранение предмета исследования, его новое видение и интерпретация, превращающие временную дистанцию с смыслообразующую характеристику культурного наследия.

На уровне языка ценностей культуры актуализация выступает как специфическая расшифровка «кода» определенной культуры и его преобразования в смыслы культуры настоящего. Актуализация через диалог культур является основным механизмом трансляции культурного наследия, который специфиче-

ским образом переструктурирует ценности прошлого, придавая им новый смысл.

Осмысление процесса актуализации культурного наследия является сложным и требует дополнительного изучения. В рамках данной статьи отметим, что наделение ценности культуры значением происходит только при ее включении в определенный контекст. При этом сама культурная ценность вычленяется воспринимающим культурное наследие из множества других ценностей с последующим ее осмыслением в другом контексте (ценностно-познавательный этап). Сам по себе процесс актуализации культурного наследия направлен на признание / непризнание ценностей культуры, на открытие «новых» и «забытых» ценностей. При условии осмысления ценностей культурного наследия они погружаются в иной контекст, в котором «высказывание никогда не является отражением или выражением чего-то вне его уже существующего, данного и готового. Оно всегда создает нечто до него никогда не бывшее, абсолютно новое и неповторимое, притом всегда имеющее отношение к ценности (к истине, к добру, красоте и т.п.)» [1, с. 315].

Бахтин подчеркивает, что «рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конечными) — они всегда будут меняться (обновляться) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные

моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде. Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения» [1, с. 393].

Содержание процесса актуализации культурного наследия заключается не в «добавлении» чужих идей, образов и смыслов, а в перестройке своих смыслов при общении с культурным наследием.

В заключение подчеркнем, что проблема диалога, рассмотренная в качестве методологического принципа изучения культуры, является пересечением семантических полей исследования. «Только не совпадая с собственным смыслом, — пишет В. С. Библер, вступая с ним в диалог, индивид выходит в горизонт личности, цивилизации — в горизонт культуры. В этом действительный смысл „амбивалентности“ каждой культуры, ее исходного, неделимого, на себя обращенного начала» [3, с. 243].

Таким образом, проблема диалога как формы актуализации культурного наследия связана с решением проблемы кризиса идентичности современного человека. Методология диалогического подхода к изучению культурного наследия позволяет: во-первых, понимать другую культуру, не отказываясь от своей; во-вторых, определять диалог как механизм трансляции культурного наследия, который приводит к возрастанию смыслового разнообразия и приращению информации в культуре.

Marina V. LOGINOVA

A Methodological Aspect of the Problem of Preserving Heritage

Abstract. The article discusses the methodological problems of studying cultural heritage, argues the importance of cultural heritage in the crisis of modern culture. The theoretical foundations of the study are the concepts and ideas proposed by M.M. Bakhtin (the concept of dialogue of cultures), M. Foucault (archaeological research method), D.S. Likhachev, Yu.M. Lotman and other scholars. The relevance and complexity of the identified problems are determined by a number of reasons, among which the author indicates a rethinking of the content of the phenomenon of cultural heritage and its dual nature, which implies not only the embodiment of stable and peculiar features of a particular culture, but also the possibility of dialogue with the culture of other peoples. The archeology of the study of cultural heritage acts as a meta-level that combines the general theory of heritage ideas and the discursive practices of the twentieth century. In the process of the research, the author approaches the issue of intercultural dialogue, defining the latter in opposition to conflicts of cultural identities. It

is emphasised that the appeal to the methodological principle of dialogue allows considering cultural heritage as a necessary condition for cultures' existence in the axiological dimension since it is dialogue that is a form of interaction of cultural values. It is determined that, from a methodological point of view, the updating of cultural heritage is aimed at explaining binary oppositions in culture (traditions / innovations, objectification / demarcation, coding / decoding, etc.) set by objective reasons for the existence of heritage in culture. The author shows that the updating of heritage through the dialogue of cultures is the mechanism of its transmission, which specifically restructures the values of the past, giving them a new meaning. It is noted that the endowment of a cultural value with a certain meaning occurs only when the value is included in a specific context. Moreover, the cultural value itself is singled out by the cultural heritage perceiver from many other values with its further interpretation in a different context. The updating of cultural heritage consists in the restructuring of one's own meanings when communicating with cultural heritage rather than in "adding" other people's ideas, images and meanings. The author concludes that the methodology of the dialogical approach to the study of cultural heritage allows one to understand another culture without giving up one's own and to define dialogue as a mechanism for transmitting cultural heritage, which leads to increases in semantic diversity and in information in culture.

Keywords: cultural heritage, globalisation, updating of past, dialogue, post-industrial society, identity, methodological aspect.

Использованная литература:

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
2. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2-х т. М.: Искусство, 1994. Т. I.
3. Библер В. С. На гранях логики культуры. М.: Рус. феноменол. о-во, 1997.
4. Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб: БЛИЦ, 1999.
5. Лотман Ю. М. Художественный ансамбль как бытовое пространство // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб: Акад. проект, 2002. С. 349–375.
6. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-центр, 1996.
7. Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

References:

1. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Esthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.
2. Berdyaev, H.A. (1994) *Filosofiya tvorchestva, kultury i iskusstva* [Philosophy of creativity, culture and art]. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo.
3. Bibler, V.S. (1997) *Na granyakh logiki kultury* [On the edge of culture logic]. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo.
4. Likhachev, D.S. (2001) *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva* [Sketches on philosophy of artistic creativity]. St. Petersburg: BLITS.
5. Lotman, Yu.M. (2002) *Statyi po semiotike kultury i iskusstva* [Articles on semiotics of culture and art]. St. Petersburg: Akademicheskii Proekt. pp. 349--375.
6. Foucault, M. (1996) *The archaeology of knowledge*. Kiev: Nika-tsentr. (In Russian).
7. Epshtein, M.N. (2017) *Proektivnyy slovar' gumanitarnykh nauk* [Design dictionary of the humanities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Логинова, М. В. Методологический аспект проблемы сохранения наследия [Электронный ресурс] / М. В. Логинова // Наследие веков. – 2019. – № 4. – С. 13-18. DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.001

Full bibliographic reference to the article:

Loginova, M. V. (2019) A Methodological Aspect of the Problem of Preserving Heritage. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 4. pp. 13–18. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.001

МАРКОВ Александр Викторович
доктор филологических наук, профессор
кафедры кино и современного искусства
Российского государственного гуманитарного университета,
Москва, Российская Федерация
Alexander V. MARKOV
Dr. Sci. (Theory of Literature. Textology), Prof.,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation,
markovius@gmail.com

УДК 502:82-1(470-13)
ГРНТИ 18.07.26
ВАК РФ 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.002

**Природное наследие Юга России
в поэзии Виктора Кривулина
и Светланы Кековой**

**The Natural Heritage of Southern
Russia in the Poems by Viktor
Krivulin and by Svetlana Kekova**

В статье на примере творчества двух видных поэтов религиозно-метафизического направления раскрываются особенности динамического противопоставления северной и южной природы. Данные поэтические открытия, обновляющие как привычную образность южнорусской природы, так и жанровую систему, оказываются значимыми для понимания того, как складывается цельный образ общероссийского природного наследия в новейшей русской литературе. Противопоставление северной и южной природы у этих поэтов из статического становится динамическим, что размывает привычные границы лирических жанров и позволяет воспринять ландшафт как часть экзистенциального переживания. Обращение к традициям обживания этого ландшафта придает вертикальное измерение идеям и практикам сбережения локального природного наследия. Метод близкого чтения показал, как работает поэтическое воображение, являющееся важным эвристическим инструментом понимания ландшафта как динамики длящегося экзистенциального выбора.

Ключевые слова: ландшафт, пейзажная лирика, экфрасис, имагинарий, иконичность, поэтическое воображение, южная природа, юг России, религиозная метафизика.

Отражение в поэзии природного наследия юга России не всегда подчиняется простому противопоставлению севера и юга, при всей его выразительности. Более того, есть

поэтические системы, отводящие подобному натуралистически понимаемому противопоставлению не столь существенную роль, как осмыслению природы наследия, для которого

северность или южность — аспекты его бытия, но не единственное содержание впечатлений. Такие системы можно назвать метафизическими: они интересуются сутью вещей, тогда как картографирование мира, в котором располагаются вещи, служит не окончательному выводу о вещах, а, наоборот, началу новых размышлений о том, как в этих вещах сочетаются традиция и современность, время и мгновение вечности.

Вопрос о том, что маркеры южной русской природы не просто вводят новые лирические оппозиции, но модифицируют поэтическое высказывание о русской природе как таковой и соответствующий набор лирических стратегий в описании ландшафтов и границ национальной культуры, уже обсуждается в науке [1]. Одним из ключей для отечественной науки здесь оказалось творчество А. Платонова, повлиявшее на метафизические поиски всей дальнейшей русской литературы, в нем возможность построения ландшафта напрямую связана с возможностью реорганизации речи и отрешения ее от традиционных клише пространственного опыта [2, с. 84].

Мы опираемся на опыт близкого чтения природно-ландшафтных стихов, в частности, обоснованный в стихотворении «Заморозки» Б. Пастернака [4]. Кроме того, мы учитываем достижения современных исследований географического воображения (см. [3]), показывающие, что в лирической поэзии оно становится частью рефлексии над возможностью лирического произведения приобретать дополнительную ценностную оптику и оценивать ландшафт как необходимое культурное наследие, нуждающееся в экзистенциальном внимании.

В трактовке религиозно-метафизической поэзии мы исходим из той аналитики репрезентативности, которая уже проделана в науке, указывающей, при каких условиях ландшафт может стать иконичным и райским и как это снимает часть и географических, и жанровых оппозиций на путях новой гармонии [8, с. 137], а также при каких условиях возможно то размывание границ лирических жанров внутри литургической интенции поэзии, когда и переживание предметов оказыва-

ется предельно динамическим и ритуальным [5, с. 58]. Мы при этом исходим не из анализа устойчивой образности, а из того, как вообще мыслимо наследие в лирическом высказывании, устремленном вертикально, к экзистенциальным вопросам, и как эта мысль станет необходимой просто для того, чтобы высказывание состоялось и осуществились очевидные для внимательного читателя его границы, а не только границы изображаемого. Поэтому религиозно-метафизическая поэзия обращается не только к вещам, но и к жанрам, как пейзаж, так как познание границ и мер оказывается не только художественной, но и духовной задачей.

Обычные представления о юге России как о курорте или месте комфортного пребывания, нормативные в советской поэзии и служащие основой уже драматических или фельетонных сюжетов, не свойственны религиозно-метафизической поэзии. Слово «отдых» в религиозно-метафизической поэзии почти не употребляется. Одно из немногих исключений — стихотворение Кривулина «Студенты империи» (2000), посвященное европейскому, а не русскому югу и представляющее собой развертывание правила Суворова «Тяжело в учении — легко в бою», где переход через Альпы вслед за Суворовым отождествляется с отдыхом и с паузой в речи, с необходимым созерцанием окружающего мира после долгого риторического обоснования педагогической миссии.

В стихотворении «Летняя рекреация» (2000) описывается условный юг страны: такие приметы, как множественные пивные фестивали в июне (то есть когда отпускное время наступает в нашей стране, в Европе еще работают, и пивные фестивали, за исключением Бельгии, обычно проходят гораздо позже), аренда жилья людьми почти без денег, скудость развлечений, ограниченных в основном загорающим на пляже, говорит, что перед нами наша страна лихих 1990-х:

июнь с пивными фестивалями
юг арендуемый (но в долг)
поволновался и умолк
народец вечно раздеваемый

Жалобы на южные цены, высказанные по-русски (за границей вряд ли они были бы уместны, да и «народцем» назвать отдыхающих за границей тогда было нельзя), сменились простым отдыхом. Далее этот южный отдых оказывается кратковременным, даже если погода «тихая» и можно загорать сколько угодно, стекаясь на пляжи:

его берет погодка тихая
за шиворот и он потек
и много ль времени натикало
в его нестиранный платок

Платок, которым вытирают слезы, оказывается мерой времени. Объяснить этот смелый образ можно только обратившись к финальным двум строкам стихотворения:

уже не знает и не ведает
но отдыхает от себя
в садах с ампирами лафетами
с решетками и парапетами

где еле языком ворочая
скативши глазоньки в кулек
гуляет совесть нерабочая
не рубящая уголек

Пейзаж «рекреации», постсоветского курорта, может быть и Крымом, и Новороссийском, любым местом, где есть памятники, напоминающие о войнах николаевского времени. Термин «ампир» относится к наполеоновскому стилю, и его подражаниям, в том числе в России Александром I и Николаем I, и поэтому он напоминает скорее о драматизме войн XIX в., чем о триумфе русского оружия в XVIII в. При этом пейзаж построен как экфрасис рисунка, открытки или, скорее всего, фотографии: в советское время любительские фотографии делались на пляже, но фотографии для семейного альбома или отправки родственникам — в парках, лицензированными фотоаппаратами. Смешивая дореволюционное, советское и постсоветское, Кривулин изображает южную природу как место забвения. Для Кривулина вообще образ «курорта» был связан с образом фотографий, но при этом не гарантирующих благополучие человека, не защищающих его

от катастрофы, как мы видим это в стихотворении «Ссылный» (1995), где ученый, оказавшийся в среднеазиатской ссылке, продолжает рассылать открытки с альпийскими видами, оставшиеся, по всей видимости, от стажировок. Этот ученый вполне адаптировался к условиям ссылки, и даже публикует свои выводы «в межрайонной газете», и он отомстит тем, что правильно поймет филологические закономерности отношения китайской и среднеазиатской культур, правильно переберет мировую историю. Мы встречаем слово «межрайонный», не просто пародирующее бюрократический жаргон, но указывающее на преимущество «воображаемой географии», собирающей разнообразие культур и районов в одно понятие, над реальной географией. Кривулин ставит эксперимент: что будет дальше после этой сборки?

Последние две строфы содержат цитаты из советской поэзии: «не зная» и «не ведая» — весьма частое парное выражение в позднесоветской поэзии, тогда как «не рубящая уголек» — полужитая из стихотворения Е. Евтушенко «Разговор с Кузьмой Севериновым»:

Я скажу по-донбасски:
От стихов я далек,
Но ты тоже долбаешь
Как и я, уголек.

Довольно тонкий ассонанс Евтушенко, «донбасски — долбаешь», в духе изощренной грубости Маяковского, должен был показать, что шахтер не просто понимает поэта, а обладал не меньшей современной поэтической культурой, условность «разговора» превращалась в реализацию идеи народной поэзии. Кривулин во многих стихах относится к этой идее скептически: признавая тонкость народного понимания, он не допускает, что поэтическая речь будет вполне ясна. Ведь для Кривулина, начиная с его хрестоматийных ранних стихов, как «Я Тютчева спрошу...», «Клио» или «Кассандра», поэзия сближается с пророчеством об истории, непонятным даже самому поэту, не говоря уже о публике.

Интересно, что «рубящая» может быть и отсылкой к жаргонному «врубиться», иначе говоря, намеком на отсутствие диалога меж-

ду поэтом и рабочим, в отличие от описанной Евтушенко ситуации, и указанием на то, что Кривулин взял цитату не из первых рук — в эссе О. Седаковой «Другая поэзия» эти строки цитируются по памяти [7, с. 228], с заменой ассонанса на тень ассонанса «кузбасски — рубашешь». Седакова видит в таком подходе прагматизацию поэзии, превращение ее в инструмент воздействия на социальную реальность, сопоставляя ее на этом основании с обрядовым фольклором, но в фольклоре видя преимущество — чувство уместности, проявляющееся на разных уровнях поэтического текста (Седакова — структуралист по выучке).

В русской религиозно-метафизической поэзии за противопоставлением севера и юга были закреплены свои созвездия — Большая Медведица и Кассиопея соответственно. Так, в стихотворении Седаковой «Ночное шитье» (1980) противопоставляется созвездие Кассиопеи, предвещающее солнечное тепло и торжество («И Кассиопеи бледнеет орлица» — указывается не только часть созвездия, но и общая идея царственного торжества), и созвездия Большой и Малой Медведиц, названные «колесницами». «Я звездного неба люблю колесницы» — это чувство сопровождает «ночное шитье», понятое как аскетическая работа, включающая и у Седаковой, и у всех религиозных метафизиков умение терпеть любой холод перед восходом нового солнца, Царствия Небесного: «Мы выткем то небо, что ходит за мною». У Кековой в стихотворении «Размышления над картой звездного неба» (1986) так же точно Кассиопея оказывается началом движения, олицетворенного и Меркурием (Ртутью), и молоком млечного пути, питающим все мироздание:

но в это время в небе виден след
ползущего куда-то скарабея.
Он катит шар перед собой, как ртуть,
туда, где ниц лежит Кассиопея
и неживую обнажает грудь,
откуда вечно Путь струится Млечный,
безмерно сладкий, мертвый,
бесконечный.

Созвездия названы неживыми и мертвыми, как небесные тела, но при этом катить

шар — это и означает длить жизнь и сопротивляться смерти, это частый образ пряжи и клубка и у Седаковой, утверждающей этот образ как противоположность нити Парок, как христианский ответ на языческий фатализм. И так же точно Кекова вводит многообразие образов движения, движения, приводящее в движение ртуть, как противостояние былой смерти. Юг оказывается и местом, где любое движение оставляет след, а не пропадает среди льда и снега, и где струящийся путь вмещает в себя бесконечное число предметов.

Интересно стихотворение Кривулина «Враги» (2000), вроде бы посвященное преступникам и нищим 1990-х. Но оно представляет этих выходцев с юга как красавцев; их выход на промысел лунной ночью подобен сиянию звезд, вероятно, южных звезд, но при этом они попрошайничают и грабят с объявленной целью купить «билет до Ростова», вернуться в свою преступную столицу из заснеженных краев в южные.

Уже не астрономическое, а ландшафтное изображение юга мы встречаем в стихотворении Кривулина «Вслед за тройкой», очевидно, указывающее на предполагаемый маршрут гоголевского Чичикова в Новороссию, где он должен был поселить своих мертвых душ. В начале деятельность Чичикова и его бегство вдруг связываются и с эстетикой боевика, перестрелки на киноэкране, и с забвением:

пули птицей полетели
вслед за полевой за тройкой –
не догнать конца недели
не прогнать тоски настойкой

Но неожиданно появляется образцовый пейзаж юга России, включающий весь минимум опознаваемых примет, в том числе развитое коневодство:

степь рожающая горы
ширь забитая в теснину –
оттого здесь кони скоры
что вокруг едят конину

Кривулин, петербуржец, явно отличается от Кековой, для которой горный ландшафт — не экзотический, а с детства знако-

мый. Благодаря этимологизированию родного города Саратова — Желтой Горы — этот город оказывается «узкоглазый и китайский» («Надо мною жук летает майский...», 1999), он становится местом проклятой доли: «мой дом прокаженный на Желтой горе», противопоставленной литургическому спасению («Возьми же муки для лепешек квасных, посуду для прочих даров», 1999). Этот южный природный ландшафт, который как будто сам приходит в движение, сам себя порождает и сам себя поглощает, оказывается и ландшафтом коневодства и питания кониной. По сути, Кривулин моделирует юг как самораскрывающийся, пишущий себя экфрасис, так что потом и оказывается, что могут преодолеваться не только ландшафтные границы, но и границы внутреннего и внешнего.

бел-поток шипя в камнях
вывернулся весь наружу –
а нутро-то в черных змеях
в язвах измотавших душу.

Такая перемена полностью следует из того, что в тройке сидит Чичиков, как и положено в произведениях Гоголя, просторы юга раскрываются как фантазмагорические декорации. Но Чичикова явно мучает совесть, даже там, где он достиг идеального ландшафта, и поэтому последняя строфа стихотворения дает совсем фантазмагорическое описание, где терновник, который должен быть отождествлен с колючей проволокой, отождествляется с самим заключенным:

но скалистую волчбою
раздираемый терновник
видит небо над собою
словно волю — уголовник

Тем самым мы можем уточнить ту стратегию Кривулина, которая уже рассматривалась как преодоление абсурдизма путем установления вертикали между небесным и земным ландшафтом [6, с. 22], такое и преодоление, и новое усвоение может идти и по горизонтали. Другая попытка изобразить юг у Кривулина — своеобразная танка «Эхо в горах» того же года:

эхо в горах
это от голоса крови
дыбом встает каменный этнос
дымом черным пятнает
белые облака

При, казалось бы, простой метафоре памяти о кровавых событиях и о военных действиях, которые были в этих краях в последние столетия, очевидно, что здесь речь идет о двойной смене оптики: мы видим, как именно ландшафт оказывается устойчивым, несмотря на все военные испытания, но потом, уже изнутри этой устойчивости, мы понимаем, что память о погибших нас сопровождает. Мы уже смотрим как бы глазами вечности, совершая вечную память, и если северный ландшафт может выступать в качестве образа вечности метафорически, то здесь происходят скачки, преодолевающие границы лирических жанров. Собственно, метафор здесь нет, или эти метафоры стерты, как «голос крови», но есть представление о динамике неожиданных эффектов, которое требует лирический «голос крови» перевести в эпический регистр «каменного этноса». Читатель, чтобы избежать фантомной опасности, это делает, и в результате участвует в поминании.

В стихотворении Кековой «Щебечут птицы в облаках то на латыни, то на греческом...» (1999) противопоставление сюрреалистически изображенных Индии со «снующими, как рыбы, рикшами» и Скандинавии как ледяной Вальгаллы разрешается образом Придонья, названного античным словом Танаис:

здесь, на моей погибшей родине
китовый ус, китайский рис, базар,
поющий и щебечущий,
и темно-желтый Танаис,
на берег рыбы шубы мечущий.

Образ реки, обильной рыбой, венчает образность базара как места одновременно покупок и продаж, а значит, не только обретений, но и утрат и гибели. Щебет базара противопоставляется молчанию и жертвенности рыб. Метание рыбы на берег, образ обильного улова соотносится с метанием икры как выражением предельной беспечной щедрости

природы. Эта щедрость увидена уже метафизически: чешуя названа «шубой» не только из-за общей метафоричности стихотворения, но и благодаря выражению «рыбий мех», в смысле скудости, скудной лепты от всего сердца.

Изображение Придонья как места, где есть не только «базар», но и особое сочетание скудости и обилия, продолжается в финале стихотворения:

А птицы движутся на юг разноречивым
человечеством –
и нет ни памяти, ни мук,
и нет вины перед отечеством,
и нет ни дома позади, ни кладбища,
ни поля бранного,
а только плач и боль в груди
от звука низкого, гортанного...

Понять это четверостишие можно только исходя из сквозной метафоры всего стихотворения — языка птиц как понятного только мудрецу, такому как Соломон (в соответствующих восточных преданиях и сказках). Птицы в начале стихотворения и оказываются в этом арабо-персидском мире, «в богатом городе купеческом», и там они могут говорить на разных языках. Но движение с юга на север, к лирическому повествователю, уносит весь говор людской «с легким шелестом» в небеса. Чтобы начать говорить, требуется движение с севера на юг, но слов пока не находится — и если в начале сообщалось о легкости звучания в небесах торгового города, то на севере «плач и боль в груди» тяжелы еще до того, как предметы горечи и скорби названы. Тогда южная природа — это природа, предназначенная для всего человечества, потому что именно там прозвучит настоящая речь, не речь скорби, но и не речь легкости. В условной Индии «брошены обрывки фраз», в условной Скандинавии — только холод, не позволяющий сказать ни слова, тогда как Придонье, «погибшая родина», место утрат, знакомит не с подобиями, а с подлинностью, с настоящими рыбами и продуктами, а не с мелькающими вслед за фразами сравнениями.

Сходная программа реализуется и в других стихах Кековой, опубликованных в том же

1999 году. Так, стихотворение «Древесные птицы и гады морские...» начинается с пейзажа охоты и птицеловства, напоминающего о декоративных полотнах и гобеленах с соответствующими сценами:

Древесные птицы и гады морские!
Напаялил народ колпаки поварские
и ждет: птицеловы расставят силки,
в кипящее море войдут рыбаки
и бросят тяжелые крепкие снасти,
и будут нырять в устье реки
сомов терзать за усатые пасти.

Перед нами экфрасис несуществующей картины, обладающий такими необходимыми свойствами этого жанра, как описание сразу нескольких действий, производимых одними лицами в одном пространстве, внимание к самым тонким деталям, к самым незаметным подробностям, которые даже не разглядеть на картине. Всё это отличает классический экфрасис как создание в речи ожившей картины. Далее идет гротескный экфрасис уже условного натюрморта, натуралистическим описанием вивисекции напоминающий о наследии поэтов группы ОБЭРИУ («Таракан» Н. Олейникова):

Доставлена будет добыча к столу,
и повар возьмет поварскую иглу
и сердце нащупает пойманной твари,
проколет его; небольшую пилу
наточит, о Божьей не думая каре,
распилит убитых животных тела,
огромную печь раскалит добела.

И, наконец, в середине стихотворения появляется река, текущая на юг:

Ползите скорей, муравьи и жуки,
летайте, стрекозы, по белому свету,
лежите, ракушки, под илом реки,
текущей на юг и впадающей в Лету.

Перечисление муравьев и жуков уже напоминает не об Олейникове, а о другом обэриуте — Заболоцком («Поет синклит беззвучных насекомых»). Если предыдущие строфы изображали безмолвный крик, несущийся

с картин, то эта строфа изображает истинное природное безмолвие, которое и осуществляется на юге, как уже легкость забвения и временно всемирное спасение, когда возможно летать по всему белому свету. В последней части стихотворения весь этот мир дается глазами насекомого, уже взглядом из иного мира. В другом стихотворении, «Злая зима в этом тысяча мертвом году», Кекова изображает тяжелую зиму, которую отождествляет и с монгольским игом, и с истязаниями и скорбями христианских мучеников. В предпоследней строфе вспоминается юг:

Видела я удивительно явственный сон:
вышел январь в раскаленной
железной кольчуге,
голову вскинул — и выстрелил
в облако он,
родину вспомнив,
заплакали птицы на юге.

Образ выстрела в облако понятен, только если обратиться к поэзии Арсения Тарковского, для которого «облако» и «яблоко» образовывали устойчивую пару, раскрывающую природу чувственного восприятия, полусновидческого, полуреального:

Слышу круглого яблока круглый язык,
Слышу белого облака белую речь

(«Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был...»)

Тогда выстрел в облако на переходе от сна в явь соответствует выстрелу в яблоко, проверке меткости или риску. Но тогда и обычная метафора мечты, мечты северной природы о южной, которую мы помним все из Гейне и перевода Лермонтова («На Севере диком стоит одиноко...») переворачивается: птицы не мечтают о севере, а плачут, тяжело переживают. Таким образом, южная природа оказывается местом, в котором воспоминания оказываются особого качества, не воспоминанием о былом, но точным, метким попаданием образа в то, что происходит в других краях.

Вместе с тем у Кековой, несмотря на то что горы — ее родина и юг поэтому не может быть частью оппозиции горного раз-

нообразия и равнинного однообразия, есть тоже ландшафт юга и природного наследия, в стихотворении «На усталой коже оставив метку» (1999). В первых строфах представляя личные переживания («покидает птица грудную клетку»), далее стихотворение переходит в тот самый образ рыб, который и вводит уже не просто южные ландшафты, а южные пейзажи, узнаваемые по своей яркости (ночное благоухание трав, пастух с овцами, морская звезда южных морей):

соловей, возносящий молитвы Богу,—
то забытую он пропоет эклогу,
то в беспамятстве свищет свои псалмы.
Рыб горбаты спины. Земли холмы

расцветают ночью травой узорной.
Мокнут сети ловчие. Спит ловец,
и пастух, бредущий травой горной,
ищет стадо заблудших своих овец.

Я уже не плачу и не тоскую,
наудачу славлю звезду морскую,
твоего убежища свет туманный,
где мой сон скитается безымянный.

После такого изображения многочисленных примет южного природного наследия мы все же находим образ северной тяжести, но уже осмысленный не как ландшафтный, а как произведенный и этическим выбором, между правдой и ложью, и литературным выбором, перед «пустой страницей»:

А в своем отечестве, на границе
безымянной правды и старой лжи,
как слова на белой пустой странице,
в равнодушном небе снуют стрижи.

Фактически речь идет об историческом переживании, но уже после райского опыта юга, причем не о сожалении или сочувствии, но о новом эксперименте, насколько литературный опыт вообще может схватывать исторический опыт. Противопоставление южной легкости и северной тяжести, каковы бы ни были его истоки в русской поэтической традиции, в религиозно-метафизической поэзии становится не предметом лирического

созерцания, а поводом для разговора о смысле и содержании истории. Так, в стихотворении «На руинах межрайонного дома дружбы» (1995) Кривулин противопоставляет «кавказ полувоздушный» (поздний Кривулин часто отказывается от прописных букв, превращая все имена как бы в нарицательные слова), легкость той тяжести северной жизни, которую олицетворяет стоящий в городе на Неве дом дружбы — трактор на фреске кажется повествователю тяжело чихнувшим и заглохшим, а вовсе не торжественным апофеозом радостного труда, как задумывал вымышленный автор фрески.

Таким образом, проведенное исследование показало, что хотя предпосылки этих поэтов различны, они создают общую концепцию природного наследия юга России. Предпосылки их различаются прежде всего исходным опытом родного ландшафта: для Кривулина это однообразный северный пейзаж, а для Кековой — ландшафтное разнообразие Поволжья. При этом противопоставление северной и южной природы поддерживается у них не только ландшафтными наблюдениями, но и институционально, вниманием к тем ин-

ституциям, которые стали возможны в мире природы юга России. Это не только современные институты, как курорты, но и древние, такие как астрономические наблюдения.

Природное наследие юга России в поэзии этих авторов раскрывается не статически, а динамически, в связи с религиозным экзистенциальным пониманием человеческой жизни. Такие устойчивые признаки южной природы, как обилие, видовое разнообразие и возможность широкого обзора, оказываются символами для интерпретации мистического опыта приобщения к другой оптике. Если север аскетичен, то юг идилличен, и эта идилличность раскрывается как возможность оптики рая во взгляде на современную социальную жизнь. В жанровой системе этих поэтов происходит двойная конвертация: образность юга России благодаря культурным ассоциациям начинает напоминать райскую образность, а появление экзистенциальной проблематики благодаря противопоставлению севера и юга позволяет воспринять эту странную образность как естественную, как от природы ожидаемую душой, перейдя к более глубокому чувству родины.

Alexander V. MARKOV

The Natural Heritage of Southern Russia in the Poems by Viktor Krivulin and by Svetlana Kekova

Abstract. In the works of the leading Russian poets of the religious-metaphysical trend, nature appears as both the object of lyrical reflections and a landscape, which serves as an occasion for reflection on the realised and unrealised. Natural landscapes are perceived within the genres of painting, and their lyrical contemplation contributes to the renewal of the genre system of poetry. The poems by Viktor Krivulin and by Svetlana Kekova were selected for the study; their common features are a deep knowledge of religious and philosophical traditions, a general orientation to the heritage of Russian symbolism, avant-garde and absurdism, the desire for permeability of different lyrical genres and, therefore, the absence of a distinct landscape lyrics. Reflections on landscape are embedded here in reflections on the existential purpose, and the nature of southern Russia is revealed as part of an existential choice. A close reading was chosen as the research method, with contextualisation of the material based on the sustainable cultural images of Russia's southern nature in the culture. Religious-metaphysical poetry always pays attention not only to nature as such, but also to its iconicity, to its reflection in the canonical forms of landscape or ekphrasis. The intense reflection on the role of southern nature in Russian culture is demonstrated in Krivulin's and Kekova's poems through an unusual paradoxical combination of its various "icons", canonically enshrined in the traditional imagery. The research has shown that, although the poets' prerequisites are different, they create a common concept of the natural heritage of southern Russia. Their prerequisites differ, first of all, in the original experience of the native landscape: for Krivulin, it is the homogeneous northern landscape; for Kekova, it is the landscape diversity of the Volga region. At the same time, the juxtaposition of northern and southern nature is supported not only

by landscape observations, but also institutionally, by attention to institutions that have become possible in the natural world of southern Russia. These are not only modern institutions, like resorts, but also ancient ones, such as astronomical observations. The conclusion of the article is that the natural heritage of the south of Russia in the poems by these authors is revealed dynamically rather than statically, in connection with the religious existential understanding of human life. Such persistent features of southern nature as abundance, species' diversity and a wide panorama are symbols for interpreting the mystical experience of joining a different optics. If the north is ascetic, then the south is idyllic, and this idyll is rethought as a possibility of paradise optics in the view of today's social life.

Keywords: landscape, landscape lyrics, ekphrasis, imaginary, iconicity, poetic imagination, southern nature, southern Russia, religious metaphysics.

Использованная литература:

1. Григорук С. И. Концепт синего цвета в поэзии Георгия Иванова // Культура народов Причерноморья. 2003. № 44. С. 125–129.
2. Замятин Д. Н. Империя пространства: Географические образы в романе А. Платонова «Чевенгур» // Вопросы философии. 1999. Т. 10. С. 82–89.
3. Зверева Т. В. Имперский миф: от классицизма к модернизму // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2018. Т. 28. № 3. С. 313–322.
4. Колотаев В. А. Фотоискусство как система поэтически эксплицируемых репрезентаций // Артикульт. 2017. № 1(25). С. 18–31.
5. Лучина Е. И. Функции грецизмов православного религиозного дискурса в художественном тексте (на материале поэзии С. В. Кековой) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». 2009. Т. 9. № 3. С. 55–60.
6. Павловец М. О стихотворении В. Кривулина «Хлопочущий Иерусалим»: литературоведческий комментарий к комментарию лингвистическому // Полилог. 2011. Т. 4. С. 19–25.
7. Седакова О. Другая поэзия // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 233–242.
8. Тальских Т. С. Иконические мотивы в современной поэзии духовной традиции (на материале лирики С. Кековой, О. Николаевой, О. Седаковой, О. Василия (Рослякова)) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 5 (109). С. 134–140.

References:

1. Grigoruk, S.I. (2003) Kontsept sinego tsveta v poezii Georgiya Ivanova [The Concept of Blue in the Poetry of Georgiy Ivanov]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 44. pp. 125–129.
2. Zamyatin, D.N. (1999) Imperiya prostranstva: Geograficheskie obrazy v romane A. Platonova "Chevengur" [Empire of Space: Geographical Images in A. Platonov's Novel "Chevengur"]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 82–89.
3. Zvereva, T.V. (2018) Imperial Myth: From Classicism to Modernism. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya" – Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. 28 (3). pp. 313–322. (In Russian).
4. Kolotaev, V.A. (2017) Art of Photography as System of Poetically Explained Representations. *Artikul't – Articult*. 1(25). pp. 18–31. (In Russian).
5. Luchina, E.I. (2009) The Functions of Greek Loanwords of the Orthodox Religious Discourse in Literature (On the Material of S.V. Kekova's Poetry). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya "Filologiya. Zhurnalistika" – Proceedings of Saratov University. Ser. Philology. Journalism*. 9(3). pp. 35–40. (In Russian).
6. Pavlovets, M. (2011) O stikhotvorenii V. Krivulina "Khlopushchiy Ierusalim": literaturovedcheskiy kommentariy k kommentariyu lingvisticheskomu [On V. Krivulin's Poem "Bustling Jerusalem": A Literary Commentary on the Linguistic Commentary]. *Polilog*. 4. pp. 19–25.
7. Sedakova, O. (1996) Drugaya poeziya [A Different Poetry]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 22. pp. 233–242.
8. Tal'skikh, T.S. (2016) Iconic Motives in the Modern Poetry of the Spiritual Tradition (Based on the Lyrics by S. Kekova, O. Nikolaeva, O. Sedakova, Father Vasily (Roslyakov)). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 5 (109). pp. 134–140. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Марков А. В. Природное наследие Юга России в поэзии Виктора Кривулина и Светланы Кековой [Электронный ресурс] / А. В. Марков // Наследие веков. – 2019. – № 4. – С. 19–27. DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.002

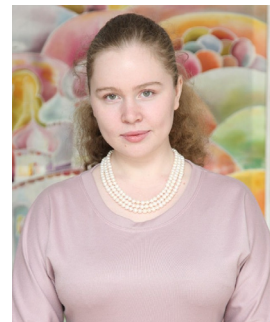
Full bibliographic reference to the article:

Markov, A. V. (2019) The Natural Heritage of Southern Russia in the Poems by Viktor Krivulin and by Svetlana Kekova. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 4. pp. 19–27. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.002

САРТАКОВА Анна Владимировна
аспирант Восточно-Сибирского
государственного института культуры,
Улан-Удэ, Российская Федерация
Anna V. SARTAKOVA
Postgraduate Student,
East Siberian State Institute of Culture,
Ulan-Ude, Russian Federation,
sartakova.ann@mail.ru

УДК [351.853.1:069]:502.4(571.53/.55)
ГРНТИ 13.61.11
ВАК РФ 24.00.03

DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.003

Актуализация историко-культурного наследия в музейных институциях особо охраняемых природных территорий Байкальского региона

The Updating of Historical and Cultural Heritage in the Museum-Type Institutions of the Specially Protected Natural Areas of the Baikal Region

В эпоху возрастающего антропогенного воздействия на природу именно особо охраняемые природные территории (ООПТ) стали уникальным явлением, так как они гармонично сочетают в себе природное и историко-культурное наследие и выполняют схожие с музеем функции, что позволяет интерпретировать их как «музеи под открытым небом». В данной статье приводятся примеры репрезентации объектов историко-культурного и природного наследия ООПТ Байкальского региона. На основе полевых материалов автора приводится количественная и качественная характеристика музейных институций природоохранных зон, подчеркивается их особая роль в сохранении и популяризации объектов наследия. Кроме того, автор обращает внимание на реализуемые проекты музеефикации, являющейся приоритетным способом актуализации наследия ООПТ, и указывает на положительные и проблемные моменты, касающиеся особенностей сохранения и демонстрации историко-культурного наследия заповедных зон как туристических объектов.

Ключевые слова: музей, визит-центр, историко-культурное наследие, особо охраняемые природные территории, Байкальский регион, Иркутская область, Республика Бурятия, Забайкальский край.

На нашей планете практически не осталось мест, куда бы не ступала нога человека и где бы он не оставил свой след. С нарастающим губительным антропогенным воздействием на природу с XX в. государство на за-

конодательном уровне старалось сохранять уникальные экосистемы, создавая особо охраняемые природные территории (далее по тексту ООПТ), ассоциируемые, помимо прочего, с определенным историко-культурным

наследием. Сегодня они представляют собой уникальное явление, в котором гармонично сочетаются природный ландшафт заповедной территории и памятники истории и культуры. Функции, выполняемые природоохранными зонами, схожи с функциями музея, что позволяют интерпретировать ООПТ как «музей под открытым небом».

Деятельность природоохранных зон, направленная на сохранение и включение природного и историко-культурного наследия в современную культуру, без особого ущерба осуществляется путем его музеефикации как приоритетного или единственно возможного способа актуализации [8, с. 596–597].

Для эффективного сохранения и презентации объектов историко-культурного и природного наследия, расположенных на ООПТ, труднодоступных для осмотра, созданы экспозиции и визит-центры, которые являются «институтами памяти» и отвечают за сохранение наследия, а также обеспечивают «межпоколенную коммуникацию» прошлого и настоящего [5, с. 39].

Территория Байкальского региона соответствует критериям и параметрам Международного союза охраны природы и природных ресурсов [9]. Уникальная экосистема и природно-культурные ландшафты озера Байкал вызывают интерес у туристов со всего мира, что открывает широкие перспективы для развития рекреационной отрасли российской экономики [15].

Сегодня на 160 ООПТ Байкальского региона нами выявлено 3 музея природы и один этнографический музей при государственных заповедниках и 28 визит-центров при заповедниках, национальных парках и заказниках.

Рассмотрим наиболее яркие примеры актуализации и гармоничного сочетания природного и историко-культурного наследия на заповедных территориях Байкальского региона.

Например, ФГБУ «Объединенная дирекция Баргузинского государственного природного заповедника и Забайкальского национального парка „Заповедное Подлеморье“» (Республика Бурятия) располагает одним музеем природы и шестью визит-центрами, в которых представлены не только естествен-

нонаучные коллекции, но и объекты историко-культурного наследия.

Музей природы является первым на ООПТ Байкальского региона. Он был открыт в 1953 г. в поселке Давша Баргузинского района, в то время являвшемся центральной усадьбой Государственного природного заповедника «Баргузинский». Данный музей размещается в здании научного отдела, построенного в 1947 г. [7, с. 518].

В его экспозиции представлены не только движимые объекты природного наследия, но и датируемый началом XX в. фотоархив, в котором отражены первые шаги заповедника и этнографические зарисовки об эвенках шамагирского рода, проживавших ранее на территории заповедника, а также предметы их быта; личные вещи научных сотрудников заповедника (фотографии и дневники); официальные документы и фотографии (в том числе и на фотопластинках), подтверждающие принадлежность Баргузинского заповедника участку всемирного наследия ЮНЕСКО — Байкальской природной территории; униформа и снаряжение инспекторов охраны; оборудование по предотвращению пожаров; предметы браконьерского промысла и многое другое [14].

Отметим, что в планах у дирекции «Заповедного подлеморья» стоит реализация проекта по созданию эколого-просветительского музейного комплекса под открытым небом «Заповедный берег». Идеей данного проекта является воссоздание атмосферы изучения природы при помощи обновленных экспозиций музея, где посетители смогут перевоплотиться в ученых: ботаников, зоологов, энтомологов и орнитологов. Кроме того, отреставрированные дома, в которых жили сотрудники заповедника в XX в., вместе с окружающим пейзажем и действующими исследовательскими площадками станут достойной экспозицией, отражающей быт и деятельность нескольких поколений ученых и инспекторов охраны, которые на протяжении более чем ста лет сохраняли (и продолжают сохранять) природное наследие нашей страны [8, с. 600–601].

Особый интерес с точки зрения актуализации объектов историко-культурного наследия на ООПТ представляет опыт ФГБУ «Бай-

кальский государственный природный биосферный заповедник».

Например, этнографический городок (далее этногородок) представляет собой экспозицию под открытым небом, которая была открыта для посетителей летом 2015 г. Специально для нее было выделено место рядом с главной усадьбой заповедника вдоль экологической тропы — с целью реализации программы по экологическому просвещению населения. В экспозиции представлены традиционные жилища народов Забайкалья: русская изба, деревянная бурятская юрта и эвенкийский корьевого чум. В них посетители могут увидеть копии и подлинные предметы быта и культуры коренных жителей Бурятии. Основной миссией этногородка является показ взаимодействия человека с экосистемой, демонстрация опыта повседневной жизни народов Забайкалья, базирующегося на экологических традициях и бережном природопользовании.

Следует также отметить, что отдел экологического просвещения Байкальского заповедника уделяет особое внимание популяризации историко-культурного наследия природоохранной зоны. Так, например, летом 2014 г. в конференц-зале визит-центра «Байкал заповедный» посетителям демонстрировалась небольшая выставка исторических артефактов, найденных на территории заповедника и датирующихся XIX — началом XX в. В экспозиции были представлены фонари, банкноты, подковы, цепи, лампы, скобы, гвозди и пр. Кроме того, на прилегающей к визит-центру территории в 2017 г. был воссоздан историко-мемориальный комплекс, посвященный истории Байкальской паромной железнодорожной переправы — грандиозного государственного проекта начала XX в. Данная переправа не только связала воедино строящуюся Транссибирскую магистраль, но и обеспечила стране возможность отстоять свои завоевания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Более ста лет ее история оставалась в забвении, от масштабных портовых сооружений остались лишь фрагменты причальных стенок [1].

Инициатором создания данного комплекса выступил Байкальский заповедник. Со-

вместно с ОАО «Российские железные дороги» были установлены воинские двухосные вагоны и старинный семафор, по историческим чертежам реконструирован станционный дом, в котором размещена экспозиция, включающая историческую реконструкцию порта Танхой в виде военно-исторической миниатюры, а также снят документальный фильм и создан виртуальный музей [1].

Особенно из всех ООПТ Байкальского региона нам хотелось бы выделить ФГБУ «Национальный парк „Тункинский“», который включает практически всю территорию Тункинского района Республики Бурятия и является своего рода «музеем под открытым небом», так как располагает множеством музеефицированных объектов и включает многообразие культурных ландшафтов, содержащих культовые места. Они демонстрируют наследие традиционных культур: русской земледельческой (христианской) и монгольско-бурятской скотоводческой (буддийско-шаманской), тюркской и тунгусской охотничье-оленоводческой (анимистически-шаманской). Именно гармоничное сочетание музеефицированных объектов культового наследия и уникальных экологических комплексов способствовало образованию природно-культового комплекса [3, с. 6].

К природно-культовому комплексу национального парка относятся:

— древние культовые места — памятники кочевых цивилизаций Центральной Азии: Бурэн-хан, Бурхан Баабай, или Хан Шаргай-нойон, Тамхи Баряаша (Трубка Мира), Хонгор-Уула, Ринчин-хан, или Буха-нойон, Престол Чингисхана, Субурга, Папий, Хэрэн Тэп-хэр, Халун Угун, Баян-Мандал (потухший вулкан Черского, или Уляборский), которые задействованы в экскурсионных маршрутах национального парка;

— православные церкви — Гужирская (с. Гужирь), Тункинская (с. Тунка), которые являются памятниками каменного зодчества, Свято-Иннокентьевская (с. Кырен), Никольское кладбище (с. Никольск);

— дацаны Тушита (с. Кырен); Бодхидхарма (п. Аршан) — основное молитвенное здание (бывший жилой дом Агвана Доржиева — ламы, дипломата, просветителя, рели-

гиозного, государственного и общественного деятеля России, Тибета и Монголии) [3, с. 9].

Кроме того, на данной заповедной территории в 2018 г. был открыт музей природы. В его экспозициях представлены экспонаты не только природного, но и историко-культурного наследия, а именно: архивные документы, посвященные истории национального парка, археологические находки, предметы быта Тункинской долины, демонстрирующие особенности местного природопользования [12].

Уникальной природоохранной территорией Байкальского региона является национальный парк «Алханай» (в Забайкальском крае), располагающий большим количеством как природных, так и культурных, а точнее, религиозных объектов совместного творения природы и человека. Спросом у туристов парка пользуются, такие памятники, как плиточные могилы, молитвенные камни, Дэмчог Дуган, Будда Медицины (Отошо), каменная часовня, Памятный субурган, посвященный визиту Далай-ламы XIV в национальный парк в 1991 г. [2]. В настоящее время в национальном парке «Алханай» 17 объектов — памятников истории и культуры буддизма и бурятского народа [16, с. 138]. Все они включены в туристические маршруты.

В 2019 г. в честь двадцатилетия национального парка его дирекция открыла визитно-информационный центр в с. Дульдурга Забайкальского края, в экспозициях которого представлены животный и растительный мир Алханая, минеральные коллекции, этнографические коллекции национального парка, предметы браконьерского промысла, а также экспонаты, посвященные работе инспекторов и научных сотрудников национального парка.

В то же время на территории Сохондинского государственного природного биосферного заповедника (Забайкальский край) расположены плиточные могилы Забайкалья. Некоторые из них обставлены огромными плитами (около трех метров), но в большинстве случаев плиты небольшие и достигают всего метра в высоту. У части могил имеется «сторожевой» камень — одиночная плита, стоящая на расстоянии 20 метров от захоронения. В основном все плиты ориентированы с вос-

тока на запад. Большинство могил разграблены или просто пусты. Однако недалеко от с. Кыра (место расположения главной усадьбы заповедника), в местечке Бордотуй, расположена дюнная стоянка, где без проведения специализированных раскопок работниками заповедника «Сохондинский» были найдены следующие предметы: ножевидные пластины, проколки, наконечник стрелы из прозрачного халцедона, скребки, лезвия. Доказательством того, что стоянка древняя, служит скребок, характерный для того времени. Подобные орудия, но более раннего периода, были обнаружены и у склонов горы за озером Шивичи (восемью километрами севернее с. Кыры). Все находки волонтеров и сотрудников природоохранной зоны были переданы в Кыринский историко-краеведческий музей, с которым заповедник тесно сотрудничает уже на протяжении 20 лет [4].

Относительно ООПТ Иркутской области следует отметить, что по количеству археологических памятников национальный парк «Прибайкальский» превосходит любой другой в регионе. Согласно «Перечню археологических объектов, расположенных на территории Прибайкальского национального парка», изданному Центром по сохранению историко-культурного наследия в 2001 г., на территории нацпарка расположено 986 объектов, из них 143 на острове Ольхон, который является самым большим островом на Байкале (древние городища, остатки каменных стел, каменные «шатровые» могилы и пр.). Тысячелетиями и веками памятники археологии и этнографии вписывались в живописные ландшафты о. Ольхон и материкового Приольхонья, став их неотъемлемой частью [10].

Всемирную известность и мировое признание получили наскальные рисунки на белом мраморном утесе Саган-Заба. Всего до наших дней дошло 5 групп рисунков из 23 видимых изображений. Они датируются ранним каменным и бронзовым веками. На скалах изображены фигуры шаманов, оленей и лебедей, выполненные точечной выбивкой или процарапанные на камне острым инструментом; некоторые нарисованы охрой. Помимо данного объекта экскурсионного показа на территории национального парка располо-

жены небольшие наскальные «картинные галереи» — в бухте Ая, на мысе Бурхан и у входа в Сарминское ущелье. Им около 2 500 лет.

Есть на данной заповедной территории и культовые объекты, такие как Ступа Просветления на острове Огой (возведенная в 2005 г.) и действующая православная церковь Николая Чудотворца в Большом Голоустном (воссоздана в 2004 г.). Кроме того, на южном участке побережья, между поселками Порт-Байкал и Култук, проходит Кругобайкальская железная дорога, являющаяся уникальным памятником инженерного искусства и основным объектом показа в турах национального парка [11].

На сайте объединенной дирекции Прибайкальского национального парка, Байкало-Ленского государственного природного заповедника, заказников «Тофаларский» и «Красный Яр» — «Заповедное Прибайкалье» туристические маршруты, включающие историко-культурные объекты, расположенные в природоохранной зоне, представлены во всем своем многообразии [6].

Нельзя не отметить в рамках настоящего исследования и ФГБУ «Государственный природный заповедник Витимский», располагающий уникальным и единственным в Байкальском регионе этнографическим музеем ООПТ. Он был основан на базе заброшенного села Амалык Бодайбинского района Иркутской области с целью сохранения памяти о жителях отдаленных поселков. Сейчас он

размещается в единственном сохранившемся доме, являющемся ещё и научной базой заповедника. В музее собраны сотни экспонатов, отражающих быт ранее проживавших в селе людей. В основном это предметы из металлов (утюги, коробки, орудия труда и т.д.), мебель, одежда и многое другое [13].

Подводя итоги вышесказанному, можно выделить общую для всех заповедных территорий Байкальского региона специфику, состоящую в том, что не только природное, но и историко-культурное наследие ООПТ формирует коллекции музеев и визит-центров, составляя основу многих туристических маршрутов. Это наследие многообразно и уникально. Для его сохранения и актуализации на ООПТ Байкальского региона созданы полноценные музейные институции.

Но особый режим охраны заповедных территорий не однозначен для историко-культурных объектов. С одной стороны, он обеспечивает их сохранность (в особенности от актов вандализма), с другой — не позволяет в полной мере проводить работы по консервации и реставрации, ограничивает использование в сфере туризма.

В заключение хотелось бы отметить, что объекты историко-культурного наследия составляют важнейший ресурс наследия ООПТ и в сочетании с уникальными экосистемами значительно увеличивают ценность заповедных территорий, обеспечивая им туристскую привлекательность.

Anna V. SARTAKOVA

The Updating of Historical and Cultural Heritage in the Museum-Type Institutions of the Specially Protected Natural Areas of the Baikal Region

Abstract. In the era of an increasing anthropogenic impact on nature, people seek to preserve pristine ecological systems and create specially protected natural areas. Such areas become a unique phenomenon of our time since they harmoniously combine natural, historical and cultural heritage and perform functions similar with museums, which allows perceiving them as “open-air museums”. This article discusses the updating of historical and cultural heritage in the museum-type institutions of the protected areas of the Baikal region. The work is interdisciplinary in nature and written at the intersection of related disciplines: museology, geography, history, ecology, and cultural studies. The article provides specific examples of the conservation and representation of movable and immovable objects of historical, cultural and natural heritage located in the protected areas of the Baikal region, namely in Irkutsk Oblast, in the Republic of Buryatia, in Zabaykalsky Krai. Based on field materials, the article

provides a quantitative and qualitative description of the museum-type institutions of the specially protected natural areas of the region; their special role in preserving, interpreting and popularising not only protected areas, but also objects of historical and cultural heritage located in these territories is shown. In addition, the article presents ongoing museumification projects as a priority way of updating the heritage of the protected areas. For example, the Zapovednoe Podlemorye project (Republic of Buryatia), which aims to convert the scientific base in the Davsha village into an environmental educational museum complex "Timeless Shore", is briefly described. The variety of the historical and cultural sites of the protected areas of the Baikal region from the archaeological finds of researchers of the protected areas to the objects of religious significance. The article contains a brief description of some of the most popular historical and cultural sites of the protected natural areas in the region. The article also emphasises that, in order to preserve and update the heritage of the protected areas of the Baikal region, museum-type institutions have been established, namely, museums, visit centres, open-air exhibitions, exhibition complexes, ecological trails with display objects. In the final part of the article, generalisations and conclusions are made; both positive points and problems are shown regarding the features of preserving and demonstrating the historical and cultural heritage of protected areas as tourist sites. This article is of interest to museologists, travel agencies, and researchers of environmental protection areas.

Keywords: museum, visitor centre, historical and cultural heritage, specially protected natural areas, Baikal region.

Использованная литература:

1. Байкальская переправа [Электронный ресурс] // Байкальский государственный природный биосферный заповедник. URL: <http://baikalecotourism.ru/ferry> (дата обращения 10.08.18).
2. Достопримечательности [Электронный ресурс] // Национальный парк «Алханай». URL: <http://alkhana.ru/dostoprimechatelnosti/> (дата обращения 15.05.19).
3. Занданова Б. А. Культурные места как элементы культурных ландшафтов (на примере национального парка «Тункинский»): автореф. дис. ... канд. географ. наук. Улан-Удэ, 2017.
4. Историко-культурное наследие [Электронный ресурс] // Сохондинский государственный природный биосферный заповедник. URL: <http://sokhondo.ru/historical/> (дата обращения 20.05.19).
5. Курьянова Т. С. Сохранение и актуализация культурного наследия: учеб. пособие / науч. ред. О. М. Рындина. Томск: Томский гос. ун-т, 2014.
6. Маршруты и карты [Электронный ресурс] // Заповедное Прибайкалье. URL: <https://baikal-1.ru/tourism/routes-and-maps/> (дата обращения 12.05.19).
7. Мишакова О. Э., Сартанова А. В. Из истории становления и развития музеев природы при ООПТ Республики Бурятия // Байкальские встречи – IX: Этничность в контексте социально-культурного и экономического развития региона: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 14–17 сентября 2016 г.) / отв. ред. Е. Ю. Перова. Улан-Удэ: Вост.-Сиб. гос. ин-т культуры, 2016. С. 516–526.
8. Мишакова О. Э., Сартанова А. В. К столетию заповедного дела в России: актуализация особо охраняемых природных территорий (на материале Республики

References:

1. Baikal State Nature Biosphere Reserve. (n.d.) *Baykal'skaya pereprava* [Baikal Ferry]. [Online] Available from: <http://baikalecotourism.ru/ferry>. (Accessed: 10.08.2018).
2. National Park "Alkhanay". (n.d.) *Dostoprimechatel'nosti* [Attractions]. [Online] Available from: <http://alkhana.ru/dostoprimechatelnosti/>. (Accessed: 15.05.2019).
3. Zandanova, B.A. (2017) *Kul'tovye mesta kak elementy kul'turnykh landshaftov (na primere natsional'nogo parka "Tunkinskiy")* [Cult Places as Elements of Cultural Landscapes (On the Example of the Tunkinsky National Park)]. Abstract of Geography Cand. Diss. Ulan-Ude.
4. Sokhondinsky State Natural Biosphere Reserve. (n.d.) *Istoriko-kul'turnoe nasledie* [Historical and Cultural Heritage]. [Online] Available from: <http://sokhondo.ru/historical/>. (Accessed: 20.05.2019).
5. Kur'yanova, T.S. (2014) *Sokhranenie i aktualizatsiya kul'turnogo naslediya* [Preservation and Updating of Cultural Heritage]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Zapovednoe Pribaykal'e. (n.d.) *Marshruty i karty* [Routes and Maps]. [Online] Available from: <https://baikal-1.ru/tourism/routes-and-maps/>. (Accessed: 12.05.2019).
7. Mishakova, O.E. & Sartakova, A.V. (2016) [From the History of the Formation and Development of Nature Museums in the Protected Areas of the Republic of Buryatia]. *Baykal'skie vstrechi – IX: Etnichnost' v kontekste sotsial'no-kul'turnogo i ekonomicheskogo razvitiya regiona* [Baikal Meetings – IX: Ethnicity in the Context of Socio-Cultural and Economic Development of the Region]. Proceedings of the International Conference. Ulan-Ude. 14–17 September 2016. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture. pp. 516–526. (In Russian).

Бурятия) // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 1А. С. 592–607.

9. Особо охраняемые природные территории [Электронный ресурс] // Органы государственной власти Республики Бурятия: официальный портал. URL: <http://old.egov-buryatia.ru/index.php?id=490> (дата обращения 10.08.19).

10. Прибайкальский национальный парк. Культурно-исторические достопримечательности [Электронный ресурс] // Служба по охране природы и озера Байкал Иркутской области. URL: <http://irkobl.ru/sites/baikal/monitoring/kadastr/oopt/baikalsky/> (дата обращения 10.08.19).

11. Прибайкальский национальный парк. Природно-культурное наследие [Электронный ресурс] // Greenpeace: отделение в России. URL: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/campaigns/world-heritage/ecotourism/2912118/> (дата обращения 10.05.19).

12. Сартакова А. В. Полевые материалы автора: интервью с научным сотрудником отдела экологического просвещения ФГБУ «Национальный парк „Тункинский“» И. Н. Натоко. Поселок Кырен. Август 2019 г.

13. Сартакова А. В. Полевые материалы автора: интервью с начальником отдела экологического просвещения ФГБУ «Государственный природный заповедник „Витимский“» Л. Г. Чечеткиной. Город Бодайбо. Октябрь 2019 г.

14. Сартакова А. В. Полевые материалы автора: интервью с начальником отдела экологического просвещения ФГБУ «Заповедное подлесье» М. С. Файфер. Поселок Усть-Баргузин. Июль 2016 г.

15. Цыренова И. Ж. Сравнительная оценка туристско-рекреационного потенциала национальных парков Байкальского региона: Дис... канд. геогр. наук. М., 2012.

16. Цыденжапова Д. К., Балдандоржиев Ж. Б. Алханай – историческое, природное наследие Восточного Забайкалья (историко-культурный анализ категории пространства и времени) // Вопросы исторической науки: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, январь 2015 г.). Москва: Буки-Веди, 2015.

8. Mishakova, O.E. & Sartakova, A.V. (2017) By the Centenary of Reserve Management in Russia: Updating of Nature Reserves (On Materials of Republic of Buryatia). *Kul'tura i tsivilizatsiya*. 7(1A). pp. 592–607. (In Russian).

9. State Authorities of the Republic of Buryatia. (n.d.) *Osobo okhranyaemye prirodnye territorii* [Specially Protected Natural Territories]. [Online] Available from: <http://old.egov-buryatia.ru/index.php?id=490>. (Accessed: 10.08.2019).

10. Service for the Protection of Nature and Lake Baikal, Irkutsk Oblast. (n.d.) *Pribaykal'skiy natsional'nyy park. Kul'turno-istoricheskie dostoprimechatel'nosti* [Pribaikalsky National Park. Cultural and Historical Sights]. [Online] Available from: <http://irkobl.ru/sites/baikal/monitoring/kadastr/oopt/baikalsky/>. (Accessed: 10.08.2019).

11. Greenpeace Russia. (n.d.) *Pribaykal'skiy natsional'nyy park. Prirodno-kul'turnoe nasledie* [Pribaikalsky National Park. Natural and Cultural Heritage]. [Online] Available from: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/campaigns/world-heritage/ecotourism/2912118/>. (Accessed: 10.05.19).

12. Sartakova, A.V. (2019) *The Author's Field Materials: Interview with I.N. Natoko, Researcher, Department of Environmental Education, Tunkinsky National Park. Kyren Village. August 2019.* (In Russian).

13. Sartakova, A.V. (2019) *The Author's Field Materials: Interview with L.G. Chechetskina, Head of the Environmental Education Department of Vitimsky State Nature Reserve. Bodaibo. October 2019.* (In Russian).

14. Sartakova, A.V. (2016) *The Author's Field Materials: Interview with M.S. Faifer, Head of the Environmental Education Department of Zapovednoe Podlесьe. Ust-Barguzin Village. July 2016.* (In Russian).

15. Tsyrenova, I.Zh. (2012) *Sravnitel'naya otsenka turistsko-rekreatsionnogo potentsiala natsional'nykh parkov Baykal'skogo regiona* [Comparative Assessment of the Tourist and Recreational Potential of the National Parks of the Baikal Region]. Geography Cand. Diss. Moscow.

16. Tsydenzhapova, D.K. & Baldandorzhiev, Zh.B. (2015) [Alkhanay: The Historical, Natural Heritage of Eastern Transbaikalia (Historical and Cultural Analysis of the Category of Space and Time)]. *Voprosy istoricheskoy nauki* [Issues of Historical Science]. Proceedings of the 3rd International Conference. Moscow. January 2015. Moscow: Buki-Vedi. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Сартакова А. В. Актуализация историко-культурного наследия в музейных институциях особо охраняемых природных территорий Байкальского региона [Электронный ресурс] / А. В. Сартакова // Наследие веков. – 2019. – № 4. – С. 28–34. DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.003

Full bibliographic reference to the article:

Sartakova, A. V. (2019) The Updating of Historical and Cultural Heritage in the Museum-Type Institutions of the Specially Protected Natural Areas of the Baikal Region. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 4. pp. 28–34. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.003

КИЗИЛОВ Андрей Сергеевич

старший научный сотрудник лаборатории
этносоциальных проблем
Сочинского научно-исследовательского центра
Российской академии наук,
Сочи, Российская Федерация

Andrey S. KIZILOV

Senior Researcher, Sochi Research Center,
Russian Academy of Sciences,
Sochi, Russian Federation
kiziloff2014@mail.ru

УДК [902/904+351.853.2]:2-13(262.5+479)
ГРНТИ 13.61.07
ВАК РФ 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.004

Сакральная сеть черноморского побережья Кавказа. К вопросу о значении археологических и дендрологических памятников¹

The Sacred Network of the Black Sea Coast of the Caucasus. On the Importance of Archaeological and Dendrological Monuments

Статья посвящена проблеме недостаточной изученности дендрологических памятников Черноморского побережья Кавказа в их историческом и археологическом контексте. Исследование проведено в рамках полевых научно-исследовательских работ по изучению взаимосвязи истории и современности. В результате анализа новых научных данных определена важность археологических и дендрологических памятников в различных аспектах историко-культурного наследия. Выявлена значимость изучаемых объектов для укрепления межэтнических, межкультурных и межконфессиональных коммуникаций этнических групп сочинской агломерации и региона в целом.

Ключевые слова: Черноморское побережье Кавказа, Сочи, памятники истории и археологии, международная индустрия туризма, священные рощи, памятники археологии и дендрологии, архитектура средневековья Кавказа, межкультурные и межэтнические коммуникации.

Важным направлением в области исследования значимых памятников истории

и археологии является изучение дендрологических памятников Черноморского побережья

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания лаборатории этносоциальных проблем Федерального государственного бюджетного учреждения науки Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук на 2017-2019 годы. Пункт 98. Разработка социальных технологий управления обществом. Социология власти и управления на региональном и муниципальном уровнях. Выявление тенденций развития государства и права в условиях глобализации: взаимосвязь истории и современности

режья Кавказа, которые, по сути, составляют сакральную сеть, устойчивую в процессе этнических миграционных потоков. Священные рощи и отдельные деревья, несмотря на урбанизацию территорий, всё ещё сохранились и продолжают привлекать к себе большое внимание населения. Немаловажным фактором этих памятников является их культурная и этническая принадлежность, которая требует более глубокого научного исследования.

Тема священных рощ и отдельных деревьев неоднократно поднималась в различных научных статьях. Однако в нашем случае научная новизна заключается в том, что рассматриваемые памятники, позволяющие проследить очевидную связь материальных историко-археологических объектов и деревьев, впервые исследуются в привязке к изменению этнического состава и конфессиональной принадлежности населения конкретных районов. Необходимо отметить, что даже миграционные процессы, приводившие к полной смене этнического состава населения, не смогли аннулировать значимость важных узлов сакральной сети Черноморского побережья Кавказа.

Отдельные случаи совпадения дендрологических памятников и археологических объектов рассматривались в статьях Б. С. Хотко [13] и М. И. Кудина [9].

Археологические разведки 2008–2012 гг. в секторах зоны олимпийского строительства позволили выявить более сотни объектов, важных с точки зрения сохранения археологического наследия и фиксации их на археологической карте (спектр исторических эпох, к которым относятся выявленные объекты, довольно широк — от раннего палеолита до позднего средневековья). Помимо этого была проведена корректировка информации по ранее известным памятникам — уточнены их датировки, этнокультурная принадлежность и границы. Однако, несмотря на столь глубокие исследования, памятники дендрологии продолжают оставаться в тени. Следует отметить, что комплексное сохранение природного и историко-культурного наследия является доминантой в стратегии ООН и ЮНЕСКО.

На момент переписи 2010 г в муниципальном образовании Большой Сочи, которое охватывает более ста километров Черноморского побережья Кавказа, проживало 343,3 тыс. человек, представляющих 112 этносов [12]. Однако за небольшой промежуток времени численность населения этой агломерации значительно возросла, на данный момент она превышает 500 тыс. человек. Этот факт выдвинул Сочи в список сорока самых крупных городов Российской Федерации [1].

На первый взгляд, при отсутствии аналитического исследования, сочинская агломерация не имеет радикальных отличий по этнической структуре от населения Краснодарского края. Однако исследования показывают, что отличия, причем существенные, все-таки есть — как в динамике, так и в механизме (комплексе причинно-следственных связей) процессов этнодемографии.

Безусловно, такая специфика напрямую связана с историей заселения этой территории, которая во многом определилась государственной стратегией в развитии рекреационного и туристического потенциала района.

В индустрии туризма в весьма выигрышном положении относительно других оказываются направления, использующие международные экскурсионные бренды и культурно-исторические маркеры. Если на внутреннем рынке туристических линий успешно развиваются маршруты, ориентированные на национальную культуру и историю, то залогом международного успеха для них является включение в свою структуру объектов, вызывающих межэтнический интерес. [7, с. 82] В этой связи, несомненно, выигрышную позицию занимают памятники некогда существовавшего в различных формах друидизма. Как известно, друидизм (фр. druidisme) как поклонение деревьям был у древних кельтов религией. Выражавшаяся в почитании деревьев и природы в целом, данная религия предполагала проведение культовых обрядов и у отдельных деревьев, и в рощах, которые считались священными. У народов, сохранивших в своём быту отголоски первобытной культуры, подобное почитание и древопоклонение встречается и сейчас.

Описанные первыми европейскими путешественниками священные рощи и деревья на Черноморском побережье Кавказа частично сохранились либо в живом виде, либо в дошедших до наших дней святилищах и памятниках, воздвигнутых на их месте. В ряде случаев, несмотря на отсутствие регистрации этих объектов в реестре памятников, существуют археологические и документальные тому подтверждения.

Ярким примером может служить следующий факт. В ауле Большой Кичмай, где локально проживают шапсуги, в 2012 г. установили мемориальный памятный камень в честь старинного шапсугского рода Мугу [11]. На торжественное открытие памятного места прибыло много гостей — около трёхсот человек из Большого Сочи и соседних аулов. Помимо них приехало немало людей из других городов и районов Кубани, а также из Адыгеи и Абхазии. Этот своеобразный мемориал установили в местности под названием Мугухабль. Согласно преданиям, старинный род Мугу ведёт своё происхождение именно из этих мест, из долины реки Шахе.

Легенды рассказывают о морском чудовище, которое выходило из моря и было убито предком благородной фамилии Магу в Субеше. Существует несколько традиционных легенд об этом происшествии. «Следуя одной,

Магу привёл молодого быка к дубу (который долгое время охранялся в память об этом событии и мёртвый ствол которого был сожжён лишь недавно), и, в то время как чудовище дралось с быком, Магу набросился на него и убил ударами сабли» [2, с. 241].

В летний сезон полевых исследований 2017 г. краеведами Сочинского отделения РГО в окрестности установленного памятного камня осмотр прилежащих горных склонов выявил наличие большого количества подъемного материала средневековой тарной и посудной керамики. Ниже обелиска по склону обнаружен крупный некрополь из средневековых погребальных курганов. Имеющиеся материалы исследований подтверждают факт существования здесь древнего поселения и, соответственно, дают фактические перспективы развития этого участка в дальнейшем. Не исключён вариант появления на этом месте в будущем рекреационного комплекса с исторической и этнографической экспозициями. Таким образом, существовавший в реальности дуб стал отправной точкой для возникшего ныне этноисторического объекта.

Ещё в XIX в. многие российские авторы описывали почитание деревьев абхазским населением. Например, С. Броневский акцентировал внимание на почтительном отношении абхазов к старым дубам: «всякое колено имеет у себя такой дуб на примете», «перед начинанием какого-либо важного дела, как-то: перед походом против неприятеля, они становятся хороводом вокруг священного дерева, втыкают в него саблю и другие вещи и отправляют обряды, за коими следует пир» [13].

К сожалению, утрачена дубовая роща на горе Батарейка (в Сочи), которая не только описана, но и запечатлена в зарисовках Джеймса Белла (Рис. 1). Роща являлась симбиозом языческих и христианских верований, поскольку на ветвях деревьев висели почитаемые гор-

Рис. 1. Древний висящий крест в долине Саше (рис. Дж. Белла)

*Рис. 2. Царь-дуб. У притока реки Шахе (Сочи).
Фото К.А. Глазова, действительного члена
Сочинского РГО.*

цами железные кресты. Предположительно кресты эти сохранились от разрушенного временем христианского храма.

Малоизвестным по причине своей удалённости от побережья является «Царь дуб» на левом берегу реки Хачунеж (приток реки Шахе) (Рис. 2). Замеры высоты дуба показали результат около 25–30 м, периметр окружности самого ствола на уровне 1,3 м от земли оказался больше, чем 10 м, диаметр же составил 3 м 23 см. В ходе полевых исследований было установлено, что дерево-патриарх растёт в непосредственной близости от средневековых поселений, а многочисленные этнографические источники подтверждают почитание дуба местными шапсугами. Ощутимую помощь исследователям оказал известный лазаревский краевед Мадин Хушт. По мнению сотрудников Сочинского национального парка, «возраст дерева насчитывает 500–600 лет,

а это значит, что пережило оно немало, и, видимо, неспроста в народе его называют не иначе, как „Тхачех Быхоай“, что в переводе означает „Царь-дуб“. Его по праву можно отнести к категории культовых деревьев, поскольку, скорее всего, еще со времен средневековья оно являлось объектом поклонения, местом молебнов и жертвоприношений, здесь же проводили и народные собрания жители близлежащих селений» [4].

Хорошо известны, благодаря туристическому маршруту «Золотое кольцо Абхазии», священные липы в селе Лыхны. «В 1907 году, когда это место посетил А. Миллер, здесь еще сохранялась каменная скамья, на которой сидел князь во время совещания» [13].

Однако это далеко не единственный факт такого совмещённого археодендрологического памятника. При работе по гранту № 19–59–40002, первая часть которого, посвященная западной части Республики Абхазия (Гагрский, Гудаутский и Сухумский районы), выполнена в рамках проекта РФФИ № 16–21–12001–ОГН–Абх, был изучен храм близ поселка Пшоухуа (Сулево). При проведении обмеров памятника выяснилось, что гигантская липа, расположенная на оси храма, находится практически на том же расстоянии относительно входа, что и алтарная зона (Рис. 3). Предварительные замеры диаметра ствола дают результат около 180 см. К сожалению, древесная экспертиза великана ещё не проводилась. Однако, сопоставляя размеры этого дерева с размерами лип, обследованных

*Рис. 3. Липа возле храма выше поселка
Пшоухуа (Абхазия). Фото К.А. Глазова,
действительного члена Сочинского РГО.*

Рис. 4. Липа на горе Бытха (Сочи).

Фото Н.В. Кондрякова, действительного члена Сочинского РГО

работниками Центра древесных экспертиз НПСА «ЗДОРОВЫЙ ЛЕС» (г. Москва), можно эмпирически предположить, что её возраст около 500 лет [10].

Таким образом, не исключено, что липа росла ещё в то время, когда храм функционировал, либо является потомком таких же священных лип, как и в Лыхны. Важно при этом отметить, что проводимые в этом районе лесозаготовки обошли стороной дерево-патриарха. Причиной этого является тот факт, что поселившиеся здесь после окончания Кавказской войны эстонцы, так же бережно восприняли находящиеся поблизости природные реликвии, как и аборигенное население.

В Сочи, на священной у убыхов горе Бытха, находится липа-патриарх (Рис. 4). В отличие от художественного произведения Баграта Шинкуба, этнографические исследования научно подтверждают культовое по-

читание Бытхи. [8] Археологические данные также этому соответствуют. Липа находится в зоне средневекового поселения. Археологический памятник (Селище «Бытха» VIII–XI вв. № 37) выявлен в 2009 г. при работе экспедиции ООО «Кубаньохранкультура». Руководил экспедицией специалист-археолог Н. В. Кондряков. Важно упомянуть, что дерево находится в непосредственной близости от разрушенного ресторана «Старая мельница», который был построен, по словам старожилов, на месте развалин древнего храма. Однако археологические изыскания по факту не проводились, и вопрос пока остается открытым.

Де факто на данный момент место расположения липы вызывает почитание различных этносов. Описанным в научной литературе и «очевидным фактом» являются неоднократные поездки представителей родов Берзек на священную для убыхов гору Бытха.

Рис. 5. Тюльпановое дерево в посёлке Головинка (Сочи). Фото А. С. Кизилова, действительного члена Сочинского РГО.

Все посещения горы Бытха Руслан Заудинович Берзеков и члены некоммерческого фонда — родовое объединение „Убых-Берзек“ совершали совместно с автором» [5, с. 84–85]. Во время одной из этих поездок на небольшом расстоянии от липы-патриарха был обнаружен уникальный камень с нанесенными на него петроглифами [6, с. 87]. Общественность Сочи во главе с Сочинским отделением РГО также неравнодушна к этому месту и активно ведёт работу по предотвращению застройки вершины горы [3].

Крайне интересна ситуация в устье реки Шахе, в поселке Головинка. Там, на правом берегу реки, произрастает тюльпановое дерево гигантских размеров. Его высота более 32 м, а диаметр ствола на высоте 1,3 м от грунта имеет размер 2,88 м. Лириодендрон тюльпановый — так официально называется этот вид дерева в ботанике (Рис. 5).

Интересно, что в списке сочинского каталога историко-культурного наследия (1997 г.) дерево не было включено в «Природно-исто-

рические памятники». Однако оно отмечено в разделе «Монументальные, мемориальные сооружения, памятные места, могилы». В каталоге оно описано следующим образом: «Тюльпановое дерево (лириодендрон), посаженное Раевским Николаем Николаевичем (младшим) — командующим Черноморской береговой линией». В литературных источниках часто фигурирует название Лиран Раевского, ведь согласно существующей легенде, это огромное дерево рядом с Головинским фортом было посажено в 1840–1841 гг. генералом Раевским, выдающимся военным и страстным ботаником. Удивительно отметить, что в реестр Всероссийской программы «Деревья — памятники живой природы» это дерево было включено 4 сентября 2012 г. под № 189. И теперь перед деревом на газоне мы можем наблюдать две информационные таблички. На них размещена противоречивая информация о его возрасте. В одном тексте указан возраст 150 лет, в другом сказано, что, по данным ЦДЭ (Центр древесных экспертиз), дереву 246 лет (на момент 2013 г.).

Так же противоречиво отмечен этот факт и на официальном сайте Всероссийской программы: <http://rosdrevo.ru/>. Там сообщается, что дереву 251 год, а значит, посажено оно было в 1767 г. но при этом указано, что его посадил генерал Н. Н. Раевский (младший). Однако на самом деле Раевский родился в 1801 г. и, соответственно, не мог посадить дерево до своего рождения.

У причерноморских адыгов-шапсугов по поводу того, откуда появилось тюльпановое дерево в долине реки Шахе, есть собственная версия. Так, К. Х. Меретуков в 1971 г. опубликовал легенду о лириодендроне в устье р. Шахе, называемом адыгами не иначе как «жыг дахэ» (красивое дерево). Легенда гласит: «Созереш перешел Черное море, достиг берега и, воткнув свой посох в землю, совершил намаз. Из воткнутого в землю посоха выросло чудо-дерево». Информация, изложенная в легенде, имеет более древнее происхождение. Так, и Дюбуа де Монпере, и Л. Люлье сообщают о Созереше — покровителе мореплавания и приписывают ему хождение по воде, а также обладание чудесным посохом. Согласно исследованиям Л. И. Лаврова, в причерноморской

Шапсугии последние моления Созерешу проводились около 1860 г. Ритуалы происходили перед деревянным столбиком (посохом?) или же обрубок сучковатого дерева [9].

Следует отметить тот факт, что все стороны, несмотря на разногласия, преследуют одну и ту же цель — сохранение историко-культурного наследия.

Летом 2018 г. в окрестностях аула Калез Лазаревского района города Сочи произошло событие, которое переводит теоретическую полемику о священных деревьях из разряда риторических в разряд вопросительных реалий. Многие годы дуб, находящийся напротив аула за рекой Аше, на «Скале стариков», считается священным у местных жителей. Вот что написано по этому поводу в служебной записке специалиста по историко-культурному наследию Сочинского национального парка Н. И. Маркова: «Летом 1930 г. Е. М. Шиллинг совершил экспедицию в район проживания так называемых нижних черкесов. В своей рукописи он пишет о тхачоке 2-го Красно-Александровского аула на правом берегу р. Аше, где происходили общественные моления. Как сообщил проводник Е. М. Шиллинга Муса Сизо, „несколько лет тому назад один старик позаботился убрать кресты („джюоры“) из-под дуба в более укромное место, в лес (в 150–200 шагов от дуба), где я их и нашел

в виде кучи полусгнивших обломков <...> Цель переноса крестов из-под дуба в лес — предохранить эту „святыню“ от возможных со стороны чужих, а также местного населения (забывшего под влиянием ислама „старую“ веру) „оскорблений“ или „осквернений“ — таково было соображение старика, убравшего кресты подальше с глаз“. Летом 1930 г. возле этого дуба прошло общественное моление по случаю засухи, на котором, вероятно, присутствовал сам Е. М. Шиллинг, так как им составлена подробная схема „тхачок“, сориентированная по сторонам света, на которой отмечено расположение всех участников моления с указанием мест забоя скота, расположения жертвенных напитков и т. п. деталей. Расположенный над „Скалой стариков“ дуб стал священным т. к. подвергался ударам молнии».

Однако когда в очередной раз жители пришли к священному дубу, они увидели, что неизвестные кладоискатели вырыли под ним огромную яму глубиной более 4,5 метров (Рис. 6). Хотя дуб относительно молод и диаметр его ствола 1,46 метра, а предположительный возраст около 200–300 лет, его крона возвышается над всеми окружающими деревьями. Кто выкапывал клад — потомки мухаджиров или современные кладоискатели, пока остается загадкой, но факт такого деяния очевиден, и он вызвал общественный резонанс.

Вышеизложенные факты не позволяют усомниться в том, что прошедшие сквозь столетия памятники дендрологического и одновременно историко-культурного наследия имеют ярко выраженное сакральное значение. Несмотря на миграционные процессы в регионе и на изменения этнического состава населения в постколониальный, советский и постсоветский периоды, эти уникальные объекты продолжают сохранять свою актуальность в вопросах укрепления межкультурных, межэтнических и даже межконфессиональных коммуникаций.

Рис. 5. Яма возле дуба у поселка Калез (Сочи).
Фото К. А. Глазова, действительного члена Сочинского РГО.

Andrey S. KIZILOV

The Sacred Network of the Black Sea Coast of the Caucasus. On the Importance of Archaeological and Dendrological Monuments

Abstract. An important but insufficiently studied direction in the field of significant historical and archaeological monuments is dendrological monuments of the Black Sea coast of the Caucasus, which, in essence, form a sacred network. Sacred groves and individual trees, despite the urbanisation of the territories, are still preserved and continue to attract great attention of the population. The issue of sacred groves and individual trees has been repeatedly considered in various research articles, but the novelty of this study is that the objects under consideration are monuments in which the connection of material historical and archaeological sites and trees is obvious. The sacred groves and trees described by the first European travellers on the Black Sea coast of the Caucasus are currently partially preserved. Unfortunately, the oak grove in Sochi on Mount Batареika is lost, which has been not only described, but also captured in sketches. The grove was a symbiosis of pagan and Christian beliefs since iron crosses revered by the highlanders hung on the branches of the trees. Presumably, these crosses are preserved from the Christian temple destroyed by time. In Sochi, on the sacred mountain of Bytkha near the Ubykhs, there is a patriarch linden. Ethnographic research scientifically confirms the worship of Bytkha. Archaeological evidence also shows this. The linden is located in the medieval settlement. De facto, at the moment, the location of the linden is a veneration of various ethnic groups. The situation in the Golovinka village is extremely interesting. There, on the right bank of the Shakh River, grows a giant tulip tree. Its height is more than 32 meters, and the trunk diameter at a height of 1.3 m from the ground is 2.88 meters. Despite conflicting studies, it should be noted that they all, despite disagreements, achieve and pursue the same goals: the preservation of historical and cultural heritage. By the example of the facts listed in the article, it becomes obvious that the monuments of the dendrological and at the same time historical and cultural heritage that have passed through the centuries have a pronounced sacred meaning. Despite the migration processes in the region and the changes in the ethnic composition of the population, these unique objects continue to remain relevant in strengthening intercultural, interethnic, and even interfaith communications.

Keywords: Black Sea coast of Caucasus, Sochi, monuments of history and archeology, international tourism industry, sacred groves, monuments of archeology and dendrology, architecture of Middle Ages of Caucasus, intercultural and interethnic communications.

Использованная литература:

1. 100 Крупнейших городов России по населению 2017 список РФ [Электронный ресурс] // Сайт о странах, городах, статистике населения. URL: http://www.statdata.ru/largest_cities_russia (дата обращения 01.04.2018).
2. Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. / сост. и пер. с англ. К. А. Мальбахова: В 2 т. Т. 2. Нальчик: Эль-Фа, 2007.
3. Застройка Сочи может быть не только незаконной, но и уничтожать историко-культурное наследие Российской Федерации [Электронный ресурс] // Общественное гражданское движение «За Сочи!». URL: <https://ogdzasochi.ru/kulturnoe-nasledie/363-zastroyka-sochi-mozhet-byt-ne-tolko-nezakonnoy-no-i-unichtozhat-istoriko-kulturnoe-nasledie-rossiyskoy-federacii.html> (дата обращения 11.08.19).
4. Их возраст – несколько веков... [Электронный ресурс] // Сочинский национальный парк. URL: http://npsochi.ru/index.php?option=com_

References:

1. Statdata.ru. (2017) *100 Krupneyshikh gorodov Rossii po naseleniyu 2017 spisok RF* [100 Largest Cities of Russia by Population. 2017]. [Online] Available from: http://www.statdata.ru/largest_cities_russia. (Accessed: 01.04.2018).
2. Bell, J. (2007) *Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii v techenie 1837–1839 gg.* [Diary of a Stay in Circassia in 1837–1839]. Translated from English by K.A. Mal'bakhov. Vol. 2. Nal'chik: El'-Fa.
3. Za Sochi! (2018) *Zastroyka Sochi mozhet byt' ne tol'ko nezakonnoy, no i unichtozhat' istoriko-kul'turnoe nasledie Rossiyskoy Federatsii* [The Development of Sochi Can Be Not Only Illegal, but Also Destroy the Historical and Cultural Heritage of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://ogdzasochi.ru/kulturnoe-nasledie/363-zastroyka-sochi-mozhet-byt-ne-tolko-nezakonnoy-no-i-unichtozhat-istoriko-kulturnoe-nasledie-rossiyskoy-federacii.html>. (Accessed: 11.08.2019).

content&view=article&id=400:ikh-vozrast-neskolko-vekov&catid=39&Itemid=435 (дата обращения 21.08.19).

5. Кизиллов А. С. Убыхи: история, изучение и правовой статус: дис. ... магистра. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016.

6. Кизиллов А. С. Священная гора Бытха // Археология и этнография Понтийско-Кавказского региона. Вып. 5. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. С. 81–88.

7. Кизиллов А. С. Экономические возможности расширения индустрии туризма на Кавказе в аспекте межкультурных связей эпохи мегалитов // Вестник Университета Российской академии образования. 2018. № 5. С. 82–88.

8. Крылов А. Б. Религия и традиции абхазов (по материалам полевых исследований 1994–2000 гг.) [Электронный ресурс] // Абхазская интернет-библиотека. URL: http://apsnyteka.org/952-krylov_a_religiya_i_traditsii_abkhazov_glava_II.html (дата обращения 11.04.16).

9. Кудин М. И. Тайна тюльпанового дерева [Электронный ресурс] // Сочинед. URL: <http://sochived.info/tayna-tyulpanovogo-dereva/#more-36263> (дата обращения 19.08.19).

10. Липа мелколистная. Светлогорск, Калининградская обл. [Электронный ресурс] // Живой лес: интернет-журнал. URL: <http://givoyles.ru/articles/derevyu-pamyatniki/lipa-tihogo-ozera/> (дата обращения 19.08.19).

11. Памятный камень рода Мугу. [Электронный ресурс] // Живой лес: интернет-журнал. URL: <http://givoyles.ru/page/pamyatnyj-kamen-roda-mugu> (дата обращения 13.08.19).

12. Предварительные итоги Всероссийской переписи 2010 г. [Электронный ресурс] // Статистический сборник. М.: ИИЦ «Статистика России», 2011.

13. Хотко Б. С. Современные священные рощи и священные деревья у абхазов: к вопросу о традиционном и новационном // Вторичные формы традиционной народной культуры: Материалы науч.-практ. конф. Краснодар: Традиция, 2010. С. 75–82.

4. Sochi National Park. (2018) *Ikh vozrast – neskol'ko vekov...* [They Are Several Centuries Old . . .]. [Online] Available from: http://npsochi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=400:ikh-vozrast-neskolko-vekov&catid=39&Itemid=435. (Accessed: 21.08.19).

5. Kizilov, A.S. (2016) *Ubykhi: istoriya, izuchenie i pravovoy status* [The Ubykhs: History, Study and Legal Status]. Master's Thesis. Krasnodar.

6. Kizilov, A.S. (2016) Bytkha Sacred Mountain (Russian). *Arkheologiya i etnografiya Pontijsko-Kavkazskogo regiona – Archeology and Ethnography of Pontic and Caucasian Area*. 5. pp. 81–88. (In Russian).

7. Kizilov, A.S. (2018) Economic Opportunities of Developing the Industry of Tourism in the Caucasus in the Aspect of Intercultural Relationships of the Era of Meghalites. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya*. 5. pp. 82–88. (In Russian).

8. Krylov, A.B. (2001) *Religiya i traditsii abkhazov (po materialam polevykh issledovaniy 1994–2000 gg.)* [Religion and Traditions of the Abkhazians (Based on Materials from Field Studies, 1994–2000)]. [Online] Available from: http://apsnyteka.org/952-krylov_a_religiya_i_traditsii_abkhazov_glava_II.html. (Accessed: 11.04.16).

9. Kudin, M.I. (2018) *Tayna tyul'panovogo dereva* [The Secret of the Tulip Tree]. [Online] Available from: <http://sochived.info/tayna-tyulpanovogo-dereva/#more-36263>. (Accessed: 19.08.19).

10. Zhivoy les. (n.d.) *Lipa melkolistnaya. Svetlogorsk, Kaliningradskaya obl.* [Small-Leaved Linden. Svetlogorsk, Kaliningrad Oblast]. [Online] Available from: <http://givoyles.ru/articles/derevyu-pamyatniki/lipa-tihogo-ozera/>. (Accessed: 19.08.19).

11. Zhivoy les. (n.d.) *Pamyatnyy kamen' roda Mugu* [The Memorial Stone of the Mugu Clan]. [Online] Available from: <http://givoyles.ru/page/pamyatnyj-kamen-roda-mugu>. (Accessed: 13.08.19).

12. Rosstat. (2011) *Predvaritel'nye itogi Vserossiyskoy perepisi 2010 g.* [Preliminary Results of the 2010 All-Russian Census]. In: *Statisticheskiy sbornik* [Statistical Collection]. Moscow: IITs "Statistika Rossii".

13. Khotko, B.S. (2010) [Modern Sacred Groves and Sacred Trees Among the Abkhazians: On the Traditional and the Innovative]. *Vtorichnye formy traditsionnoy narodnoy kul'tury* [Secondary Forms of Traditional Folk Culture]. Proceedings of the Conference. Krasnodar: Traditsiya. pp. 75–82. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Кизиллов, А. С. Сакральная сеть Черноморского побережья Кавказа. К вопросу о значении археологических и дендрологических памятников [Электронный ресурс] / А. С. Кизиллов // Наследие веков. – 2019. – № 4. – С. 35–43. DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.004

Full bibliographic reference to the article:

Kizilov, A. S. (2019) The Sacred Network of the Black Sea Coast of the Caucasus. On the Importance of Archaeological and Dendrological Monuments. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 4. pp. 35–43. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.004

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ПРОКАЕВА Ольга Николаевна

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
и библиотечно-информационных ресурсов
Национального исследовательского Мордовского государственного
университета имени Н. П. Огарёва,
Саранск, Российская Федерация

Olga N. PROKAEVA

Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Assoc. Prof.
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
naukaink@rambler.ru

УДК 94(47).021:[347.782.5:7]"18/19"
ГРНТИ 18.31.09
ВАК РФ 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.005

**Древняя Русь в отечественном
декорационном искусстве
конца XIX – начала XX века**

**Ancient Russia
in the Domestic Decorative Art
of the Late 19th – Early 20th Centuries**

Настоящая статья посвящена декорационному искусству конца XIX – начала XX в., характеризующемуся обращением к культуре прошлых эпох, в частности Древней Руси. В указанный период в качестве декораторов сцены выступали многие отечественные живописцы первого ряда. Автор статьи, изучив образцы декорационного творчества таких художников, как В. М. Васнецов, М. А. Врубель, Н. К. Рерих, И. Я. Билибин и Н. С. Гончарова, попыталась разобраться в том, почему источником вдохновения для них стало именно древнерусское искусство, а также указала на общие черты и специфику их художественных подходов к сценическому оформлению театральных произведений. В итоге автор пришла к выводу, что русское декорационное искусство конца XIX – начала XX в., явившее зрителю эпоху Древней Руси на сцене, представляет для нас не только культурно-историческую ценность, но также имеет практическую значимость для современных сценографов, в связи с чем требует серьезного дальнейшего изучения.

Ключевые слова: декорации, Древняя Русь, русское декорационное искусство, спектакль, сцена, театр, художник, эскиз.

В русском декорационном искусстве конца XIX — начала XX в. получили развитие тенденции обращения к культуре прошлых эпох и демонстрации в театре богатейшей художественной ретроспективы истории человечества.

Источником для создания на сцене наиболее яркой панорамы событий давно минувших дней стала Древняя Русь — сказочно-фольклорная, мифологически-обобщенная и исторически-конкретная.

Одним из первых мир древнерусского искусства показал Виктор Михайлович Васнецов — в постановке «Снегурочка» А. Н. Островского на домашней сцене Абрамцевского кружка в 1882 г. В 1885 г. он в качестве декоратора представил пьесу, положенную на музыку Н. И. Римского-Корсакова, в Русской частной опере С. И. Мамонтова. Его произведение, созданное по правилам музыкального спектакля и условиям большой сцены, воплотило в себе не только новый тип живописного оформления представления, но и интересную поэтически-образную интерпретацию темы.

Художник, приступая к работе над «Снегурочкой», изучил огромный пласт исторического материала. Опираясь на пейзажи русской природы, архитектурные мотивы Древней Руси, а также образцы народных вышивок, резьбы и росписи по дереву, он создал сказку, основанную на реальной действительности.

Васнецов написал ряд декораций — Пролог, Берендеев посад, Берендееву палату и Ярилину долину. В Прологе на сцене представлен зимний пейзаж: темные ели, раскидистые коряги в кулисах и расстилающийся вдаль белый простор, где под снеговыми шапками видны избышки Берендеева посада. Художник сумел показать органичное слияние человека и природы. По сути, это есть гармония мира и человека, открыто смотрящего на него. Для Васнецова в этой открытости миру, принятии его в любви есть и истоки, и самобытность народа, и природа поэтического начала его сознания.

Примечателен Берендеев посад. Замыкает деревенскую улицу скворечник на высоком шесте. Вдали — широкие поля. На переднем плане резное богатое крыльцо терема сосед-

ствует с покосившейся, в одно оконце избышкой кутилы Бакулы под соломенной крышей, а посреди улицы — резная скамеечка и ярко-желтый подсолнечник. Все это одновременно реально и фантастично.

В декорации для третьего действия — «В палатах царя Берендея» — Васнецов сумел передать красоту народной деревянной архитектуры. В. В. Стасов был в восторге от нее, написав, что еще «ничья фантазия... не заходила так далеко и так глубоко в воссоздании архитектурных форм и орнаментистики Древней Руси, сказочной, легендарной, былинной» [12, с. 98].

Художник показал открытые в сад деревянные сени царского терема, через арки которых видны вершины деревьев и возвышающиеся над ними резные башни других построек. Столбы, подпирающие шатровые перекрытия, имеют оригинальную форму. Верхние их части напоминают удлиненное яйцо. Они разукрашены гигантскими васильками, подсолнухом и земляникой на розовом фоне, а также на красном — человеческими фигурами, изображениями птиц и зверей. Есть и простые бревенчатые столбы, на которых — незабудки. Над столбами синие скаты шатров в сказочном изобилии покрыты свернувшейся стерлядью, волшебной кошкой с огромными светящимися глазами, раками, петухами, рогами оленями и прочими животными. В центре потолка, на черном фоне, ослепительное солнце с человеческим лицом, в окружении мерцающего месяца и светящихся золотых звезд. «Все сплошь в красках и золоте, отверху до низу, как женский повойник или передник, как древняя расшитая рубашка, как древнее разукрашенное веретено или сани...» — подчеркнул Стасов [6, с. 48].

В декорации-пейзаже «Ярилина долина» изображено лето, которое вступает в свои права. Солнечные лучи пронизывают дремучую чащу, освещая вековые деревья, поросшее осокой лесное озеро и вершину горы на берегу. Торчащая из заводи коряга и белые лилии на неподвижной воде придают изображению таинственность и раскрывают выразительность древних пантеистических образов.

Для оперного театра Васнецов не только дополнил эскизы декораций, но и тщательно

поработал над костюмами. В пьесе Островского нет прямых описаний одежды героев, что позволило художнику обратиться к своей фантазии, но при этом сосредоточиться на достоверных деталях. Он изучил массу материалов, привезенных из Тульской губернии, — одежду, головные уборы, украшения, старинные вышивки и рисунки. Получилась целая галерея бытовых образов с правдивым кроем костюмов и национальной орнаментикой Древней Руси.

Основой для всех костюмов стал домотканый холст белого цвета, который Васнецов сочетал с разнообразными цветовыми решениями орнаментов. Снегурочку — юную девушку-крестьянку — художник представил в сарафане, верхняя часть которого украшена тесьмой, выложенной уголками, а по светлому полю дан узор «змейка», согласно языческим верованиям, означавший, что деревня, в которой жила героиня, стояла у воды [2], а также в лаптях и обрубке.

Мизгирь был одет в расшитую рубаху, богатый кафтан и обут в нарядные сафьяновые сапоги на каблуках, Лель — с венком из цветов на голове, с берестяной дудкой под мышкой и посошком, а Купава — в узорчатом платье с монистами и бусами.

Рисуя Снегурочку, Леля, Купаву, Мизгиря, берендеев, Васнецов мало помнил о драматизме, через который провел своих героев Островский. В то же время художник очень высоко отзывался о пьесе, считая ее «молитвой русской» [13]. Просто в ней ему ближе всего была тема о мирной счастливой стране Берендеев, где живет «честной и добрый народ», где трудятся, веселясь, поклоняясь свету и теплу, где нет места людям с холодным и злым сердцем, где «обычаи честные старины» бытуют в мудром согласии с естественными законами жизни [6, с. 50–51].

Таким образом, в декорациях и костюмах Васнецова Древняя Русь раскрылась во всей красоте своей природы, оригинальности народного творчества, а также в поэтичности фольклорных образов, земных при всей своей сказочности, удивительных и жизнерадостных. Это прекрасные произведения изобразительного искусства, обрамляющие сценическое действие. Такого истинно национального

художественного оформления до Васнецова русская сцена не знала.

Начатое Васнецовым воссоздание на сцене идеально-прекрасных образов русской старины продолжил Михаил Александрович Врубель. Однако его декорации являлись уже не стилизацией подлинных форм древнерусской культуры, приемов и выразительных средств народного творчества, а их переосмыслением и свободной интерпретацией. Появилась новая художественная реальность — картины конкретных мест действия, но согласно представлению и внутреннему ощущению художника.

Сценические идеалы Врубеля нашли воплощение в спектаклях Римского-Корсакова «Царская невеста» и «Сказка о царе Салтане».

Представление «Царской невесты» впервые состоялось в 1899 году в Мамонтовском театре. Врубель должен был не просто оформить сценическое действие, а «обнаружить верную живописную тональность, которая совпадала бы то с лирическим, то с грозно-драматическим тоном самой оперы» [14, с. 94].

Из всех декораций самой знаменитой является декорация второго действия — улица Александровской слободы. Композиция ее несимметрична: слева — постройки зажиточных горожан, справа — крестьянские избы (зрительно они меньше). В глубине сцены — колокольня и фрагмент церкви, ограниченный сверху ветвями деревьев. Сценическая «дорога» ведет к колокольне и через нее — к церкви, что является знаком венчания.

Художник изобразил осенний город. Коричневые краски русской природы по цвету перекликаются с деревянными домами, желтая листва деревьев — с узорами на наличниках окон, а бледно-желтое небо и золотые купола церкви — с песчаной улицей. Теплый, не очень яркий вид Александровской слободы созвучен драматизму и патетике произведения.

Для Врубеля было важно показать неразрывное родство русской культуры с природой, то есть с тем миром реальности, из которого вылились фантастические народные представления. В разговоре с художником С. Ю. Судейкиным он сказал: «Я научу тебя видеть в реальном фантастическое» [10].

Но в полной мере талант Врубеля как декоратора раскрылся в «Сказке о царе Салтане», поставленной Товариществом частной оперы в 1900 году.

В решении архитектурных образов художник не реконструирует формы древнерусского зодчества, а сочиняет на темы народного искусства. Одной из лучших считается декорация к третьему действию — «Город Леденец». В ней художник показал момент появления чудесного города.

Массивные кованые ворота красного цвета, украшенные орнаментом, распахнулись по сторонам портала белокаменной стены и в «пролете огромной арки под ликующие звуки музыки встал из-за моря сказочный Леденец. Затеиливой чередой проходят его дворцы, терема, храмы» [3, с. 89]. Декоративность и фантастичность архитектурных сооружений, а также уникальное сочетание орнаментов и гармония светлых цветовых оттенков создали поэтический образ.

В этой работе Врубель выступил и как реформатор сцены, упростив ее и в то же время достигнув свободной планировки пространства.

Художник создал новый тип театрального костюма, освободив его от исторической достоверности и применив живописные приемы, раскрывающие характер героев. Так, в костюме Царевны-Лебедя есть русские детали, например, кокошник, но главное — лиричность, мелодичность и душевность.

Врубель показал глубинные национальные слои, которые и формируют традиционную русскую культуру.

О совсем иной Древней Руси рассказывают декорации и костюмы Николая Константиновича Рериха. Он высоко ценил декорации В. М. Васнецова к «Снегурочке», характеризуя их как «полные проникновения в самую сущность славянского языческого времени» [9, с. 157], и сам обращался к оформлению произведения Островского для оперной и драматической сцен. В 1908 г. Рерих сделал эскизы декораций для Парижского оперного театра, в 1912 г. — для драматической постановки сказки в Петербурге, в 1919 г. оформил оперный спектакль в Лондоне, а в 1921-м — в Чикаго.

Рерих представил «Снегурочку» как эпическое действо. Декорации имеют содержание единения природы и человека. В них мы видим то время, когда почитались языческие культы — Ярила-Солнце, дождь, ветер, холмы и камни и т.д. Все они художником одушевлены. Так, в эскизе «Слобода берендеев» даже избы героев, как фантастические живые существа, выступают из-за деревьев. Весеннее пробуждение природы и ощущение ее бесконечности и величия показано с глубоким философским смыслом.

Рерих создал уникально тонкие, правдиво читающиеся образы сказочного мира языческой Руси. «Снегурочка» 1912 г. — хрустальная, с обилием декоративных элементов. Костюм самой героини украшают большие круги и маленькие, объединенные по три и оканчивающиеся завитком [7].

«Снегурочка» для чикагского оперного театра отличается новой трактовкой материала и характеристикой персонажей — сочетанием славянской мифологии и восточных влияний на нее. Эскиз «Берендей и Снегурочка» стилизован автором под древнерусскую икону. В работах «Лель и Снегурочка» и «Купава» герои имеют азиатский этнический тип, да и берендеи — это люди азиатской крови, но участвующие в обороне Киева от половцев. Берендейки представлены с черными косами, крупными височными кольцами возле ушей, в бусах и браслетах.

Стилистическое чутье мастера, наложенное на серьезное увлечение археологией, позволило ему выразить в «Снегурочке» душу России, создать гимн человеческой любви и жертвенности.

Декорации к балету «Весна священная» И. Ф. Стравинского (1913) для театра Елисейских полей в Париже — вершина творчества Рериха в театре. Его восхищали мирозерцание древних славян и живописный колорит их жизни. Он перенес зрителей в языческие времена, создав картины суровой, могучей, словно первозданной природы, среди которой происходили ритуально-обрядовые действия славянских племен. Сам художник писал: «Мы не можем принимать «Весну» только как русскую или славянскую. Она гораздо более древняя, она общечеловечна» [11, с. 97].

Балет состоял из двух действий — «Поцелуй земли» и «Великая жертва», и к каждому Рерихом было создано по три варианта декораций, пронизанных символами древнеславянской культуры.

В эскизах к первому действию он показал радостные картины пробуждающейся после долгой зимы природы — пронизанные ярким светом весны пейзажи с вешними водами, зелеными холмами, полянами и клубящимися над ними облаками. В первых двух вариантах в центре композиции расположены священные деревья древних славян — дуб и сосна. В третьем варианте они заменены большим священным холмом и шаманским камнем. Огромное дерево с раскидистыми ветвями — символ человеческого рода с его корнями, устремленными к сакральным началам бытия, а камень в центре композиции — олицетворение связи с потусторонним миром. Он символизирует космическую мощь, концентрат энергии, которому отводится ключевое место в сценографии произведения.

Эскизы «Великой жертвы» более драматичны по исполнению. В ночных сумерках при свете луны открывается картина священного холма. В другом варианте — вокруг тлеющего костра восседают старцы, а в третьем представлены шествующие старейшины в лосиных шкурах, избранная жертва, сидящая на камне, и целящейся охотник. Космически беспредельное небо, по которому несутся облака, олицетворяет стихийные силы природы.

Рерих создал также эскизы костюмов, которые отличались богатой символикой орнамента и воспроизводили одежду Древней Руси. Девушки были одеты в полотняные длинные рубахи с пестро-узорчатой каймой, имитирующей вышивку, а мужчины — в подпоясанные рубахи, на ногах — порты, на голове — высокие остроконечные шапки с меховой опушкой. На ногах у всех лапти и онучи, подвязанные алыми оборами.

Костюмы получились не только этнографически точными, но и, учитывая ритуальный характер действия, разворачивающегося на сцене, великолепно подходили для балета.

В целом искусство Древней Руси привлекало Рериха искренностью, глубиной и силой выражения высоких человеческих чувств.

На другом полюсе декорационных интерпретаций древнерусской темы в конце 1900-х и в 1910-х гг. находилось оформление оперы «Золотой петушок» Римского-Корсакова, решенное Иваном Яковлевичем Билибиным как раскрашенная графическая стилизация под русскую народную картинку, и декорация Натальи Сергеевны Гончаровой, представленная как свободная, темпераментная живописная фантазия в духе лубка.

Русской теме Билибин посвятил все свое творчество. Много ездил по России, изучал архитектуру, старинную деревянную резьбу, народный орнамент, крестьянские вышивки, кружева, лубочные картинки. Но, ориентируясь в своем творчестве на стилистику древнерусского искусства, он не копировал, а интерпретировал ее в соответствии со вкусами своей эпохи и своей индивидуальностью.

Самым значительным театральным созданием художника стали декорации к первой постановке «Золотого петушка», осуществленной в 1909 г. Театром оперы Сергея Зимина в Москве.

Сценическая композиция во всех трех действиях развернута Билибиным параллельно порталу сцены и основана на принципе симметрии. Симметрия, идущая от поэтики народного творчества, проявляется не только в пространственной организации каждой картины, но и в развитии зрительного образа спектакля во времени.

В первом действии в далекой перспективе через арочные пролеты царских хором виден игрушечный город, а в третьем он приближается к зрителю, вырастая до размеров зеркала сцены. Эти многокрасочные картины Дадонова царства, открывающие и заключающие постановку, обрамляют нарисованную в единой сине-зеленой гамме декорацию второго действия, которая является зрительным центром представления.

На кулисах первого плана изображены горки-лешадки, громоздящиеся вверх. Из-за их наплывающих волнами краев видны кроны-розетки экзотических деревьев, а мохнатые ели, изгибаясь на уступах, будто кланяются вершинами, в то время как струи горного потока кажутся застывшими. Уходящие в глубину и становящиеся темнее кулисы посте-

пенно сближаются, и вся картина завершается на заднике силуэтами диких скал и круглой луной в ущелье [4, с. 17].

Небольшую игровую площадку замыкает расположенный на возвышении приоткрытый шатер Шамаханской царицы.

Колорит декораций основан на сочетании ярких локальных цветов, а все изображения обведены тонкой черной линией, что сближает их с русской народной картинкой.

В костюмах героев оперы художник отразил особенности древнерусской и восточной одежды, представив «царственные» цвета и богатство декора.

Оказавшись одним из самых ярких театральных явлений своего времени, «Золотой петушок» в оформлении Билибина заметно повлиял на последующих декораторов спектаклей со сказочными сюжетами. Это влияние испытала, например, Наталья Гончарова, создавшая в 1914 г. для Дягилевской антрепризы эскизы декораций и костюмов к постановке.

Гончарова в древнерусском художественном наследии видела глубокую народную основу и большое общечеловеческое содержание, но особенно привлекала ее эмоциональность, а также декоративность и монументальность искусства. Более того, мастер «возрождает первоначальный поэтический мир сказки, видимый ею сквозь призму народного восприятия; в процессе писания эскизов декораций художница словно включилась в создание сказки, украшая ее своей фантазией и дополняя сюжет новыми эпизодами. В данном случае мы имеем дело с вполне адекватным использованием приемов народного примитива», — пишет М. Г. Неклюдова [8, с. 329].

Стиль Гончаровой ярко раскрылся в сцене въезда Шамаханской царицы: «Высится дворец Дадона. Палаты царя обрисованы не-

правильным контуром и смещены, словно силуэт. Покров земли красного цвета. Запрокидывается возок с нарумяненной куклой царицы в нескладном движении. Игрушечно-лубочные лошади в крупных пятнах-яблоках тянут возок. Подпрыгивающий ритм доморощенного движения сменяется плавной поступью верблюдов, замыкающих шествие. Они написаны фиолетовой краской и обведены плотной тяжелой линией. При кажущейся произвольности композиции декорация построена сильно и легко обозрима в своих крупных масштабах. Ее условная форма примитива исполнена внутренней энергии. Изобильное узорочье декораций расцветает на сцене диковинными цветами и вьется затейливыми орнаментами» [3, с. 156–157]. Здесь и примитивная динамика, и монументальная пластика, схожая с древнерусской фреской, и наивность лубка.

Изобразив все в единой манере, раскрасив в яркие цвета игрушечные формы архитектуры, художница в результате создала декорации, выполнявшие в спектакле функцию уже не столько показа конкретного места действия, сколько выражения игровой стихии представления. Другими словами, «Золотой петушок» Гончаровой как бы завершал русскую — фольклорную и историческую — линию спектаклей, раскрывающих тему Древней Руси.

В завершение хотелось бы отметить, что русское декорационное искусство конца XIX — начала XX в., явившее зрителю эпоху Древней Руси на сцене, представляет для нас не только культурно-историческую ценность. Оно имеет ещё и колоссальную практическую значимость для современных сценографов, оформляющих исторические постановки, в связи с чем требует серьёзного дальнейшего изучения.

Olga N. PROKAEVA

Ancient Russia in the Domestic Decorative Art of the Late 19th – Early 20th Centuries

Abstract. This article is devoted to the decorative art of the late 19th – early 20th centuries, characterised by an appeal to the culture of past eras, in particular, Ancient Russia. During this period, many domestic artists of the first row acted as stage decorators. The author of the article, having studied

samples of decorative art by a number of Russian artists, investigated the question of the reason for choosing Old Russian art as a source of inspiration for them, and also pointed out the general features and specifics of their artistic approaches to the stage design of theatrical works. The approaches of V.M. Vasnetsov to creating sets and costumes for the play *The Snow Maiden* to the music of N.I. Rimsky-Korsakov were studied, as well as the artist's experience of turning to ethnographic material, which made it possible to embody the authentic national ornament and traditional clothing of the Eastern Slavs on the stage. The scenographic work of M.A. Vrubel was studied, which was no longer a stylisation of the authentic forms of ancient Russian culture, methods and expressive means of folk art, but their rethinking and free interpretation. Vrubel's stage ideals were embodied in Rimsky-Korsakov's plays *The Tsar's Bride* and *The Tale of Tsar Saltan*. When creating the composition, Vrubel focused the attention of the viewer on the kinship of Russian culture with nature, that is, with that world of reality from which fantastic folk performances poured. The author also analysed the sets and costumes created by N.K. Roerich for the productions of *The Snow Maiden* and I.F. Stravinsky's ballet *The Rite of Spring* in various theatres in the world. It is emphasised that Roerich's decorative art was imbued with the ideas of the unity of nature and man, a sense of infinity and greatness of nature, shown with a deep philosophical meaning. At the other extreme of the decoration interpretation of the Old Russian theme in the late 1900s and 1910s, there was the design of the opera *The Golden Cockerel* by Rimsky-Korsakov, solved by I.Ya. Bilibin as a painted graphic stylisation for a Russian folk picture, and the set design of N. S. Goncharova, presented as a free, temperamental pictorial fantasy in the spirit of popular print. As a result of the study, the author came to the conclusion that Russian decorative art of the late 19th – early 20th centuries, which showed the audience the era of Ancient Russia on the stage, not only is of cultural and historical value for us, but also has practical significance for modern scenographers, and thus requires a serious further study.

Keywords: set design, Ancient Russia, Russian decorative art, performance, stage, theatre, artist, sketch.

Использованная литература:

1. Березкин В. И. Искусство сценографии мирового театра. От истоков до начала XX в. М.: Наука, 1995.
2. Бялик В. Платье для Снегурочки // Родина. 2000. № 12. С. 84–86.
3. Давыдова М. В. Очерки истории русского театрально-декорационного искусства XVIII – XIX вв. М.: Наука, 1974.
4. Иван Билибин: альбом / Авт.-сост. С. В. Голынец. Л.: Аврора, 1988.
5. Коган Д. З. Михаил Александрович Врубель (1856–1910). М.: Искусство, 1979.
6. Лазуко А. К. В. М. Васнецов. Л.: Художник РСФСР, 1985.
7. Маточкин Е. П. Знак Знамени Мира в искусстве Евразии и творчестве Н. К. Рериха [Электронный ресурс] // Новая эпоха. 1997. № 4 (15). URL: http://www.newepoch.ru/journals/15/matochkin_sign.html (дата обращения: 03.05.2019).
8. Неклюдова М. Г. Традиции и новаторство в русском искусстве конца XIX – начала XX в. М.: Искусство, 1991.
9. Полякова Е. И. Николай Рерих. М.: Искусство, 1985.
10. Пятьсот сокровищ русской живописи / сост. Е. Н. Евстратова. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.

References:

1. Berezkin, V.I. (1995) *Iskusstvo stszenografii mirovogo teatra. Ot istokov do nachala XX v.* [The Art of Scenography of the World Theater. From the Origins to the Beginning of the Twentieth Century]. Moscow: Nauka.
2. Byalik, V. (2000) *Plat'e dlya Snegurochki* [Dress for the Snow Maiden]. *Rodina*. 12. pp. 84--86.
3. Davydova, M.V. (1974) *Ocherki istorii russkogo teatral'no-dekoratsionnogo iskusstva XVIII – XIX vv.* [Essays on the History of Russian Theatrical and Decorative Art of the Eighteenth and Nineteenth Centuries]. Moscow: Nauka.
4. Golynets, S.V. (1988) *Ivan Bilibin: al'bom* [Ivan Bilibin: An Album]. Leningrad: Avrora.
5. Kogan, D.Z. (1979) *Mikhail Aleksandrovich Vrubel' (1856–1910)*. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
6. Lazuko, A.K. (1985) *V.M. Vasnetsov*. Leninrad: Khudozhnik RSFSR. (In Russian).
7. Matochkin, E.P. (1997) *Znak Znamen Mira v iskusstve Evrazii i tvorchestve N. K. Rerikha* [The Sign of the Banner of Peace in the Art of Eurasia and the Work of N.K. Roerich]. *Novaya epokha*. 4 (15). [Online] Available from: http://www.newepoch.ru/journals/15/matochkin_sign.html. (Accessed: 03.05.2019).
8. Neklyudova, M.G. (1991) *Traditsii i novatorstvo v russkom iskusstve kontsa XIX – nachala XX v.* [Traditions and

11. Спирина Н. Д. Полное собрание трудов: в 7 т. Т. 1: Отблески: 1944–1993. Новосибирск: ИЦ РОССАЗИЯ Сибирского Рериховского общества, 2007.

12. Стасов В. В. Царь Берендей и его палаты // Искусство и художественная промышленность. 1898/1899. № 1–2. С. 97–98.

13. Статьи и воспоминания Константина Корovina. Савва Иванович Мамонтов [Электронный ресурс] // Омелия. Международный литературный клуб. URL: <https://omiliya.org/article/savva-ivanovich-mamontov-vospominaniya-konstantina-korovina> (дата обращения: 03.05.2019).

14. Тарханова Д. И. Русская сценография конца XIX – начала XX в. // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2010. № 3. С. 83–104.

Innovation in the Russian Art of the Late 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: Iskusstvo.

9. Polyakova, E.I. (1985) *Nikolay Rerikh* [Nicholas Roerich]. Moscow: Iskusstvo.

10. Evstratova, E.N. (2011) *Pyat'sot sokrovishch russkoy zhivopisi* [Five Hundred Treasures of Russian Painting]. Moscow: OLMA Media Grup.

11. Spirina, N.D. (2007) *Polnoe sobranie trudov: v 7 t.* [Complete Collection of Works: In 7 Vols]. Vol. 1. Novosibirsk: ITs ROSSAZIYa Sibirskogo Rerikhovskogo obshchestva.

12. Stasov, V.V. (1898–1899) *Tsar' Berendey i ego palaty* [Tsar Berendey and His Chambers]. *Iskusstvo i khudozhestvennaya promyshlennost'*. 1–2. pp. 97–98.

13. Korovin, K. (2015) *Savva Ivanovich Mamontov*. [Online] Available from: <https://omiliya.org/article/savva-ivanovich-mamontov-vospominaniya-konstantina-korovina>. (Accessed: 03.05.2019). (In Russian).

14. Tarkhanova, D.I. (2010) Russian Theatre Set Design at the Turn of the XX Century. *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka*. 3. pp. 83–104. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Прокаева, О. Н. Древняя Русь в отечественном декорационном искусстве конца XIX – начала XX века [Электронный ресурс] / О. Н. Прокаева // Наследие веков. – 2019. – № 4. – С. 44–51. DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.005

Full bibliographic reference to the article:

Prokaeva, O. N. (2019) Ancient Russia in the Domestic Decorative Art of the Late 19th – Early 20th Centuries. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 4. pp. 44–51. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.005

КУНЯШОВА Светлана Владимировна

магистр культурологии, аспирант кафедры культурологии
Астраханского государственного университета,
Астрахань, Российская Федерация

Svetlana V. KUNYASHOVA

Master of Cultural Studies, Postgraduate Student,
Astrakhan State University,
Astrakhan, Russian Federation,
svet.3107@mail.ru

УДК 351.853.1:351.85(470-43)

ГРНТИ 13.15.51

ВАК РФ 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.006

Объекты культурного наследия Астраханской области в системе региональной культурной политики

Cultural Heritage of Astrakhan Oblast in the Regional Cultural Policy

Проблема сохранения и эффективного использования культурного наследия той или иной страны сложна и многоаспектна. Перед Россией, столкнувшейся в постсоветский период с рядом кардинальных перемен в различных сферах, в том числе и в культурной, она стоит особенно остро. Решение данной проблемы является одним из важнейших направлений культурной политики государства и каждого его отдельно взятого региона. В этом смысле интересен опыт Нижнего Поволжья – региона, представляющего собой поликультурное пространство. На его примере автор статьи, применив метод кросскультурного анализа, исследовала состояние региональных объектов культурного наследия и возможность их использования. В результате были выявлены как положительные тенденции, характеризующие региональную культурную политику в части сохранения и популяризации культурного наследия, так и реальные проблемы, нерешенность которых порой приводит к полному исчезновению некоторых объектов из-за их хищнической эксплуатации или замены их симулякрами. Кроме того, автором был предложен модульный подход к изучению культурного ландшафта и выделены базовые модули культурного наследия города Астрахани и Астраханской области.

Ключевые слова: культурное наследие, культурная политика, поликультурный регион, симулякр, культурный менеджмент, модульный подход.

Введение. Культурное пространство современного мира невозможно представить без культурного наследия, являющегося «сложным соединением материальных и нематериальных элементов культуры, обладающих

совокупностью ценностей, которая значима своим многообразием» [8, с. 61]. Культурное наследие — это то, что «подлежит сохранению в настоящем ради возможности потребления в будущем» [17, р. 12].

Говоря об упомянутом феномене, мы должны учитывать не только его аксиологическую, но также социальную, экономическую и пр. значимость, что особенно важно для поликультурных регионов, этно-конфессиональная множественность которых создает сложный социокультурный ландшафт. При грамотной культурной политике именно объекты культурного наследия могут стать на таких территориях платформой для налаживания диалога между представителями разных народов, чтобы они могли лучше понять друг друга, найти общезначимые для всех жителей региона ценности и т.п. Более того, способы и механизмы сохранения культурного наследия становятся маркером уровня развития общества, отражая его социальную зрелость (или наоборот). От эффективности разработанной стратегии сохранения культурного наследия может зависеть способность общества соответствовать социально-экономическому уровню цивилизованных стран. В силу этого культурное наследие любого, и особенно полиэтнического, региона требует тщательного и постоянного изучения.

Специфика культурного наследия Астраханской области. Астраханская область всегда отличалась своей этнокультурной неоднородностью, отсутствием аборигенного населения и постоянными миграционными потоками. Такой регион можно назвать гетеротопным [16, р. 22]. Его население является носителем нескольких уровней идентичности — этнического, регионального, конфессионального, общероссийского, что, с одной стороны, создает условия для взаимодействия народов, формируя региональный, наднациональный тип культуры, но с другой — такое культурное многообразие крайне неустойчиво, и чем выше степень «пестроты», тем больше рисков этноконфликтных ситуаций.

Благоприятная атмосфера для культурного диалога складывалась в Астрахани постепенно, на протяжении нескольких веков. Через эту землю, ещё в старину названную «Вратами Евразии», проходили многочисленные торговые пути. Она влекла представителей разных народов. Частично оседая здесь, они взаимодействовали, ассимилировались и со временем начинали ощущать себя частью

отдельной общности, которую впоследствии назовут «астраханцами». Это определило своеобразие развития Нижнего Поволжья как перекрестка культур и религий, духовное наследие которого поистине уникально.

Астрахань — это не только река Волга, гора Богдо, соляное озеро Баскунчак и лотосовые поля Прикаспия. Это ещё и удивительная архитектура, представляющая собой сложный синкретизм православных храмов и монастырей, синагог и католических соборов, многочисленных мечетей, рядом с которыми некогда располагались индийское, персидское, армянское торговые подворья, лютеранская кирха, армянский собор и восточные банки.

Что-то было уничтожено временем, но большая часть сооружений сохранилась, и сегодня на территории Астрахани находится более 500 памятников [10, с. 102] различных исторических периодов и различной ценности, в совокупности создающих неповторимый колорит южного города, являющегося в буквальном смысле «узлом частей света: Запада и Востока» [4, с. 35]. Вбирая в себя элементы культуры разных народов, здесь постепенно складывалась единая региональная культура, и её носители — все астраханские этносы — «принимали общие правила игры, в основе которых лежало принятие другой нации как равной. И это позволяло и позволяет им сохранять статус-кво» [7, с. 18]. Астраханцы с детских лет чувствуют на себе влияние многих языков, культур, обычаев, обрядов, что способствует формированию мультикультурной личности с высоким уровнем толерантности.

Правда, стоит отметить, что относительное этнокультурное равновесие, сложившееся в регионе, было нарушено перестроечными процессами 90-х гг. XX в., сопровождавшимися ростом этнического самосознания, вызвавшего возрождение этнокультурных традиций и вслед за этим этноконфессиональное противостояние. Ситуация усугубилась притоком мигрантов из южных постсоветских республик, а также из конфликтных регионов Российской Федерации.

В регионе начали появляться новые скульптурные и архитектурные объекты, слабо вписывающиеся в общекультурный ланд-

шафт Нижнего Поволжья, мало известные населению и порождающие негативную переоценку существующих общерегиональных ценностей. Речь идет о различных интерпретациях, а порой даже фальсификации исторических фактов в интересах того или иного этноса или религиозной конфессии. Культурные сигнификаты (как федеральные, так и региональные) стали приобретать открыто этноконфессиональную окраску, что отразилось на репрезентации «своего» наследия. Данная ситуация ведет не только к культурной, но и к социальной нестабильности и, безусловно, требует внесения соответствующих корректив в культурную политику государства.

Некоторые из них уже налицо. Так, в 2018 г. запущен Национальный проект «Культура» (2019–2024 гг.), который впервые «возводит культуру в ранг национальных приоритетов» [5]. Проект направлен на достижение «качественно нового состояния инфраструктуры культуры» [11] и предполагает сделать сохранение культурного наследия локомотивом экономического и социального развития регионов России, вовлекая существующие ресурсы в экономическую и туристическую сферы, что должно повысить инвестиционную привлекательность региона. Астраханская область славится разнообразием своего культурного наследия, поэтому по всем параметрам подходит для реализации данного проекта.

С этой целью на кафедре культурологии Астраханского государственного университета на протяжении нескольких лет комплексно изучались механизмы мемориализации и забвения культурного наследия региона, обладающего некой «срединностью» между западной и восточной, европейской и азиатской культурами [2]. Результатом исследований стал новый фундаментальный научный «модульный» подход, который рассматривает совокупность объектов культурного наследия синхронно, как состоявшуюся целостность, и диахронно, как последовательность этапов его формирования, развития и в отдельных случаях утраты. В качестве модуля взята системная единица культурного ландшафта, представленная разнообразными таксономическими явлениями: культурными, социаль-

ными, экономическими, природными и т.д. [9], [14].

Учитывая, что ценность рассматриваемых объектов неотделима от среды их существования, большое внимание уделяется поддержанию памяти о первоначальных культурных смыслах объекта и их последующей трансформации. Сохраненный или отреставрированный памятник старины, окруженный новостройками, становится либо пережитком прошлого, либо симулякром, отдаленно напоминающим прежний артефакт. Поэтому одна из важнейших задач сохранения культурного наследия — решить проблему «вписанности» объекта в современный ландшафт, особенно городской.

Именно поэтому в рамках нового подхода за основу берется пространство конкретного культурного ландшафта, представляющего собой связанный историко-культурный комплекс (модуль), самостоятельную единицу, обладающую своими территориальными, темпоральными, экономическими, культурными, семиотическими характеристиками. Такой подход уводит от точечного рассмотрения состояния отдельных памятников культуры, позволяя увязать этническую составляющую, культурный ландшафт и объекты культурного наследия в единое целое. В качестве модуля могут выступать целый городской район, историческое место, часть биосистемы, имеющие определенную функцию и конкретные параметры (пространственные, временные, смысловые и т.д.). Так, в городском культурном ландшафте Астрахани можно выделить несколько модулей — Кремль, Белый город, Зakanалье, Закутумье, Косу, каждый из которых обладает культурным своеобразием [6], [13].

Гораздо больше культурных модулей в области. Часть таких комплексов относится к объектам федерального или регионального значения, как, например, Сарай-Бату (золотоордынский город около села Селитренное Харабалинского района), Хошеутовский хурул, построенный калмыцким князем Тюменем в честь победы над Наполеоном, остатки хазарских городов и сарматских поселений в низовьях Волги и др. Вопрос в том, что конкретно необходимо сохранить и в каком объеме.

Коммерциализация объектов культурного наследия: проблемы и перспективы. Сегодня культурное наследие рассматривается не только как историческая ценность, несущая духовно-творческий потенциал, но и как ресурс, способный приносить доход. Однако для эффективного использования объектов культурного наследия нужна продуманная инфраструктура, сформированная с учетом инноваций, чтобы тот или иной памятник мог органично вписаться в экономический и социально-политические контексты.

На Западе активное использование объектов культурного наследия в экономике стало уже привычным, в то время как в России такая практика воспринимается с сомнением и подозрением. Между тем государственные финансовые вложения не могут охватить весь необходимый масштаб реставрационных работ. Множество ценных исторических памятников могут не дожидаться своей очереди и исчезнуть. Следовательно, необходимо менять систему управления процессом сохранения культурного наследия и его использования. В качестве возможного выхода может рассматриваться создание цивилизованного рынка объектов культурного наследия, с разными формами государственно-частного партнерства (public-private partnership), предоставлением бизнесу более широких прав, включая «доверительное управление историко-культурными комплексами и недвижимостью сферы культуры (зданиями музеев, библиотек, театров и т.п.); безвозмездную передачу частному бизнесу объектов культурного наследия и культуры, находящихся в аварийном или руинированном состоянии с обеспечением их реставрации или капитального ремонта; проведение творческих конкурсов; создание частными инвесторами электронных библиотек, музеев, архивов и др.» [1, с.9], подключением к популяризации культурного наследия рекламных агентств и PR-служб, СМИ, кинематографа.

Следует только помнить, что вынужденное приспособление к существующему массовому спросу может примитивизировать смысловые категории и свести ценностные приоритеты до потребительского уровня. Часто реконструкция делает объект лишь при-

близительным подобием подлинного артефакта или вообще превращает его «новодел». В Астрахани наиболее яркими примерами этого могут служить деревянный дом купца Тетюшинова, напоминающий сегодня новогоднюю игрушку, и Русское торговое подворье, снесенное до основания и заново выстроенное в стиле современной эклектики (сейчас это фешенебельная гостиница для VIP-гостей).

Культурное наследие становится «неисчерпаемым сырьем» [8, с. 62] для туристического бизнеса, тиражирования, имитаций и перформансов. В то же время такой симулякр способствует самоокупаемости культурного комплекса, создает новые рабочие места на малых предприятиях, воссоздающих исторические артефакты, что, несомненно, привлекает людей и усиливает их интерес к историческому прошлому края. Для ретрансляции знаний о прошлом в современном мире оказывается значимой именно экономическая составляющая культурного наследия, которая, как это ни парадоксально, помогает сохранить его культурную ценность.

Показателен в этом смысле образованный на основании Постановления губернатора Астраханской области от 27.05.2003 г. № 231 музейный археологический комплекс «Селитренное городище», более известный как Сарай-Бату, столица улуса Джучи (Золотая Орда). Комплекс находится в Харабалинском районе Астраханской области (территория городища — 2080 га) и является памятником археологии федерального значения. Это музей под открытым небом, объединяющий историческое и естественнонаучное направления. Здесь проводятся экскурсии, не прекращаются раскопки, ведутся научные исследования. После многолетних восстановительных работ стали доступны для посещения усадьбы золотоордынских аристократов, комплекс общественных зданий, большая мечеть, общественная баня, гончарные и стеклоделательные мастерские. Но, несмотря на такую значимость объекта, узнаваемым и знаменитым Сарай Бату стал после съемок фильма «Орда». Недалеко от настоящего древнего города для натурных съемок была «построена» глиняная столица Золотой Орды. К участию в картине привлекли жителей всех окрестных сел. Были

задействованы даже местные верблюды. А вот юрту привезли из Монголии.

После съемок астраханские власти договорилось с «Мосфильмом» за небольшую плату оставить бутафорский город на том же месте и превратили его в культурно-развлекательный центр. «Киногород из пустых ящиков и глины» [15] превратился в культовый объект и «приманку» для туриста, который верит в подлинность увиденного. Экскурсоводы проводят гостей по улицам древнего города, рассказывают историю Золотой Орды, посетителей катают на верблюдах, а по праздникам проводят военно-исторические реконструкции и концерты. В местных кафе можно попробовать национальную кухню, а в сувенирных магазинчиках купить предметы «старины» и охранные амулеты далекой эпохи, воссозданные по старинным технологиям.

Астраханские туристические фирмы широко пользуются предоставленной возможностью привозить сюда гостей города. Был разработан тур «В гостях у хана» с посещением всех достопримечательностей, познавательной экскурсией и возможностью походить после неё по «восточному базару». Кроме того, все желающие могут сыграть в пейнтбол на специально оборудованной здесь для этого площадке. Между тем глиняный город является тем самым симулякром, который не отражает историческую реальность, а родился из фантазий художников, совместивших в декорациях азиатские и африканские мотивы. Однако это не смущает посетителей, которые убеждены, что именно благодаря съемкам фильма в Астраханской области появился исторический памятник [12].

Дискуссия и выводы. Культурное наследие Астраханской области уникально в силу своего поликультурного характера, что подтверждают и сохранившиеся до наших дней традиции разных народов, населяющих этот край, и архитектурный облик столицы и других городов региона, и многочисленные археологические находки. Но раскопки, реконструкция и обслуживание объектов культурного наследия требуют огромных капиталовложений. И хотя администрация об-

ласти и города проводит большую работу по привлечению инвестиций, приезжие часто отмечают заброшенность многих исторических построек, находящихся на грани разрушения, в то время как при должном подходе они могли бы эффективно использоваться. И поскольку финансирования катастрофически не хватает, чаще создается культурный симулякр, который начинает использоваться как реальный объект культурного наследия. Память об исторических объектах понемногу уходит (особенно у молодого поколения), а симулякры остаются и замещают образовавшиеся лакуны. Это одна из сложнейших проблем сохранения культурного наследия сегодня.

С учетом современных реалий, можно предположить несколько сценариев дальнейшего развития сложившейся ситуации:

— пессимистический, ведущий к отчуждению объекта от культурного ландшафта с последующим его исчезновением;

— оптимистический, предполагающий наличие продуманной государственной культурной политики, привлечение общественности и развитие туристической сферы с сопутствующими ей секторами экономики;

— реалистический, констатирующий сокращение государственных программ, нацеленных на сохранение культурного наследия, и уменьшение ответственности государства за состояние и развитие культуры.

Модели государственно-частного сотрудничества дают хороший результат только при условии, если «и государственные структуры, и частный сектор проявляют достаточно гибкости для того, чтобы прокладывать новые пути и „творчески“ подходить к правовым ограничениям» [3, с.508]. Именно государству должна принадлежать ведущая роль во внедрении инвестиционных проектов с целью поддержания целостности культуры и сохранения культурного наследия России. Только в этом случае взаимодействие бизнеса и государства может стать эффективным механизмом реализации стратегических целей культурной политики, ориентированной на стабильное социокультурное развитие. Пока такого равновесия не наблюдается.

Svetlana V. KUNYASHOVA

Cultural Heritage of Astrakhan Oblast in the Regional Cultural Policy

Abstract. The problem of preservation and effective use of the cultural heritage of a country is complex and multidimensional. In Russia, faced with a number of cardinal changes in various fields, including cultural, in the post-Soviet period, the problem is particularly acute. Its solution is one of the most important areas of cultural policy of the state and each of its individual regions. In this sense, the experience of the Lower Volga Region, a region representing a multicultural space, is interesting. On its example, the author of the article, using the method of cross-cultural analysis, examined the state of regional objects of cultural heritage and the possibility of their use. During the study, the specifics of the cultural heritage of Astrakhan Oblast, the history and features of the formation of an array of historical and cultural monuments located in the region were studied. Further, the prospects for using the cultural heritage of Astrakhan Oblast for regional economy's development were identified, examples of the reconstruction of historical objects in order to adapt them to mass tourist demand were studied. The author proposed a modular approach to the study of the cultural landscape and highlighted the basic modules of the cultural heritage of Astrakhan and Astrakhan Oblast. As a result, the author identified both positive trends characterising the regional cultural policy regarding the preservation and popularisation of cultural heritage and real problems, the unresolvedness of which sometimes leads to the complete disappearance of some objects due to their predatory exploitation or replacement by their simulacra. It is emphasised that simulacra replace the lacunae formed during the disappearance of memory of real historical objects. The author identifies three main scenarios that describe the fate of cultural heritage as a result of the application of certain measures of state regulation (pessimistic, optimistic and realistic). It is indicated that, in the Russian Federation, it is the state that should play a leading role in the implementation of investment projects in order to maintain the integrity of culture and preserve the cultural heritage of Russia. However, the state is not able to make financial investments that fully cover the full scale of restoration work. This actualises a change in the management system for the preservation of cultural heritage and its use. As a possible way out, creation of a civilised market of cultural heritage objects, with various forms of public-private partnership, provision of wider rights to business, can be considered.

Keywords: cultural heritage, cultural policy, multicultural region, simulacrum, cultural management, modular approach.

Использованная литература:

1. Белозор А. Ф. Взаимодействие государства и бизнеса в культурной политике России: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2008.
2. Грант ФЦП (2012–2014) 2012-1.1-12-000-3003-056 – «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» «Культурная память и культурное наследие фронта» [Электронный ресурс] // Проект 4science. URL: <https://4science.ru/project/14-B37-21-0029> (дата обращения 12.05.19).
3. Думбрава Е. А. Государственно-частное партнерство в культуре: суть явления и принципы внедрения // Современная культурная политика как креативная деятельность: управление и инновации. СПб: ЭЙДОС, 2014. С. 500–509.
4. Казакова Г. М. Регион как субкультурный локус: автореф. ... д-ра культурологии. М., 2009.
5. Михайлов К. Национальный проект «Культура» [Электронный ресурс] // Хранители Наследия. URL: <http://hraniteli-nasledia.com/articles/nasledie>

References:

1. Belozor, A.F. (2008) *Vzaimodeystvie gosudarstva i biznesa v kul'turnoy politike Rossii* [The Interaction of the State and Business in the Cultural Policy of Russia]. Abstract of Culturology Cand. Diss. Moscow.
2. 4science. (2012) *Grant FTsP (2012–2014) 2012-1.1-12-000-3003-056 – "Nauchnye i nauchno-pedagogicheskie kadry innovatsionnoy Rossii" "Kul'turnaya pamyat' i kul'turnoe nasledie frontira"* [Grant of the Federal Target Program (2012–2014) 2012-1.1-12-000-3003-056 "Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel of Innovative Russia" "Cultural Memory and Cultural Heritage of the Frontier"]. [Online] Available from: <https://4science.ru/project/14-B37-21-0029>. (Accessed: 12.05.2019).
3. Dumbrava, E.A. (2014) *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v kul'ture: sut' yavleniya i printsipy vnedreniya* [Public-Private Partnership in Culture: The Essence of the Phenomenon and Principles of Implementation]. In: Astaf'eva, O.N. (ed.) *Sovremennaya kul'turnaya politika kak kreativnaya deyatel'nost': upravlenie i innovatsii* [Modern

rossii/natsionalnyy-proekt-kultura-bez-kulturnogo-naslediya/?sphrase_id=48349 (дата обращения 12.05.19).

6. Романова А. П. Белый город как модуль культурного ландшафта Астрахани // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 236–242.

7. Романова А. П. Толерантное отношение к «Другому» в молодежной среде полиэтнического региона // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. № 4 (25). С. 15–20.

8. Романова А. П., Якушенков С. Н., Дахин С. А. Культурный менеджмент и политика сохранения культурного наследия // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 3. С. 58–62.

9. Романова А. П., Якушенков С. Н. Модульный подход в вопросе сохранения культурного наследия в рамках концепции культурного ландшафта // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 3. С. 258–265.

10. Романова А. П. и др. Нижневолжский фронт: культурная память и культурное наследие: уч. пособие. Астрахань: Сорокин Р. В., 2014.

11. Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 года [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/news/34168/> (дата обращения 12.05.19).

12. Отзывы о Сарай-Бату [Электронный ресурс] // Трипадвизор. Россия. URL: <https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g298513-d5617654-r203084446-Saraj-Batu-Astrakhan.html> (дата обращения 12.05.19).

13. Хлыщёва Е. В. Закутумье и Зakanалье как культурный модуль // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 4. С. 288–294.

14. Хлыщёва Е. В. Проблема сохранения культурного наследия в поликультурном регионе // Известия ВГПУ. Сер. «Социально-экономические науки и искусство». 2012. № 8. С. 31–39.

15. Чем живет заброшенный киногород Сарай-Бату в Астраханской области. 2018 [Электронный ресурс] // Рамблер. URL: <https://kino.rambler.ru/other/41173518-chem-zhivet-zabroshennyi-kinogorod-saray-batu-v-astrahanskoy-oblasti/> (дата обращения 12.05.19).

16. Foucault M. Of other spaces // *Diacritics*. Vol. 16. No. 1 (Spring, 1986). P. 22–27.

17. Howard P. *Heritage: management, interpretation, identity*. London: Continuum International Publishing, 2003.

Cultural Policy as a Creative Activity: Management and Innovation]. St. Petersburg: EYDOS. pp. 500–509.

4. Kazakova, G.M. (2009) *Region kak subkul'turnyy lokus* [Region as a Subcultural Locus]. Abstract of Culturology Dr. Diss. Moscow.

5. Mikhaylov, K. (2018) *Natsional'nyy projekt "Kul'tura"* [National Project "Culture"]. [Online] Available from: http://hraniteli-nasledia.com/articles/nasledie-rossii/natsionalnyy-proekt-kultura-bez-kulturnogo-naslediya/?sphrase_id=48349. (Accessed: 12.05.19).

6. Romanova, A.P. (2012) *Belyy gorod kak modul' kul'turnogo landshafta Astrakhani* [Bely Gorod as a Module of the Cultural Landscape of Astrakhan]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura – THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture*. 3. pp. 236–242.

7. Romanova, A.P. (2010) *Tolerantnoe otnoshenie k "Drugomu" v molodezhnoy srede polietnichnogo regiona* [A Tolerant Attitude to the "Other" in the Youth Environment of a Multi-Ethnic Region]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura – THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture*. 4 (25). pp. 15–20.

8. Romanova, A.P., Yakushenkov, S.N. & Dakhin, S.A. (2010) *Kul'turnyy menedzhment i politika sokhraneniya kul'turnogo naslediya* [Cultural Management and the Policy of Preservation of Cultural Heritage]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 3. pp. 58–62.

9. Romanova, A.P. & Yakushenkov, S.N. (2011) *Modul'nyy podkhod v voprose sokhraneniya kul'turnogo naslediya v ramkakh kontseptsii kul'turnogo landshafta* [A Modular Approach to the Preservation of Cultural Heritage in the Framework of the Concept of Cultural Landscape]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura – THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture*. 3. pp. 258–265.

10. Romanova, A.P. et al. (2014) *Nizhnevolzhskiy frontir: kul'turnaya pamyat' i kul'turnoe nasledie* [The Lower Volga Frontier: Cultural Memory and Cultural Heritage]. Astrakhan: Sorokin R.V.

11. Government.ru. (2018) *Osnovnye napravleniya deyatel'nosti Pravitel'stva RF na period do 2024 goda* [The Main Activities of the Government of the Russian Federation for the Period up to 2024]. [Online] Available from: <http://government.ru/news/34168/>. (Accessed: 12.05.2019).

12. Tripadvisor.ru. (2019) *Otzyvy o Saray-Batu* [Reviews on Sarai-Batu]. [Online] Available from: <https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g298513-d5617654-r203084446-Saraj-Batu-Astrakhan.html>. (Accessed: 12.05.2019).

13. Khlyshcheva, E.V. (2011) *Zakutum'e i Zakanal'e kak kul'turnyy modul'* [Zakutumye and Zakanalye as a Cultural Module]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura – THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture*. 4. pp. 288–294.

14. Khlyshcheva, E.V. (2012) *Issue of Preservation of Cultural Heritage in the Polycultural Region. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 8. pp. 31–39. (In Russian).

15. Rambler. (2018) *Chem zhivet zabroshennyi kinogorod Saray-Batu v Astrakhanskoy oblasti* [How the Abandoned Film Town Saray-Batu Lives in Astrakhan Oblast]. [Online] Available from: <https://kino.rambler.ru/>

other/41173518-chem-zhivet-zabroshenny-kinogorod-saray-batu-v-astrahanskoy-oblasti/. (Accessed: 12.05.2019).

16. Foucault, M. (1986) Of Other Spaces. *Diacritics*. 16(1). pp. 22–27.

17. Howard, P. (2003) *Heritage: Management, Interpretation, Identity*. London: Continuum International Publishing.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Кунышова, С. В. Объекты культурного наследия Астраханской области в системе региональной культурной политики [Электронный ресурс] / С. В. Кунышова // Наследие веков. – 2019. – № 4. – С. 52–59. DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.006

Full bibliographic reference to the article:

Kunyashova, S. V. (2019) Cultural Heritage of Astrakhan Oblast in the Regional Cultural Policy. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 4. pp. 52–59. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.006

БЕГИЧЕВА Ольга Викторовна
кандидат искусствоведения,
профессор кафедры истории и теории музыки
Волгоградского государственного института искусств и культуры,
Волгоград, Российская Федерация
Olga V. BEGICHEVA
Cand. Sci. (Art Criticism), Prof.,
Volgograd State Institute of Arts and Culture,
Volgograd, Russian Federation,
olilog@yandex.ru

УДК 784.3:78.071.1(470.620)
ГРНТИ 18.41.07
ВАК РФ 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.007

**«Обертоны» романтической
баллады в творчестве
современных композиторов
Кубани (на примере произведений
Константина Пашкова)**

**The “Overtones” of the Romantic
Ballad in the Works of Modern
Composers of Kuban (On the Example
of Works by Konstantin Pashkov)**

В статье рассматривается трансформация жанра романтической баллады в творчестве современного краснодарского композитора К. Пашкова. Во главу угла ставится когнитивный подход к жанру, который позволяет приблизиться к его архетипу, а затем проследить возможные пути деканонизации сложившейся жанровой формы. Опираясь на методы историко-культурологического, музыковедческого, а также сравнительного анализа делается вывод о трансляции жанровой модели романтической баллады за пределами XIX столетия. Введение в научный обиход цикла Пять пьес для струнного оркестра направлено на популяризацию творчества молодого талантливого композитора Кубани.

Ключевые слова: композиторы Кубани, Константин Пашков, романтическая баллада, трансформация жанра, балладность.

Становление, стабилизация, дестабилизация — последовательные стадии развития жанра, рассматриваемые с позиций нормативной поэтики. За ними стоит движение к канону, кристаллизация жанровых форм и устойчивое продолжительное господство некоей нормы, задающей конвенциональные

соглашения между автором и реципиентом. В том же случае, когда произведение попадает на «территорию» ненормативной поэтики, указанные выше стадии жанровой эволюции приобретают специфические очертания. Границы между каноном и его разрушением становятся расплывчатыми, жанр предстает

как динамично развивающаяся система, существующая *одновременно* и в становлении, и в изменении.

Эти тонкие наблюдения, неоднократно высказываемые филологами, до настоящего времени не нашли своего применения в музыкознании, тем не менее именно динамическая концепция жанра, активно разрабатываемая в работах С. Н. Бройзмана [2], О. В. Зырянова [3], видится наиболее перспективной в свете когнитивного подхода к жанру, обозначившегося в современных междисциплинарных исследованиях музыковедов [1].

Ярким образцом, демонстрирующим данный тезис, является романтическая баллада. Для научной рефлексии работа с таким материалом представляет определенную сложность. Теория балладного жанра эпохи романтизма на сегодняшний день «пробуксовывает» неслучайно — ведь живой исторический процесс, за которым стоят реальные персоналии и художественные образцы, выплескивает на поверхность сочинения, кардинально расходящиеся между собой в образном содержании, в стилистике и средствах художественной выразительности.

Что нам сегодня достоверно известно об этом жанре?

Во-первых, то, что его путь в художественную культуру романтизма пролегал через многовековую фольклорную традицию. Во-вторых, что он одновременно утвердился и в литературе, и музыке, сопровождающей поэтические описания, а затем получил музыкальную автономию, не потеряв с литературой глубинной связи благодаря повествовательному дискурсу и фабулярности. В-третьих, нам известны его эмоционально-содержательные доминанты, выраженные через драматический пафос высказывания с присутствием фантастического элемента в виде фольклорного пласта всевозможной «нежити». Установлено, что взаимодействие двух миров («здесь» и «потустороннего») — жанрообразующий компонент баллады [5].

Приведенная статическая концепция жанра романтической баллады применительно к реалиям художественной практики, особенно за пределами романтизма, не способна «высветить» балладное начало (модус

балладности) в сочинениях иной жанровой номинации, построенных по принципам балладной поэтики. Выход из сложившегося положения нам видится в динамическом подходе к теории жанра, когда последний, говоря словами О. А. Проскурина, рассматривается не как «объект воздействия», а как «субъект развития» [4, с. 71]. В этом случае, обращаясь к романтической балладе как к жанровому феномену, сложившемуся в неканонический период и распространившему сферу своего влияния далеко за пределы романтизма, требуется смена исследовательской парадигмы.

В соответствии с последними разработками музыкознания в случае с явлениями, попадающими в эпоху «рефлексивного антитрадиционализма» (С. С. Аверинцев), наиболее востребованными являются методы когнитивной поэтики, когда постижение природы балладообразующих признаков осуществляется через жанровые концепты, действующие в междисциплинарном поле гуманитарного знания.

Такой подход позволяет выйти к жанровым универсалиям, извлечь из глубин жанрового архетипа признаки баллады и реконструировать ее в различных историко-стилевых контекстах.

Цель настоящей статьи — рассмотреть проявление балладности на новом витке историко-культурного развития, в творчестве композиторов XXI века. Для реконструкции жанрового архетипа баллады напомним его «опорные точки», выполняющие представительствующие функции в художественной культуре. Это «генеральная интонация» жанра — страх и страдание, возникающая при вторжении мира мертвых в мир живых. Она реализует сюжетные мотивы любви-в-смерти и судьбы. Присутствие мира инобытия всегда предполагает наличие inferнально-фантастического элемента и трагической развязки. Обязательными персонажами баллады являются иномирный пришелец, его возлюбленная и повествователь.

В музыкальных балладах герои маркируются подобающей их жанровому «статусу» лексикой и подчиняются композиционно-драматургической расстановке сил, соответствующей шести сюжетным функциям: нарушение

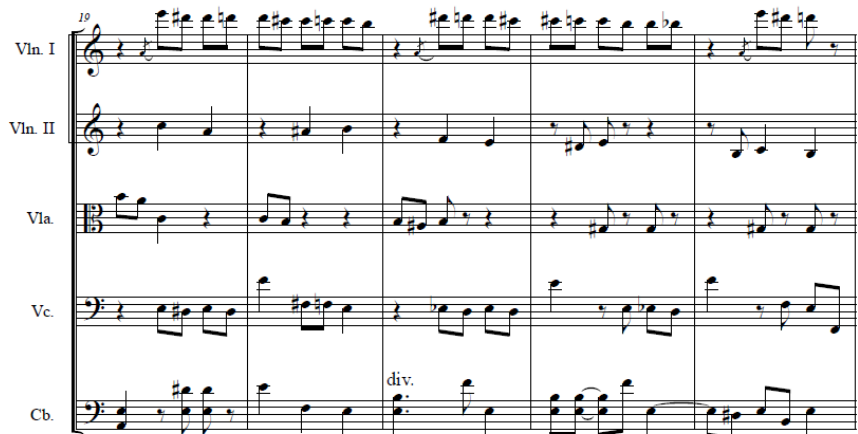
ритуального табу — вторжение иномирного пришельца — встреча двух миров — взаимодействие миров — возвращение пришельца — «свадьба-похороны».

В качестве яркого примера, иллюстрирующего пролонгирующие тенденции романтической, баллады нами выбрано творчество современного краснодарского композитора Константина Пашкова. Особый интерес с точки зрения конфигурации жанровых признаков баллады в контексте современной культуры представляет его цикл Пять пьес для струнного оркестра. Каждый номер цикла имеет программный или жанровый заголовок: № 1 «Бал Воланда», № 2 Оstinato, № 3 Элегия, № 4 «Trioline», № 5 «Пролетая мимо Ирландии».

«Говорящие» названия первой и последней пьес цикла отсылают слушателя к устойчивым образам-символам романтической культуры, где бал у сатаны был связан с мифологемой шабаша — Вальпургиевой ночью и полетом нечисти. Что же касается трех других пьес — Оstinato, Элегии и «Trioline», — то «разговор со слушателем» идет в парадигме полижанровости, получившей наибольшее распространение в творчестве композиторов-романтиков и предполагающий невербальную ассоциативность через отраженный жанр.

Балладная образность и тематика сразу утверждаются в первой пьесе цикла. «Бал Воланда» пестрит аллюзиями на самые популярные баллады романтической культуры. Среди них на первом месте находится «Пляска смерти» К. Сен-Санса. Из «копилки» романтической баллады К. Пашковым удачно извлечены лексемы вальса — томного и одновременно призрачного (пример 1), а также интонация тритона, используемая французским романтиком

в качестве «портретного знака» Смерти (пример 2). Тотальная диссонантность, господствующая в современном сочинении, возникает благодаря лейтинтервалу большой септимы, мелькающим отрезкам хроматической гаммы, а разнообразие приемов скрипичной игры — *pizzicato*, *glissando*, *divisi* — направлено на создание фантастической атмосферы ирреального бала.

1. К. Пашков. «Бал Воланда». Средний раздел. Тема вальса.

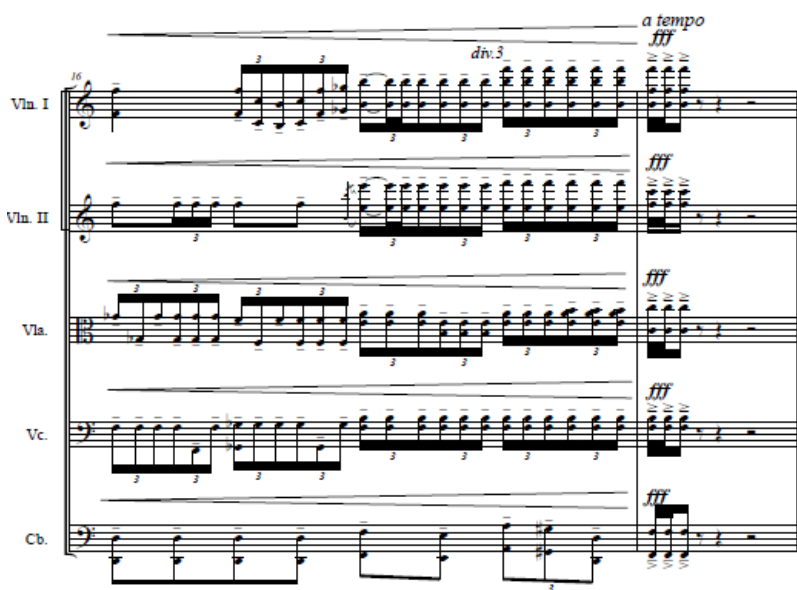

2. К. Пашков. «Бал Воланда». Основной раздел. Тема скерцо

Однако ирония, присущая опусу К. Сен-Санса, у К. Пашкова полностью отсутствует, и фантастическое скерцо, по сути, становится прологом к драматическим страницам цикла: Оstinato, Элегии и «Trioline». Балладные «обертоны» в этом триптихе, расположенном внутри цикла, наиболее ощутимы, поскольку именно здесь складывается жанрообразующая ситуация встречи двух миров.

Элегия, пронизанная скорбными интонациями прощания, становится единственным «островком жизни». Помещенная в центр цикла, она словно зажата в тиски двух механистически-урбанизированных пьес. При этом самой яркой приметой наступательной силы «мертвой материи» становится их тотальная остинатность. Во второй пьесе она выходит на уровень заголовочного комплекса, в четвертой — спрятана внутри остинатной ритмоинтонации триолей. Знаменательно, что одинаково экспрессивно заканчиваются обе пьесы, их финальные возгласы демонстрируют крайнюю степень эмоционального напряжения, за которым угадываются ужас, крик отчаяния, возникающие при столкновении с иррациональным миром (примеры 3, 4).

Согласно композиционно-драматургическому архетипу баллады, такое расположение пьес соответствует трем функциям: «вторжению иномирного пришельца» (Остинато), «встрече двух миров» (Элегия) и «возвращению пришельца» («Trioline»), которые, безусловно, корректируются тем, что в роли иномирного пришельца — персонажа фольклорных баллад — выступает внеличная, непсонифицированная, сила. Однако ее раз-

З. К. Пашков. Остинато

рушительная сущность, типичная для романтической баллады, сохраняет свои функции. Неслучайно композитором для лирического образа избран жанр элегии, генетически связанный с похоронной традицией.

В контексте всего цикла завершающий номер «Пролетая мимо Ирландии» воспринимается как финальный аккорд разлетающейся нечисти. Общеизвестно, что для ирландской мифологии общим местом было представление о колдовстве. Из-за веры Европы в злых духов, которые будто бы населяли Ирландию, эта страна долгое время представлялась зловещим местом. Считалось,

что дьявол находит пристанище в таких диких уголках мира, как Лапландия, Финляндия, Ирландия. Неудивительно, что мифическое представление о северном колдовстве, пик которого пришелся на восемнадцатый век, доминировало и в романтических литературных произведениях, начиная с шекспировских ведьм в «Макбете», тени рыбака Питера Э. Баннермана в «Рыбаке Лапландии» и др.

Словом, романтическое воображение всегда подпитывалось дикими легендами, на которые, как нам кажется, есть

З. К. Пашков. «Trioline»

отсылка в последней пьесе. И для реципиента уже не столь важно, что здесь первичное — ассоциативный ряд, связанный с романом М. Булгакова, или арка, перекинутая композитором к тексту романтической культуры (ведь Ирландия и ее звуковая атмосфера, воссозданная в пятой пьесе, куда глубже уровня единичного романа, пусть и, без сомнения, гениального).

Таким образом, мы имеем все основания утверждать, что контуры балладного жанра в цикле Пять пьес для струнного оркестра К. Пашкова опознаются на уровне ряда «опорных жанровых точек». Во-первых, в глубинах подтекстового слоя скрыт сюжет табуированной баллады, известный как бал нечисти, или Вальпургиева ночь. Во-вторых, сквозь него всплывают типичные балладные мотивы любви-в-смерти и судьбы. В-третьих, на ин-

тонационно-музыкальном уровне «считываются» главные балладные персонажи (представители мира здешнего и потустороннего) — прекрасная возлюбленная и вневличная демоническая сила. Наконец, в композиционно-драматургической организации цикла есть признаки повествовательной балладной формы: пролог, событийный ряд, заключенный в триптихе, и эпилог.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что жанр романтической баллады вторично разыгрывается в творчестве современных композиторов. Жанровый канон, погруженный в глубины авторского слоя произведения, превращается в «образ жанра» (термин О. В. Зырянова), в нем «просвечивает» архетипический балладный сюжет, восстановить который оказывается возможным в парадигме когнитивной поэтики.

Olga V. BEGICHEVA

The "Overtones" of the Romantic Ballad in the Works of Modern Composers of Kuban (On the Example of Works by Konstantin Pashkov)

Abstract. The sociocultural existence of the genre outside its era is a problem that will never lose its relevance. In fact, the secondary use of the genre in various cultural texts is nothing more than an indicator of the viability of the morphological system of art. In the article, considering the transformation of the romantic ballad in modern culture, the author reveals the genre canon of the ballad, hidden in the depths of the author's layer of the work and turned into an "image of the genre". To reconstruct the genre archetype of the ballad, its "reference points" are distinguished, which perform representative functions in the artistic culture. These include: the «*general intonation*» of the genre—fear and suffering—arising from the invasion of the world of the dead into the world of the living; *plot motifs* of love-in-death and fate; the *presence of two worlds*—"here" and "beyond", which suggests a tragic outcome; the «*character frame*», consisting of a foreign alien, his beloved and a narrator; compositional and dramatic balance of power corresponding to *six plot functions* (violation of the ritual taboo – invasion of a foreign alien – meeting of two worlds – interaction of the worlds – return of the alien – "wedding-funeral"). The author chose the cycle *Five Pieces for a String Orchestra*, the work of the modern Krasnodar composer Konstantin Pashkov, as a vivid example illustrating the prolonging tendencies of the romantic ballad. Each piece of the cycle has a programmatic or genre title: No. 1 "Volland's Ball", No. 2 *Ostinato*, No. 3 *Elegy*, No. 4 "Trioline", No. 5 "Flying past Ireland". The self-explanatory names of plays 1 and 5 of the cycle send the listener to steady images, symbols of a romantic culture, in which the ball at the Satan's was associated with the mythology of the Sabbath. As for the other three plays (*Ostinato*, *Elegy* and *Trioline*), their arrangement corresponds to three functions: "invasion of a foreign alien" (*Ostinato*), "meeting of two worlds" (*Elegy*) and "return of the alien" ("Trioline"). In the context of the whole cycle, the final piece, "Flying past Ireland", is perceived as the final chord of evil spirits flying away. Thus, there is every reason to assert that the contours of the ballad genre in the *Five Pieces for a String Orchestra* by Pashkov are recognised at the level of a number of "reference genre points". Firstly, in the depths of the subtext layer, the plot of the taboo ballad is hidden. Secondly, typical ballad motifs show

through it. Thirdly, at the intonational-musical level, the main ballad characters are “read”. Finally, the compositional and dramatic organisation of the cycle has signs of a narrative ballad form: a prologue, a series of events enclosed in a triptych, and an epilogue. All of the above indicates that the genre of the romantic ballad is played out again in the works of modern composers. It was possible to identify the configuration of the genre signs of the ballad in the context of modern culture in the paradigm of cognitive poetics by restoring the archetypal ballad plot.

Keywords: composers of Kuban, Konstantin Pashkov, romantic ballad, transformation of genre, ballad modus.

Использованная литература:

1. Амрахова А. А. Отечественная теория жанра в свете современных гуманитарных методологий // Журнал Общества теории музыки. 2016. Вып. 3 (15). С. 18–29.
2. Бройтман С. Н. Теория литературы: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тамарченко. Т. 2: Бройтман С. Н. Историческая поэтика. М.: Академия, 2004.
3. Зырянов О. В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003.
4. Проскурин О. А. Две модели литературной эволюции: Ю. Н. Тынянов и В. Э. Вацура // Новое литературное обозрение. 2000. № 42. С. 63–77.
5. Kayser W. Geschichte der deutschen Ballade. Berlin: Junker und Dünnhaupt, 1936.

References:

1. Amrakhova, A.A. (2016) Theory of Genre in Russia in the Light of Today's Methods of Humanitarian Studies. *Zhurnal Obshchestva teorii muzyki – The Journal of the Society for Theory of Music*. 3(15). pp. 18–29. (In Russian).
2. Broymtan, S.N. (2004) *Teoriya literatury: V 2 t.* [Literature Theory: In 2 Vols]. Vol. 2. Moscow: Akademiya.
3. Zyryanov, O.V. (2003) *Evolutsiya zhanrovogo soznaniya russkoy liriki: fenomenologicheskii aspekt* [The Evolution of the Genre Consciousness of Russian Lyrics: A Phenomenological Aspect]. Yekaterinburg: Ural State University.
4. Proskurin, O.A. (2000) Dve modeli literaturnoy evolyutsii: Yu. N. Tynyanov i V. E. Vatsuro [Two Models of Literary Evolution: Yu.N. Tynyanov and V.E. Vatsuro]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 42. pp. 63–77.
5. Kayser, W. (1936) *Geschichte der deutschen Ballade*. Berlin: Junker und Dünnhaupt.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Бегичева, О. В. «Обертоны» романтической баллады в творчестве современных композиторов Кубани (на примере произведений Константина Пашкова) [Электронный ресурс] / О. В. Бегичева // Наследие веков. – 2019. – № 4. – С. 60–65. DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.007

Full bibliographic reference to the article:

Begicheva, O. V. (2019) The “Overtones” of the Romantic Ballad in the Works of Modern Composers of Kuban (On the Example of Works by Konstantin Pashkov). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 4. pp. 60–65. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.007

КАНАТЬЕВА Наталья Сергеевна

кандидат биологических наук,
доцент кафедры мировой экономики и финансов
Астраханского государственного университета,
Астрахань, Российская Федерация

Natalya S. KANATYEVA

Cand. Sci. (Hydrobiology), Assoc. Prof.,
Astrakhan State University,
Astrakhan, Russian Federation,
nessy71@mail.ru

УДК 281.93-3:316.344.7“18”
ГРНТИ 03.23.31
ВАК РФ 07.00.02

DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.008

Маргинализация старообрядчества к середине XIX века: происхождение Белокриницкой иерархии

The Marginalisation of the Old Believers by the Mid-19th Century: The Origin of the Belokrinitskaya Hierarchy

В статье утверждается тезис о постепенной маргинализации старообрядчества – русского религиозного течения, возникшего после церковных реформ 1653–1667 гг., называемых расколом. Одной из главнейших проблем, возникших у старообрядцев, было прерывание трёхчинной иерархии и, как следствие, отсутствие легитимного священства. Попытки восстановить иерархию различными путями осуществлялись вплоть до 1846 г., когда к старообрядчеству согласился присоединиться боснийский митрополит Амвросий. О некоторых обстоятельствах этого присоединения рассказано в статье. В ней также доказывается, что большинство в старообрядчестве не признало легитимность присоединения Амвросия (по нескольким причинам), и делается вывод о том, что, стремясь к восстановлению «нормальной церковной жизни», старообрядцы принимали решения и совершали поступки, демонстрирующие нарастающую маргинализацию древлеправославного сообщества и усугубляющие противоречия внутри него.

Ключевые слова: старообрядчество, маргинализация, трёхчинная иерархия, беглопоповщина, митрополит, симония, единоверие.

Раскол русской православной церкви 1653–1667 гг., инициированный царём Алексеем Михайловичем и воплощённый патриархом Никоном, официально затянулся на долгие 250 лет, до Указа об укреплении начал веротерпимости императора Николая II, подписанного 17 апреля 1905 г. За эти годы старообрядцы, то есть те, кто не принял «новин» Никона, прошли трудный путь. В зависимости от личности правителя государства, им приходилось умирать за веру и покидать родину, гореть на кострах самосожжений и создавать форпосты цивилизации в безлюдных местах, платить двойную пошлину и носить особую одежду, скрываться для исполнения богослужений и искать епископа за рубежом. Все эти действия старообрядцев были продиктованы, в первую очередь, верностью вере прадедов, «жаждой полноценной церковной жизни» (С. А. Зеньковский) и, в дальнейшем, попытками приспособиться к жизни в государстве, где себя они ощущали чужими, а верховные власти – враждебными.

Оставив в стороне рассуждения о том, что недалёковидные действия череды царствовавших привели к противостоянию государственной власти и тех, кто всегда являлся опорой трону – людей консервативных и обеспеченных, заострим внимание на положении этих самых консерваторов, невольно оказавшихся оппозиционерами. С самого начала раскола старообрядчество не было единым, и это усугубляло возрастающую маргинализацию людей, не принявших реформы Никона.

Вспомним классическое определение понятия «маргинализация», пришедшее из социологии: это явление, «обозначающее промежуточность, „пограничность“ положения человека между какими-либо социальными группами». Более точно маргинализацию можно описать как **«процесс** (выделение моё. – Н. К.) разрушения гражданского общества, проявляющийся в распаде социальных групп, разрыве традиционных связей между людьми, потере индивидами объективной принадлежности к той или иной социальной общности, извращение этических, эстетических, правовых, физиологических и иных общечеловеческих норм и ценностей...» [5]. Этот процесс в той или иной степени и в то или иное время начался в старо-

обрядчестве. Рассмотрим это утверждение на одном из самых ярких примеров.

Главнейшая проблема старообрядчества заключалась в отсутствии легитимного священства. Павел, епископ Коломенский и Каширский, был последним епископом, которого возвели в сан (хиротонисали) до реформ патриарха Никона. Он же оставался и единственным епископом, который этих «новин» не принял. После его смерти в 1656 г., трагической (официальная версия – утонул или растерзан дикими зверями) или насильственной (старообрядческая версия – сожжён в срубе по приказу Никона), старообрядцы на 180 лет, до присоединения в 1846 г. боснийского митрополита Амвросия (оставим пока в стороне обстоятельства этого присоединения), оказались лишены полноты трёхчинной иерархии.

Вспомним, что церковная иерархия состоит из трёх основных степеней священнослужителей: это архиереи, или епископы, пресвитеры, или священники, и диаконы. Это и носит название трёхчинной иерархии и считается важнейшей и неотъемлемой частью апостольской преемственности. Поэтому наличие трёхчинности так важно для канонического устройства, а иногда даже и для самого существования церкви. Главной особенностью трёхчинной иерархии является то, что только архиереи (епископы) имеют право рукополагать (хиротонисать) новых священнослужителей. Нет епископов – нет новых священников.

И вот, естественным ходом времени и волей властей предрекающих, священство до-раскольного поставления ушло. Как писал в «Истории о бегствующем священстве» известный старообрядческий деятель, писатель и историк Иван Алексеев-Стародубский, «и тако таковых иереов тама преста быти» [1, с. 9]. Новое священство рукополагать было некому. Именно по этой причине с самого начала раскола старообрядцы были озабочены поисками епископов, готовых перейти (или, как говорили сами старообрядцы, «вернуться») в староверие. Однако ряд попыток, предпринятых в XVIII в., со всей присущей старообрядцам изобретательностью и привлечением немалых ресурсов, как людских, так и материальных, успеха не имел.

Вначале старообрядцам приходилось довольствоваться паллиативными мерами. Путём убеждения, уговоров, а иногда и подкупа им довольно долго удавалось переманивать из господствовавшей церкви священников и диаконов. Разумеется, подобный путь обретения иерархии не находил понимания у властей. Кроме того, далеко не вся старообрядческая община одобрила такой способ появления священства, и, в свою очередь, уже среди приверженцев древлеправославия произошёл раскол. Именно так появилось обширное старообрядческое согласие – поповцы, или беглопоповцы. Остальная часть общины, не принявшая подобного священства, стала именоваться беспоповщиной.

Представители беглопоповской части старообрядчества принимали священников и диаконов, переходящих («бегствующих») от новообрядческой церкви, повторным крещением: «Приходящих убо от Великороссии новокрещёных повторяху своим крещением...» [1, с. 14]. Но были беглопоповские общины, которые принимали «бегствующих» через миропомазание [8]. Такие принципиальные разногласия в приёме опять привели к раздроблению, теперь уже беглопоповщины, на несколько толков.

А вскоре последовали жёсткие правительственные меры по пресечению «священноделательной» миссии старообрядцев. Вначале, в 1822 г., «совращение в раскол» было запрещено императором Александром I. Позднее, в 1830–1840 гг., императором Николаем I были дополнительно приняты меры, направленные на уничтожение старообрядческого «бегствующего» священства. В своей книге «Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви» Ф. Е. Мельников называет это время «николаевским оскудением священства» [6, с. 182].

Что было делать? Оставалось только искать помощи за рубежом. На московском соборе старообрядцев-поповцев было принято решение об организации епископской кафедры за границей. В 1846 г. в старообрядческую церковь был принят боснийский митрополит Амвросий и учреждена Австрийская, или Белокриницкая, иерархия, получившая название

по месту пребывания – городку Белая Криница, входившему в состав Австро-Венгрии.

Амвросий был далеко не первым архиереем, к которому обращались посланцы старообрядцев. В разные времена, начиная с 1712 г., когда из важнейшего старообрядческого центра Ветки было направлено прошение к Иерусалимскому патриарху Хрисанфу, с просьбой о хиротонии во епископа некоего инока Игнатия, и до 70-х гг. XVII в., когда старообрядцы пытались обратиться за помощью к Греческому митрополиту Евсевию, древлеправославные общины стремились вернуть трёхчинную иерархию. Обращались старообрядцы и к русским архиереям, в частности, к Тихону Задонскому, Палладию Рязанскому, Иоанникию Коломенскому [8]. Всё было безуспешно.

И вот нашёлся, наконец, архиерей, согласившийся принять старообрядчество. Но долгожданное появление митрополита явилось радостным событием для одной части старообрядцев и досадной неприятностью для другой. Начнём с того, что примерно половина древлеправославных, в том числе Московская Преображенская и Петербургская общины, митрополита Амвросия не приняла, предпочитая оставаться в беспоповщине. Влиятельнейший центр старообрядчества Керженец, средоточие скитов и старообрядческих святынь, очень долго не мог прийти к единому мнению – принимать или не принимать Амвросия. Сомнение вызывало крещение Амвросия, совершённое не погружением, а обливанием. Для многих старообрядцев Амвросий так и остался «обливанцем». Более того, старообрядцы-поповцы приняли митрополита Амвросия вторым чином, через миропомазание, заронив при этом еще больше сомнений у паствы, ведь мир, сохранявшееся со времен патриарха Иосифа, последнего дораскольного патриарха, признаваемого старообрядцами, «по нужде» разбавлялось водой, так как нового взять было неоткуда: «миро древнее окончась, о чём пространное имеется послание» (диакона Александра, известного старообрядческого деятеля и оратора. – Н. К.) [1, с. 17]. До времен присоединения Амвросия это миро дошло уже прозрачным.

Подобная практика приема священников (и тем более – митрополита) из официаль-

ной церкви путём миропомазания, искажающая самый смысл таинства хиротонии, была неприемлема и для многих видных членов старообрядческих общин. На одном из старообрядческих соборов, проходившем на знаменитой Рогожке (Рогожском кладбище в Москве, являвшемся центром поповщинской общины) в 1779 г., против этого активно выступал старообрядческий монах Никодим. Чиноприему Амвросия также был посвящен особый старообрядческий собор. Он состоялся на той же самой Рогожке 27 октября 1846 г., и там, после бурных прений, жарких обсуждений и взаимных претензий, вопрос о принятии Амвросия в старообрядчество вторым чином миропомазания все же решился утвердительно.

Виднейший теоретик и деятель старообрядчества Ксенос (Иларион Егорович Кабанов), автор «Окружного послания», писал об австрийском священстве и его родоначальнике следующее: «Корень его гнил и основание не твердо» [2, с. 24]. Еще определеннее высказался австрийский епископ Аркадий: «Церковь наша вся на случайных правилах, а врат не имать, т. е. обдержные правила празднуют. Разсмотрим и самый корень, Амвросия не вратами, но теснотою, с нуждою великою... Но если по обдержным (легитимным. – Н. К.) правилам рассмотреть нашу всю церковь, то едва ли что в ней останется незыблемо». И далее: «Владыко святой, если бы на сей хартии открыл вам Амвросиев недостатки... Но открыть не на пользу, разве когда потребуется надобность. Амвросий принят по великой нужде, а не по обдержным правилам, если по обдержным правилам поверять всех (наших) святителей достоинство, то затворите и церкви все» [7, с. 109, 139].

Нельзя не упомянуть о чрезвычайно неприглядной истории, сопровождавшей присоединение Амвросия к старообрядчеству. Дело в том, что ходили упорные слухи о его небескорыстии: якобы митрополит принял решение о переходе потому, что ему просто заплатили. И немало – речь шла о 500 золотых червонцах. (Золотые червонцы середины XIX в. по своему весу размеру и пробе в точности соответствовали царским золотым десятирублевкам, имевшим хождение с 1897 г., по так называемому «золотому стандарту» Витте,

действовавшему до Первой мировой войны; то есть 500 червонцев были равны 5000 царских рублей. Правда, нужно заметить, говорили всё же не о русских червонцах, а об австрийских – см. ниже.) Вот что пишет комментатор на сайте Русской Древлеправославной церкви (до 1923 г. – беспоповской): «В статье «Симония» мы рассмотрели ряд материалов, относящихся к договору между белокриницкими депутатами и митрополитом Амвросием, однако в истории о 500 червонцах фигурируют еще два документа. Так называемые секретные условия, написанные по отдельности митрополитом Амвросием и белокриницкими депутатами. Мы не стали рассматривать эти документы в упомянутой статье по причине того, что их подлинность категорически отрицается белокриницкими апологетами, мы, в свою очередь, также не утверждаем их подлинности. Однако каждый, кто интересуется вопросом Белокриницкой иерархии, должен все же сам иметь возможность сделать необходимые выводы, а не полагаться лишь на мнение защитников Белокриницкой иерархии. Коль белокриницкие апологеты имели возможность рассмотреть эти документы и подвергнуть их критике, следовательно, и мы должны иметь такую возможность» [4].

Далее на сайте приводится документ, называемый «Секретное условие от имени депутатов от 15 апреля 1846 г.», где, в частности, есть такие фразы: «Его высокопреосвященство (Амвросий. – Н. К.) будет жить в Белой Кринице, в нашем монастыре, на всем монастырском содержании; сверх же того монастырь обязуется давать его высокопреосвященству жалованье в каждый год 500 червонцев австрийского золота, пока он жив будет, с тем чтобы исполнять все по правилам святых отец, согласно монастырского устава, без нарушения. Притом же обязуется монастырь дать его родному сыну г. Георгию Поповичу кошт на дорогу до Боснии и обратно на привезение своей жены оттуда; еще купить ему в Белой Кринице дом, с принадлежащим ему двором и огородом, в вечную его собственность. Однако, если по кратком или долгом времени случится его высокопреосвященству Божиим изволением, по общему долгу человечества, смерть, тогда обязуется монастырь наградить

его, г. Георгия, за службу родителя, отца его, удовольствовать его судя по обстоятельствам и благоразсуждению монастыря» [4].

Второй документ, с не менее откровенными формулировками, якобы принадлежит перу самого Амвросия, он называется «Условие от имени митрополита Амвросия от 15 апреля 1846 г.». В нём написано буквально следующее: «Я, нижеподписавшийся, боснийский митрополит Амвросий Попович, заключил сие условие с австрийскими верноподанными буковинскими жителями Алимпием Милорадовым и Павлом Васильевым в том, что согласился я поступить в староверческую религию верховным пастырем надо всеми духовными и мирскими людьми, состоящими в староверческой религии. По прибытии в Белокриницкий монастырь принять по долгу христианскому духовного отца из тамошних священников и учинить то, что будет предлагать мне духовник необходимое в присоединении церковном, согласно соборным правилам св. отец, а потом поставить себе в наместники другого епископа из белокриницкаго духовенства, а самому мне до смерти жить в том монастыре и получать жалованья в год по пятисот червонцев австрийским золотом, и, пока буду жив, обязуюсь исполнять правила святых отец без нарушения и монастырский весь устав по их обряду, а монастырь обязан перевезти на свой счет из Боснии родного моего сына Георгия Поповича и его жену Анну Николаевну и купить им в Белокринице в вечную собственность дом, с двором и огородом, в тысячу червонных, а в случае смерти моей, Амвросия, вознаградить их от монастыря по усмотрению, но не менее тысячи червонных, в чем и подписуюсь. Боснийский митрополит Амвросий».

Уполномоченные Белокриницкаго монастыря депутаты Алимпий и Павел клялись митрополиту в верности исполнения условия пред св. Евангелием и целовали оное» [4].

Как мы можем видеть, эти документы не оставляют никакого сомнения в этой истории с «купленным» митрополитом. Разумеется, сразу возникает вопрос об их аутентичности, подлинности. Как эти документы, будучи столь важными и тайными, стали доступны?

В 1865 г. к православию, на условиях единоверия, перешли от Белокриницкой митро-

полии несколько весьма высокопоставленных священнослужителей. Среди них были такие значимые в старообрядчестве личности, как Онуфрий, наместник митрополита и епископ Браиловский, Пафнутий, епископ Коломенский, а также секретарь Белокриницкой митрополии архидиакон Филарет. Перешли они не с пустыми руками. Перебежчики предоставили профессору Субботину, известнейшему миссионеру-теоретику Русской православной церкви, преподававшему на кафедре истории и обличения русского раскола в Московской духовной академии, архив Белокриницкого монастыря. Очевидно, какой важностью обладали подлинные документы, свидетельствовавшие о том, как была учреждена Белокриницкая иерархия. Эти бесценные бумаги бывшие белокриницкие иерархи дополнили несколькими беседами с Субботиным, и в результате в 1874 г. Субботин издал труд, названный им «История Белокриницкой иерархии».

В наши задачи не входит подробный разбор этих документов, приведение доказательств их подлинности или, наоборот, сфальсифицированности. Достаточно и намёка на то, что они были, чтобы зародить сомнения в легитимности Белой Криницы. Тем более что епископ Браиловский Онуфрий, перейдя в единоверие, стал простым монахом и оставался таковым до самой смерти, то есть корысти в переходе у него не было никакой, да и славился он всю жизнь крайним благочестием и набожностью. Если подобный высокопоставленный церковнослужитель решается на такой шаг, логично предположить, что он имеет к тому веские основания, в данном случае – знание о происхождении Белокриницкой иерархии.

Итак, впервые появившийся почти за 200 лет отсутствия митрополит не признавался большинством (на тот период) старообрядцев, причём среди этого большинства находились высокообразованные и уважаемые в сообществе люди. Но, по довольно лукавой старообрядческой формуле, «по нужде и пременение (изменение. – Н. К.) закона бывает».

Митрополит Амвросий, пробывший весьма непродолжительное время в чине, успел сделать главное – он рукоположил во епископа уставщика Киприана Тимофеева, во чине Кирилла, который в дальнейшем смог

рукополагать священников. Преемство возобновилось. А сам Амвросий был заключён под стражу в монастырь в Цилле австрийским императором, по требованию императора русского. В монастырском заключении он и скончался. В 1996 году на Всемирном соборе старообрядцев Белокриницкого согласия Амвросий был причислен к лику святых. По мнению посетителя сайта «Древлеправославие» под ником Хорхе, «идеализация митрополита Амвросия – это прямое следствие отхода от традиционализма, вековых сломов под никонианство поповщины и понижение интеллектуального уровня его избирателей, который (уровень. – Н. К.) к 1846 году (год признания Белокриниц-

кой иерархии. – Н. К.) уже полностью отошел от духовной культуры первых старообрядцев» [3].

Таким образом, пример приобретения старообрядцами митрополита, после длительного отсутствия и прерывания трёхчинной иерархии, вполне отчётливо показывает продолжающуюся в XIX в. маргинализацию старообрядческого сообщества. «Жажда нормальной церковной жизни», по выражению С. А. Зеньковского, толкала отчаявшихся сторонников древлеправославия, утверждавших, что «умрём за аз единый», не только на «пременение» закона, но и на полукриминальные способы утверждения священства.

Natalya S. KANATYEVA

The Marginalisation of the Old Believers by the Mid-19th Century: The Origin of the Belokrinitzskaya Hierarchy

Abstract. The Raskol ("split") of the Russian Orthodox Church in 1653–1667, initiated by Tsar Aleksey Mikhailovich and realised by Patriarch Nikon, went on for 250 years until Nicholas II signed a decree On Tolerance Development on 17 April 1905. Over those years, the Old Believers had come a hard way. Since the beginning of the Raskol, the Old Believers' Community had not been unified, which caused the marginalisation of those, who did not accept Nikon's reforms. The key problem of the Old Believers was a lack of a legitimised priesthood. Pavel, bishop of Kolomna and Kashira, was the last bishop ordained before Nikon's reforms and the only one who had not accepted the novelties. After his death in 1656, the Old Believers found themselves without a full three-pronged hierarchy. There was no one to ordain a new priesthood. Thus, since the beginning of the Raskol, the Old Believers had been seeking bishops who were ready to turn to Old Belief. Some of their attempts, made in the 18th century, failed. First Old Believers had to content with palliative measures. They managed to draw over priests and deacons in a variety of ways. However, not all Old Believers supported such a way of the priesthood formation. And soon a new split followed among Old Belief adepts: a new broad creed appeared, *Popovtsy* or *Beglopopovtsy*; and a part of the community that did not accept such a priesthood, *Bezpopovtsy*. This way of acquiring the hierarchy was not approved by the authorities. In 1822 and in the 1830s–1840s, Alexander I and Nicholas I took measures to destroy the fleeing priesthood of Old Believers. At the Moscow Assembly of the *Popovtsy*, a decision was made to create a bishop diocese abroad. In 1846, Ambrose, metropolitan of Bosnia, became an Old Believer, and a hierarchy of Austria or Belaya Krinitza was introduced; the latter was a town belonging to Austria-Hungary. Ambrose's conversion to Old Belief occurred amid unsavory circumstances. There were rumours on his covetousness: as if the metropolitan made his decision after he had been paid. The amount mentioned was 500 chervontsy of "Austrian gold". However, despite most of the Old Believers' doubts and protests, including those of respected figures from the Old Believers' clergy and clergy centres' representatives, Ambrose was converted. In 1865, several high-rank clergymen from the Metropolis of Belaya Krinitza became Orthodox, and handled the archive of the Monastery of Belaya Krinitza to Professor Subbotin, a missionary, a theorist of the Russian Orthodox Church. The documents were about the establishment of the Belaya Krinitza priesthood. On the basis of the documents, Subbotin published *A History of the Belaya Krinitza Priesthood* in 1874. The Metropolitan's conversion reflects the Old Believers' marginalisation in the 19th century. The "thirst for normal church life" had led the supporters of Old Belief to marginal ways of priesthood formation.

Keywords: Old Believers, marginalisation, three-pronged hierarchy, Beglopovshchina, metropolitan, simony, Edinoverie.

Использованная литература:

1. Алексеев (Стародубский) И. История о бегствующем священстве. М.: Археодоксия, 2005.
2. Братское слово. 1875. Часть 1-я.
3. Митрополит Амвросий: жизнь и смерть [Электронный ресурс] // Древлеправославие. URL: <https://txt.drevle.com/mirrors/drevlepravoslavie-2012.10.23/data/t00000000204.html> (дата обращения 20.06.19).
4. Ещё немного о 500 червонцах [Электронный ресурс] // Религиозная организация Русская Древлеправославная Церковь. URL: <http://raoc.info/articles/161-esche-nemnogo-o-500-chervoncah.html> (дата обращения 20.06.19).
5. Маргинализация [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/656803> (дата обращения 20.06.19).
6. Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999.
7. Субботин Н. И. Переписка раскольниковых деятелей. (Материалы для истории белокриницкого священства). Вып. 2. Письма Аркадия Славского, Илариона Егоровича Кабанова (Ксеноса) и др. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1889.
8. Русская Православная старообрядческая Церковь (РПсЦ). URL: <https://ruvera.ru/rpsc> (дата обращения 20.06.19).

References:

1. Alekseev, I. (2005) *Istoriya o begstvuyushchem svyashchenstve* [The Story of the Fleeing Priesthood]. Moscow: Arkheodoksiya.
2. *Bratskoe slovo*. (1875) Part 1.
3. Drevlepravoslavie. (2012) *Mitropolit Amvrosiy: zhizn' i smert'* [Metropolitan Ambrose: Life and Death]. [Online] Available from: <https://txt.drevle.com/mirrors/drevlepravoslavie-2012.10.23/data/t00000000204.html>. (Accessed: 20.06.2019).
4. Russian Old-Orthodox Church. (n.d.) *Eshche nemnogo o 500 chervontsakh* [A Little More About 500 Chervonetsy]. [Online] Available from: <http://raoc.info/articles/161-esche-nemnogo-o-500-chervoncah.html>. (Accessed: 20.06.2019).
5. Dic.academic.ru. (n.d.) *Marginalizatsiya* [Marginalisation]. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/656803>. (Accessed: 20.06.2019).
6. Mel'nikov, F.E. (1999) *Kratkaya istoriya drevlepravoslavnoy (staroobryadcheskoy) tserkvi* [A Brief History of the Old-Orthodox (Old Believer) Church]. Barnaul: Barnaul SPU*.
7. Subbotin, N.I. (1889) *Perepiska raskol'nicheskikh deyateley. (Materialy dlya istorii belokrinitskogo svyashchenstva)* [Correspondence of Schismatic Figures. (Materials for the History of the Belaya Krinitsa Priesthood)]. Is. 2. Moscow: Tip. E. Lissnera i Yu. Romana.
8. *Russian Orthodox Old-Rite Church*. [Online] Available from: <https://ruvera.ru/rpsc>. (Accessed: 20.06.2019). (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Канатьева, Н. С. Маргинализация старообрядчества к середине XIX века: происхождение Белокриницкой иерархии [Электронный ресурс] / Н. С. Канатьева // Наследие веков. – 2019. – № 4. – С. 66-72. DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.008

Full bibliographic reference to the article:

Kanatyeva, N. S. (2019) The Marginalisation of the Old Believers by the Mid-19th Century: The Origin of the Belokrinitskaya Hierarchy. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 4. pp. 66–72. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.008

КОБЛЕНКОВ Андрей Юрьевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки
Нижегородской академии
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Нижний Новгород, Российская Федерация

Andrey Yu. KOBLENKOV

Senior Lecturer, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod, Russian Federation,
koblenskoff@yandex.ru

РЕМИЗОВ Павел Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного права и процесса
Нижегородской академии
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Нижний Новгород, Российская Федерация

Pavel V. REMIZOV

Cand. Sci. (Theory and History of State and Law;
History of Political and Legal Doctrines), Assoc. Prof.,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod, Russian Federation,
pasha5225@yandex.ru

УДК 351.74-051:791.43
ГРНТИ 18.67.28
ВАК РФ 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.009

**Психологический образ
сотрудника милиции
как представителя власти
в фильме «Холодное лето
пятьдесят третьего»**

**Psychological Image
of a Militsiya Officer
as a Representative of the Authorities
in the Film *The Cold Summer of 1953***

Формирование положительного имиджа сотрудников правоохранительных органов – одна из важнейших задач Министерства внутренних дел России. Кинематограф является искусством, способным наглядно продемонстрировать, как изменилось общественное мнение в связи с преобразованием милиции в полицию. Важно вспомнить положительные моменты служебной деятельности сотрудников милиции, их способность к самопожертвованию ради борьбы с преступностью. Целью работы является попытка оценить влияние кинематографа на формирование образа российского полицейского как продолжате-

ля традиций милиционера – бескорыстного, смелого и думающего борца с правонарушителями. Для ее достижения проведен анализ реальных исторических событий, художественно изображенных в фильме «Холодное лето пятьдесят третьего», в результате которого авторы приходят к выводу о предпосылках формирования нового поколения российских полицейских, являющихся наследниками менталитета, психологии и традиций советской милиции.

Ключевые слова: психология, образ сотрудника милиции, система правоохранительных органов, борьба за власть, фронтовики, амнистия, участковый, политические ссыльные, враги народа, уголовники.

Фильм «Холодное лето пятьдесят третьего» [7] был выпущен в прокат в 1987 году, более чем через тридцать лет после реальных исторических событий, участниками которых становятся главные герои [6]. Ранним утром 5 марта 1953 г. скончался генеральный секретарь коммунистической партии Советского Союза И. В. Сталин. Понадобился достаточно большой период времени, чтобы возникла возможность оценить события, произошедшие в истории государства и повлиявшие на судьбы граждан. После смерти «учителя жизни» среди его соратников и членов политбюро развернулась жестокая борьба за лидерство в партии и власть в стране. Для завоевания власти и популярности в обществе в среде высшего партийного аппарата применялись различные методы и способы. Безусловно, новому лидеру для обретения статуса вождя необходимо было заручиться поддержкой партийного аппарата, армии, силовых структур, иметь популярность у населения. В СССР в продолжение традиций царской России на ментальном уровне сформировалась закономерность: после смерти руководителя страны необходимо было проведение либеральных реформ и объявление амнистии, милости от государства, требовалась реализация «популярных» в обществе мероприятий. Следует отметить, что до момента смерти И. В. Сталина в стране сохранялся «синдром 1937 года», несмотря на окончание Второй мировой войны, продолжалась кампания по поиску и выявлению троцкистов, врагов народа и предателей Родины. В нервной обстановке шпиономании, истерии и всеобщего недоверия продолжались ночные аресты, и «портные» суды выносили приговоры по уголовным делам с упрощенной процедурой дознания и предъявления доказательств

виновности. Родственники многих влиятельных деятелей Коммунистической партии продолжали отбывать сроки по «политическим» статьям [1, с. 62–64].

Таким способом И. В. Сталин умело держал в заложниках и контролировал всех потенциальных претендентов на власть, которые могли составить конкуренцию и организовать заговор. Несомненно, масштаб поисков вредителей и несогласных был меньше по сравнению с довоенным периодом, однако многие чувствовали очередной виток спирали насилия, который планировал реализовать вождь, санкционировавший инспирированное дело врачей и планировавший второй акт пьесы по дискредитации «слишком набравших популярность» военных. Инструментом реализации замыслов параноидального вождя являлась неоднократно скомпрометировавшая себя и в связи с этим часто менявшая название организация ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-МГБ [2, с. 48]. В сложившейся ситуации острого политического цейтнота и резко обострившейся борьбы за власть между вчерашними соратниками по партии министр государственной безопасности Л. П. Берия инициировал проведение массовой амнистии. Безусловно, он (Берия) был человеком сугубо прагматичным, способным принимать безапелляционные решения ради достижения целей: 1. проведение амнистии поднимало его авторитет и популярность среди руководителей партийного аппарата, многие члены семей и ближайшие родственники которых находились в «дружеских объятиях ГУЛАГа»; 2. освобождение ранее осужденных граждан вызывало «рефлекс благодарности» у покорного общества; 3. улучшался имидж руководителя МГБ, который дистанцировался от репрессий и обелялся в сравнении с их инициатором И. В. Стали-

ным. Несомненно, Л. П. Берия рассчитывал заручиться мощной поддержкой партийного аппарата, который должен был усилить его роль и влияние в борьбе за власть. В этом смысле он руководствовался принципом-афоризмом «Кадры решают все», автором которого был вождь и учитель, товарищ И. В. Сталин. Дальнейшее развитие событий весны-лета 1953 г. показало, насколько прав был Л. П. Берия, рассчитывая на поддержку партийного аппарата, войск НКВД и имидж «освободителя» в глазах народа.

В 1953 г. в составе наркомата внутренних дел было три крупных подразделения: НКВД (преобразованный в Министерство государственной безопасности), МВД — милиция, ГУЛАГ — государственное управление лагерей. Министром государственной безопасности был Л. П. Берия. Необходимо отметить, что основными задачами сотрудников милиции (МВД) были охрана общественного порядка, деятельность по выявлению и пресечению правонарушений, контроль за асоциальными элементами после их освобождения из мест заключения [4, с. 4–10]. Профилактика и контроль за лицами, освобожденными из ГУЛАГа, выражались в ограничении на их проживание в крупных городах, обязательном трудоустройстве, нахождении по месту регистрации в ночное время, периодических ежемесячных «отметках» у участкового инспектора милиции и замене ссылки на лишение свободы в случае нарушений установленных требований.

Этимология слова милиция (лат. *militia*) связана с добровольным образованием городских военных дружин и земского ополчения [3, с. 215]. Согласно словарю С. И. Ожегова, милиция в СССР — административное учреждение для охраны общественного порядка и социалистической собственности, а также личной безопасности граждан и их имущества [5]. В сознании общества милиционеры не ассоциировались с сотрудниками НКВД (госбезопасности), которые производили ночные аресты политически неблагонадежных «врагов народа» и увозили их на черных «воронках» (арестантских машинах). В ведении ГУЛАГа находились все осужденные СССР. Таким образом, «продукт деятельности» госбезопасности и милиции оказывался в ГУЛАГе для ис-

правления и искупления вины перед Родиной (государством).

События фильма «Холодное лето пятидесяти третьего» происходят в одной из отдаленных вымирающих деревень русского севера, где доживают свой век несколько стариков. Административным центром поселения являются речная пристань, торговая фактория и склад по заготовке пушнины. Попасть в заброшенную деревню можно только по реке, которая является единственной естественной дорогой, проложенной природой в тайге. На реке построена государственная пристань, на которой проживает капитан рейда Фадеич. Режиссер фильма намеренно не указывает место развития событий, так как таких забытых населенных пунктов в СССР было великое множество, и показанные события могли произойти в любом из них. Фадеич негласно конфликтует с начальником торговой фактории Зотовым за местечковую власть, так как является капитаном рейда на пристани, которая символизирует государство и соединяет деревню с внешним миром. В то же время начальник фактории распоряжается запасами продовольствия и керосина, которые хранятся на складе. В деревне проживают два расконвоированных зека: Лузга и Копалыч, осужденные за политические преступления и отбывающие срок после лагеря. Зотов относится к осужденным с пренебрежением, как к врагам народа, которые предали Родину. Однако простые жители вымирающей деревни (старики и старухи) не сторонятся их, а воспринимают как обычных людей, оказавшихся рядом в таежной глуши. К зекам все обращаются по прозвищам, кроме участкового милиционера, который приезжает их проверять. Эти прозвища демонстрируют отношение общества к осужденным врагам народа. Согласно словарю С. И. Ожегова, «лузга» — шелуха семян некоторых растений [5]. Человек с таким «говорящим» прозвищем находится в положении вредного сорняка, неприкасаемого, клейменного как враг и отброшенного на обочину жизненного пути. Прозвище Копалыч образовано от глагола копать: осужденный человек вынужден вечным рабским трудом искупать свою вину перед Родиной и обществом. До конца жизни они не избавятся

от клейма осужденных за политические, особо опасные преступления врагов и предателей своего народа. Условно-досрочное освобождение, амнистия и восстановление в правах к зекам «политической» 58 статьи не применялись, в законности вынесенных и вступивших в силу приговоров никто не сомневался.

Лузга — бывший офицер Красной Армии, капитан полковой разведки, воевавший на фронте и имевший боевые награды. Осужден по «политической» статье за то, что попал в плен к немцам. После побега из плена самостоятельно вышел в расположение частей Красной Армии. По результатам проверки органов военной контрразведки «СМЕРШ» был осужден за измену Родине, как завербованный в плену вражеский агент.

Копалыч до войны работал инженером на крупном промышленном предприятии, был отправлен в командировку за границу. По прибытии из командировки был объявлен английским шпионом, обвинен в измене Родине и осужден. Семье ничего не было известно, за человеком приходили сотрудники госбезопасности, и он исчезал. Из тюрьмы инженеру удалось передать записку, чтобы, во избежание репрессий, от него отреклись жена и дети, которые впоследствии всю жизнь имели клеймо «ЧС» — члены семьи врага народа. Всю войну Копалыч просидел в лагере.

Таким людям (Лузга и Копалыч — враги народа) не место на государственной пристани, они живут отдельно в заброшенном доме. Деревенские жители грозятся не давать Лузге еды, если он не начнет работать, однако все равно подкармливают его. В личном деле врага народа (Лузги) записано, что он попал в плен во время войны, ему еще осталось пять лет ссылки, и нетрудно догадаться, что за сутки, проведенные на территории, занятой немцами, он получил пятнадцать лет лагерей.

В один из дней в деревню на лодке приплывает участковый милиционер Манков. Он является основным связующим звеном между деревней и внешним миром, через него к людям поступает информация о том, «чем живет страна». Все разговоры Манкова и деревенских жителей отражают манию подозрительности и страха. Участковый милиционер одет в военную форму: китель и галифе, которые

выдают в нем офицера-фронтовика, участника Великой Отечественной войны. Манков приходит к начальнику пристани Фадеичу, который докладывает ему, что в деревне проживает восемь человек, не считая двоих врагов народа. По выражению лица милиционера Фадеич догадывается, что произошли какие-то события. При их разговоре присутствует начальник фактории Зотов, который ведет себя крайне сдержанно, в основном слушает и говорит только на отвлеченные бытовые темы. Начальник государственной пристани спрашивает у Манкова, что происходит в стране. Участковый неторопливо, с грустью в голосе рассказывает Фадеичу и Зотову, что 27 марта 1953 г. К. Е. Ворошиловым был подписан указ президиума Верховного совета СССР об амнистии, при этом все знали, что инициатором документа был министр госбезопасности Л. П. Берия. Менее месяца прошло со дня смерти вождя и учителя И. В. Сталина, похороны которого дали старт ожесточенной политической борьбе за власть в Стране Советов. Смерть генсека стала поводом для амнистии заключенных, которых он отправил в созданную систему ГУЛАГа. Манков — идейный милиционер, на пристани в разговоре с Фадеичем он искренне негодует и задается вопросом: зачем и почему объявили амнистию, когда в стране такое горе после смерти товарища И. В. Сталина?! Органы внутренних дел «с ног сбились», чтобы навести порядок в стране после войны и разрухи, а опьяневшие от свободы уголовники амнистию празднуют, грабят и убивают: «Кровью захлебываемся». Он не может понять, почему Л. П. Берия дал амнистию и тысячи урок на свободу выпустили. Манков рассказывает Фадеичу, что после убийства милиционера (его сослуживца-фронтовика) шестеро вооруженных бандитов скрылись в окрестных лесах. Фадеич резонно возражает Манкову, что не зря «там решили, значит, так надо, все учтено, линия такая». Очевидно, что Манков испытывает психологический дискомфорт, пытается думать, анализировать и делать какие-то выводы из сложившейся ситуации, чтобы уяснить логику и смысл происходящих в стране перемен, на что Фадеич возражает: «Раз решили, значит, так надо» — и несколько не сомнева-

ется в правильности политики, проводимой руководителями государства.

Милиционер рассказывает, что получил от начальника отдела Дмитриюка приказ сжечь три портрета министра госбезопасности, и сообщает Фадеичу, что Л. П. Берия разоблачен, выведен из состава политбюро и арестован. Фадеич не верит Манкову, говорит, что не оповещен по радио, а Дмитриюк — враг народа и его самого нужно арестовать, нет такой инструкции, чтобы портреты сжигать. Манков видит недоверие Фадеича, говорит, что информация подтверждена краевыми органами внутренних дел и смело мнет портрет Л. П. Берии, напечатанный в лежащей на столе газете. Безусловно, фронтовик Манков внутренне рад аресту Л. П. Берии, который выпустил на свободу убийц и уголовников. Участковый видит недоверие Фадеича и со словами: «Я тебя оповестил» — бросает смятую газету с портретом всесильного министра на пол и уходит. По реакции Фадеича очевидно, что он воробей стреляный и никаких действий по дискредитации Л. П. Берии предпринимать не будет, пока не получит подтверждения от нескольких различных официальных инстанций. Портрет И. В. Сталина висит в его комнате на всякий случай, за измятый портрет Л. П. Берии можно получить реальный лагерный срок и поражение в правах. Символы власти, ее дыхание, как нечто осязаемо-страшное, смотрят с портретов и не дают поверить смелым словам участкового милиционера. Зотов оглядывается по сторонам, поднимает смятую Манковым газету с портретом Л. П. Берии и прячет ее во внутренний карман пиджака. Участковый, обернувшись и заметив действия Зотова, говорит ему: «В кармане у тебя сильный аргумент, и ты знаешь, что с ним делать». При этом Манков уверенно и недвусмысленно намекает Зотову: «Смотри, хвосты длинные бывают», — наверняка, в деятельности фактории можно найти нарушения торгового баланса.

По дороге в деревню Манков встречает Лузгу, сидящего на земле. Возвышаясь над ним, милиционер, представитель власти, блюститель порядка чувствует злость и неудовлетворенность. Манков знает, что Лузга воевал, видит в нем окопного (не тылового, кабинетного) фронтовика, который сейчас сидит

перед ним в позе зека, на корточках, босой, в рваных штанах и ждет, когда милиционер бросит окурок, чтобы докурить. С чувством досады и неприязни Манков упрекает Лузгу за то, что он, воевавший офицер, так опустил-ся. При этом милиционер не сомневается, что Лузга, бывший в плену у немцев, лизал им галифе и осужден справедливо. Очевидно, что Манков ценит фронтовиков и искренне не понимает, почему воевавший Лузга унижается, ведет себя как уголовник перед гражданином начальником. Он бросает (не подает в руки) Лузге пачку папирос и уходит в деревню.

Появившиеся в деревне бандиты при добровольно-активном содействии Зотова выманивают безоружного Манкова из дома и ранят его. Манков, несмотря на полученные ранения, пытается оказать сопротивление озверевшим от крови вооруженным амнистированным преступникам, но его убивают многочисленными выстрелами в спину.

Лузге и Копалычу бандиты велят рыть могилу для «героически погибшего гражданина начальника», а после установить на нее памятник в виде камня. К ссыльным политическим заключенным уголовники относятся с пренебрежением и ненавистью, избивают Лузгу, называют его «троцкистом, утопистом, вредителем Родины».

В образе милиционера Манкова выражается надежда на перемены в стране. Он не боится радоваться разоблачению и аресту Л. П. Берии и остается уверенным, что система уголовного преследования (госбезопасность), частью (винтиком) которой он является, в целом правильная. Манков не ангел и не борец с системой, судебные приговоры он считает справедливыми, при этом участковый имеет смелость задать себе вопрос: «А правильными ли были принятые руководителями страны решения по объявлению амнистии, которая вызвала резкий рост насилия и тяжких преступлений?» Милиционер Манков не бездумный исполнитель приказа сжечь портреты, он способен рефлексировать и задавать себе правильные вопросы. Участковый инспектор испытывает психологические сомнения, в его душе два цвета: белый и черный — с одной стороны, присутствие врагов народа, с другой — все ли они враги и почему амни-

стировали так много уголовников? Рассчитывая на популярность и благодарность народа, министр госбезопасности руками амнистированных уголовников воздвиг камень на могиле жестоко убитого милиционера Манкова. Давящий «памятник» символизирует взаимоотношения внутри системы комиссариата внутренних дел, созданной в виде триады: госбезопасность — милиция — ГУЛАГ, которая обеспечивала «тотальную безопасность» граждан в родной стране, огороженной по периметру колючей проволокой.

В качестве саундтрека в фильме звучат две песни: «По Дону гуляет», героем которой является свободолюбивый казак С. Разин, и «Летят перелетные птицы», которые свободны и возвращаются домой. Какая бы

ни была Родина, все равно она не мачеха для своих граждан, мечтающих вернуться к родным после «объятий» ГУЛАГа.

В заключение хотелось бы подчеркнуть следующее: образ милиционера Манкова демонстрирует, что не все сотрудники милиции были безмолвными исполнителями приказов. Несмотря на тяжелую психологическую атмосферу, обстановку истерии, шпиономании, подозрительности и охоты на врагов народа, были милиционеры, не потерявшие человеческого облика и умевшие сомневаться и задумываться о судьбах людей. Сотрудники органов внутренних дел, подобные Манкову, были способны увидеть в заключенном обычного человека с трагической судьбой в сложившихся обстоятельствах.

Andrey Yu. KOBLENKOV & Pavel V. REMIZOV

Psychological Image of a Militsiya Officer as a Representative of the Authorities in the Film The Cold Summer of 1953

Abstract. The formation of a positive image of law enforcement officers is one of the most important tasks of the Ministry of internal Affairs of Russia. Cinema is an art that can demonstrate how public opinion has changed with the transformation of the militsiya into the police. It is important to recall the positive aspects of the activities of militsiya officers, their ability to sacrifice themselves for the sake of combating crime. The aim of the work is to assess the influence of cinema on the formation of the image of the Russian police officer as a successor of the traditions of the militsiya one: a selfless, brave and thinking fighter against offenders. To achieve the aim, real historical events, artistically depicted in the film *The Cold Summer of 1953*, are analysed. Conclusions about the prerequisites for the formation of a new generation of Russian police officers, who are the heirs of the mentality, psychology and traditions of the Soviet militsiya, are made. The historical period considered in the film is characterised by a whole series of the most important social and political events that influenced the fate of a huge number of people in the USSR: the death of I.V. Stalin, the fiercest struggle for leadership in the party and power in the country, the surviving “1937 Syndrome”, including a campaign to find and identify the Trotskyists, the enemies of the people and the traitors of the Motherland. The amnesty of the prisoners of labour correctional camps led to a sharp surge in crime, numerous victims among citizens and militsiya officers. The feature film *The Cold Summer of 1953* shows a system of relationships between people from different social groups in one of the most difficult periods of the post-war state formation. The film focuses on the attitude of the population, local authorities and militsiya officers to former political prisoners. One of the most striking characters in the work is the precinct officer Mankov, a front-line soldier, a participant in the Great Patriotic War. The events of the film show that Mankov, as a representative of the authorities, is not a “thoughtless cog” of the state machine. He sincerely perplexes and reflects on the current events, tries to comprehend and evaluate the policy of the country’s leadership. The film presents an internal conflict in the consciousness and understanding of the militsiya officer and the confrontation between the government official and criminals “intoxicated” by freedom. Sacrificing his life, Mankov managed to instill hope and return the understanding of human values in the confrontation of the state, society and criminals. The image of the militsiya officer Mankov is a vivid illustration of loyalty to professional duty, respect for ordinary people, ability to reflect, and not to

mindlessly carry out the received orders, which is especially valuable during the period of repression and suppression of attempts at dissent.

Keywords: psychology, image of militsiya officer, system of law enforcement, struggle for power, veterans, amnesty, precinct officer, political exiles, enemies of people, criminals.

Использованная литература:

1. Абдрахманова К. К., Ускембаев К. С. Осуществление репрессивной политики карательными органами (ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ) в советский период (1917-1953 гг.) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 3-1. С. 62-64.
2. Белых Н. Ю. ГУЛАГ как система подневольного труда (на материалах Вятского ИТЛ НКВД – МВД СССР, 1938-1953 гг.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 3-1. С. 46-51.
3. Вишневский А. Ф., Григорьев А. В. Соотношение понятий «полиция» и «милиция» в юридической доктрине: проблемы научного осмысления // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2018. № 2(36). С. 213-218.
4. Миронов Е. В., Суверов Е. В. Деятельность алтайской милиции (1953-1991 гг.). Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986.
6. Трофименков М. С. Кино и история. 100 самых обсуждаемых исторических фильмов. М.: Яуза каталог, 2019.
7. Холодное лето пятьдесят третьего. Автор сценария Э. Дубровский. Режиссер А. Прошкин. Мосфильм, 1987. Хронометраж 96.03.

References:

1. Abdrakhmanova, K.K. & Uskembaev, K.S. (2017) Osushchestvlenie repressivnoy politiki karatel'nyimi organami (VChK, OGPU, NKVD, MGB) v sovetskiy period (1917-1953 gg.) [Implementation of Repressive Policies by Punitive Bodies (CHEKA, OGPU, NKVD, MGB) in the Soviet Period (1917-1953)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 3-1. pp. 62-64.
2. Belykh, N.Yu. (2010) GULAG kak sistema podnevol'nogo truda (na materialakh Vyatskogo ITL NKVD – MVD SSSR, 1938-1953 gg.) [GULAG as a System of Forced Labour (Based on the Materials of the Vyatka NKVD Correctional Labour Camp – Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1938-1953)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 3-1. pp. 46-51.
3. Vishnevskiy, A.F. & Grigor'ev, A.V. (2018) Problems of Scientific Thinking the Ratio of the Concepts "Police" and "Militia" in Legal Doctrine. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'*. 2(36). pp. 213-218. (In Russian).
4. Mironov, E.V. & Suverov, E.V. (2018) *Deyatel'nost' altayskoy militsii (1953-1991 gg.)* [Activities of the Altai Militsiya (1953-1991)]. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
5. Ozhegov, S.I. (1986) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.
6. Trofimenkov, M.S. (2019) *Kino i istoriya. 100 samykh obsuzhdaemykh istoricheskikh fil'mov* [Cinema and History. 100 Most Discussed Historical Films]. Moscow: Yauza katalog.
7. *The Cold Summer of 1953*. (1987) Film. Directed by A. Proshkin. USSR: Mosfilm. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Кобленков, А. Ю. Психологический образ сотрудника милиции как представителя власти в фильме «Холодное лето пятьдесят третьего» [Электронный ресурс] / А. Ю. Кобленков, П. В. Ремизов // Наследие веков. – 2019. – № 4. – С. 73-79. DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.009

Full bibliographic reference to the article:

Koblenkov, A. Yu. & Remizov, P. V. (2019) Psychological Image of a Militsiya Officer as a Representative of the Authorities in the Film *The Cold Summer of 1953*. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 4. pp. 73-79. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.009

АНТИПКИНА Елена Николаевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры театрального искусства
и народной художественной культуры
Национального исследовательского Мордовского государственного
университета имени Н. П. Огарёва,
Саранск, Российская Федерация

Elena N. ANTIPKINA

Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Assoc. Prof.,
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
elana19@mail.ru

УДК 316.75-021.3:004.738.5
ГРНТИ 13.07.26
ВАК РФ 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.010

Проблема трансляции культурных ценностей в современном медиапространстве¹

The Problem of Transmitting Cultural Values in the Modern Media Space²

Актуальность статьи обусловлена необходимостью анализа проблемы трансляции культурных ценностей в современном медиапространстве посредством Интернета, телевидения и кинематографа. Сегодня аудиовизуальные средства массовой коммуникации являются главными проводниками идей, традиций, ценностей, а также важнейшим институтом управления общественным сознанием, на что в настоящих изысканиях сделан особый акцент. Статья носит междисциплинарный характер, поскольку объединяет исследования в области культурологии, философии, журналистики и медиакommunikation. Теоретико-практическая значимость и научная новизна работы заключается в предпринятой автором попытке исследовать сущность аудиовизуальных технологий в процессе трансляции культурных ценностей.

Ключевые слова: культурные ценности, ценности культуры, информационно-коммуникационные технологии, медиапространство, медиакультура, Интернет, киноискусство, телевидение.

В настоящее время происходят важные социокультурные изменения, в рамках которых мы наблюдаем возрастание роли инноваций, активное развитие информаци-

онно-коммуникационных технологий, формирующих медиапространство. Понятие «медиапространство», введенное в научный оборот в конце XX в., до сих пор не получило точной

¹ Материал подготовлен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Республики Мордовия. Проект № 18-49-130003.

² The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Republic of Mordovia, Project No. 18-49-130003.

дефиниции. В широком смысле оно употребляется, когда речь идет о системе использования потоков информации, поэтому его часто можно встретить в качестве синонима таких терминов, как «информационно-коммуникационное пространство», «телекоммуникационное пространство», «медиасреда», «медиа-система» и т.д.

Многие исследователи считают возможным рассмотрение соотношения понятий «медиапространство» и «информационное пространство». Так, исследователь Н. А. Хлопаева считает медиапространство частью информационного пространства, подтверждая это тем, что сборщиками, обработчиками, производителями, распространителями, интерпретаторами информации являются печатные и аудиовизуальные средства массовой информации, служащие источником социальной информации — центральной категории информационного пространства [10]. Продолжает эту линию исследователь Н. Пономарев, который под информационным пространством понимает множество всех сообщений, транслирующих социальный опыт и формирующих медиапространство как область всего информационного пространства [10].

Медиапространство представляет собой ценностное пространство современных средств массовой информации, в котором происходит ценностное взаимодействие индивидов и групп в процессе сбора, производства, популяризации, потребления и трансляции информации. В связи с этим важно сохранить механизм преемственности культуры, наследования традиций, культурных и иных ценностей и норм, то есть трансляции социального опыта.

Ключевыми компонентами человеческой культуры являются духовные ценности, «благодаря которым человек реализует себя как творческую и нравственную индивидуальность: созидает (и интерпретирует) художественные произведения, оценивает поведение окружающих и свое собственное и т.д.» [7, с. 5]. Поэтому нельзя игнорировать такое особое свойство личности, как духовность. Духовность формируется в процессе творческой деятельности, направленной на создание, распространение и усвоение духовных богатств.

При этом творчество оценивается с позиции его способности передать опыт и потенциал к тому, чтобы произошел обмен этим опытом, а искусство рассматривается как «форма организации опыта, особенно учитывая его воздействие на зрителя или аудиторию» [6, с. 79].

В данной статье предпринята попытка рассмотреть проблему трансляции культурных ценностей средствами визуальных информационно-коммуникационных технологий (Интернет, телевидение и кино), а также определить степень влияния фиксируемой и транслируемой информации на формирование определенной картины мира социума. В связи с этим актуальной становится тема передачи культурных ценностей подрастающему поколению в современном медиапространстве.

В наши дни духовным ценностям отводится особая роль при решении проблем национального единства и национальной безопасности России. По мнению исследователя О. Н. Астафьевой, «системой духовных ценностей определяется то, что наиболее значимо для человека, что ему особенно важно и дорого, на что он ориентируется в своей практической деятельности» [4, с. 177]. Каждое общество, продолжает исследователь, формирует свою систему духовных ценностей, которая соответствует идеалам и потребностям членов этого общества, а также характерным особенностям именно данного типа культуры.

К стратегически важному достоянию российской культуры относятся традиционные духовные ценности. Они сформировались на протяжении многолетней истории развития нашего государства и отражают главные отличительные черты России как единой национальной, культурно-цивилизационной общности. Традиции всегда несут на себе отпечаток исторического времени — и в том, что они привносят из прошлого, и в том, как они воспринимаются в настоящем. Они заранее систематизируют наше понимание и обеспечивают основу для интерпретации и оценки того, с чем мы сталкиваемся и что испытываем в мире. Сохранность культурных и нравственных ценностей, норм поведения, русского языка как государственного, других языков народов России, традиций и обычаев,

объектов материальной культуры, имеющих историческое, художественное, научное, или иное культурное значение, оказывает существенное влияние на формирование международного образа России.

Национальные духовные ценности вкупе с достоянием всей мировой культуры (речь о её подлинных образцах) составляют концептуальное ядро отечественной культурной политики, в том числе и политики, ориентированной на определенную социальную группу — молодежь. И от того, какова будет иерархия ценностей, составляющих это ядро, во многом зависит будущее российского общества. В связи с этим повышается значимость динамики ценностей, от которой зависят нравственные ориентиры молодого поколения и дальнейшее определение контуров развития России.

Роль культуры в формировании нравственности и социально значимой позиции молодежи несомненна, поскольку именно культура составляет ценностно-смысловую базу национальной самоидентификации каждого человека. Однако в последнее время подрастающее поколение становится более обособленным и отстраненным от официальной культуры, от традиционных культурных ценностей. Молодежная культура одновременно обогащается достижениями мировой культуры и оказывается под активным воздействием массовой культуры, антикультуры и утрачивает многие национальные черты и традиции. Сегодня возникают многочисленные молодежные сообщества и субкультуры, обладающие общей символикой, системой знаков и норм. В рамках функционирования такого рода закрытых систем часто происходит подмена русского языка сленгом и жаргоном, а свойственная им ритуализация расшатывает систему социокультурных практик, формирующих национально-культурную идентичность. Все это негативно сказывается на процессе трансляции последующим поколениям национальных культурных традиций, лежащих в основе социализации и обеспечивающих усвоение ценностей, верований, норм, правил и идеалов поколений предшествующих.

С конца XX века формирование культурно-нравственных ценностей подрастающего

поколения происходит в активно изменяющемся информационно-коммуникационном пространстве, характеризующемся интенсивным развитием глобальных сетей цифровых телекоммуникаций и формированием медиaprостранства. При этом главным фактором развития является создание, сохранение и использование информации и знаний, развитие сферы услуг, обеспечивающей новые виды и формы коммуникации. В данном пространстве информация является предметом массового потребления социума, и прежде всего молодежи. На основе слияния телекоммуникационной, компьютерно-электронной и аудиовизуальной техники формируется единая интегрированная информационно-коммуникационная система.

Основная особенность информационного общества, по мнению О. Н. Астафьевой, заключается в том, что оно впервые в истории человечества формируется как глобальное общество, которое характеризуется, прежде всего, наличием следующих компонентов: мировая «информационная экономика», единое мировое информационное пространство, глобальная информационная инфраструктура, мировая законодательно-правовая система [4, с. 83].

В данных условиях наиболее важным в процессе продвижения культурно-нравственных ценностей представляется использование возможностей медиaprостранства (Интернета, телевидения, кино), а также возможностей, которые создаются благодаря развитию инновационных информационно-коммуникационных технологий. По мнению Н. Б. Кирилловой, активно занимающейся исследованием информационного общества «медиа — это совокупность условий, в контексте которых функционирует медиакультура, то есть сфера, которая через посредничество массовых коммуникаций (печать, радио, ТВ, видео, кино, компьютерные каналы, Интернет) связывает человека с окружающим миром, информирует, развлекает, пропагандирует те или иные ценности, оказывает воздействие на мнения и поведение людей» [3, с. 11]. Для успешной трансляции ценностей необходимо «передавать опыт другим в такой форме, чтобы происходило активное воссоздание

этого опыта — не обдумывая его, не изучая, не воспринимая пассивно, а реагируя на средства передачи этого опыта, которые действительно „переживаются“ теми, кому они предлагаются» [6, с. 79]. Эти формы потребления культурно-досуговой информации становятся более востребованными молодежью, чем традиционные.

Наличие Интернета и само появление медиапространства кардинально расширяют социальную среду человека. При этом интерактивность стимулирует развитие различных форм сетевого взаимодействия: общение в чатах и социальных сетях, участие в вебинарах, онлайн-форумах и дистанционном обучении. Выросло целое поколение молодежи, которое большую часть своей осознанной жизни провело в постоянном контакте с медиапространством, наложившим заметный отпечаток на его ценностные ориентации, осмысление различных социальных процессов и повлиявшим на его социализацию.

Интернет, родившись на Западе, до сих пор в большей степени транслирует западную культуру. Оказываясь во Всемирной паутине, индивид потребляет контент «другой» культуры и интегрируется в чуждую для него культурную среду. Потребляя «неродные» ценности, человек вступает в противоречие с теми ценностями и нормами, которые приняты в его обществе, что вызывает порицание в его социуме.

Создание информационных ресурсов, обеспечение доступа к ним, популяризация культуры средствами новых информационно-коммуникационных технологий, формирование управленческих информационных систем, выполнение государственных программ в области информатизации — вот круг тех вопросов, которые являются первоочередными в рамках культурной политики государства.

При всей эффективности и полезности использования информационно-коммуникационных технологий в сфере культуры необходимо учитывать ряд факторов, связанных с противоречивым характером глобализационного процесса. Интенсификация информационных технологий наряду с положительной стороной не исключает появление отрицательных эффектов. Информационные соблаз-

ны и угрозы — это сложнейшая проблема.

Особенно остро это ощущается, когда современные каналы коммуникации используются для искажения исторической правды, фальсификации тех или иных событий, фактов. Сеть Интернет моментально распространяет информацию по миру. Д. Хелл подчеркивает, что «в сфере передачи новостей это ускорение особенно заметно, поскольку спутниковое вещание, позволяющее показывать живые картины со всего мира, становится доступным всем ведущим теленовостей. Этот вид культурной связи, осуществляемой в реальном масштабе времени, будь то с помощью широко распространенной телефонной сети, радиовещания с места события или видеомоста, — превращает скорость и моментальность в элементы современной культурной глобализации» [9, с. 427–429].

Сохранение культурного наследия представляет собой один из важнейших элементов самосознания людей, способствует их самобытности и связывает общество с его прошлым. Информационное общество должно всеми возможными методами, включая перевод в цифровую форму, собирать и сохранять культурное наследие для будущих поколений.

Значительное место в процессе трансляции культурных ценностей отводится телевидению, главными культууроформирующими функциями которого, по мнению Г. В. Сменцарева, являются: информативная, культурно-просветительская, познавательно-рекреативная, смыслообразующая и др. [4, с. 163]. Телевидение является самым доступным средством массовой информации практически для всех категорий российских граждан. Традиционно его рассматривают как способ коммуникации, но в последнее время в медиапространстве телевидение все чаще не только передает информацию, но и раскрывается как художественный феномен современности, как особый вид искусства [5]. Проблемы телевидения обсуждают на самых разных площадках и в самых разных аудиториях. Связано это с тем, что в информационном обществе телевидение выполняет не только функции рекреатора / релаксатора, оно — мощный инструмент влияния на человека, на его культуру, а это

значит, что ТВ через человека, через культуру воздействует и на экономику, и на социальные отношения, и на политику, оно программирует сознание миллионов людей, контролирует их оценки и поведенческие практики. Сегодня трудно переоценить значение телевидения, человек стал зависим от него и без него чувствует себя исключенным из жизни [1].

Не менее важную роль в формировании медиапространства и межкультурной коммуникации играет также один из массовых, доступных и популярных видов искусства XXI в. — кинематограф. Кино считается такой формой культуры, благодаря которой активизируются коллективные и сотруди́ческие по своей сути процессы творчества. Оно является элементом средств массовой коммуникации и транслятором культурных достижений, влияет на формирование мировоззрения личности, а также на принятие или отрицание обществом тех или иных ценностей культуры.

Кинематограф, будучи искусством зрительных подвижных образов, оказывает значительное влияние на внутренний мир человека. Оно направлено на идейно-нравственное воспитание личности во все жизненные циклы, с учетом профессиональных, возрастных и других особенностей зрителя. Благодаря своей технической природе оно охватывает колоссальные по масштабам аудитории, документально фиксирует ценности и демонстрирует их влияние, а также формирует в обществе новые эстетические идеалы, влияющие на формирование ценностей. В последнее время кинематограф постепенно переходит из области искусства в область масс-медиа, всё больше приближаясь по своим сущностным характеристикам к телевидению.

Использование информационно-коммуникационных технологий в сфере культуры, в системе гуманитарного просвещения с целью укрепления системы духовно-нравственных ценностей идет по разным направлениям: развитие аудиовизуальных средств коммуникации, создание национальной электронной библиотеки, создание баз данных, порталов и каталогов движимых и недвижимых объектов культурного наследия. За последние двадцать лет сложилась система, включающая различные информационные ресурсы, которые обеспечивают эффективное формирование современного медиапространства.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что теория и методология организации процесса культурного воспитания молодежи в условиях формирования медиапространства складываются недопустимо медленно. Духовная жизнь современного общества подвергается огромному количеству внутренних и внешних угроз, нередко провоцирующих разрушение нравственных идеалов, культурных традиций и ценностей, духовного единства, мировоззренческих универсалий как оснований культуры. Сегодня Интернет, телевидение и кино, являясь важнейшими инструментами трансляции культуры, не только отражают действительность, развлекают, просвещают миллионы людей всех возрастов, они являются главным институтом распространения культурных ценностей и залогом национальной безопасности. В связи с этим особенно важно осуществить общественно-правовое регулирование процесса трансляции информации в современном медиапространстве.

Elena N. ANTIPKINA

The Problem of Transmitting Cultural Values in the Modern Media Space

Abstract. The relevance of the article is due to the need to analyse the problem of transmitting cultural values in the modern media space through the Internet, television and cinema. Today, the audiovisual mass media are the main vehicles of ideas, traditions, values, as well as the most important institution for managing public consciousness, which is particularly emphasised in this research. The article is interdisciplinary in nature as it combines research in the field of cultural studies, philosophy, journalism and media communication. The theoretical and practical significance and scientific novelty

of the work lies in the attempt the author makes to investigate the essence of audiovisual technology when transmitting cultural values. The author interprets the term “media space” in an axiological sense, which allows linking it with the mechanism of cultural continuity, inheritance of traditions, cultural and other values and norms, and, in general, with the transmission of social experience. It is emphasised that traditional spiritual values belong to the strategically important heritage of Russian culture. They constitute the conceptual core of the domestic cultural policy, including youth-oriented policies. The author notes that modern youth culture is simultaneously enriched by the achievements of world culture, is under the active influence of mass culture, anti-culture, and loses many national features and traditions. According to the author, the formation of the cultural and moral values of the younger generation takes place in an actively changing information and communication space; therefore, the most important in the promotion of cultural and moral values is the use of the capabilities of the media space (Internet, television, cinema). The author notes that the Internet, born in the West, still broadcasts Western culture to a greater extent. At the same time, the use of information and communication technologies in the field of culture and in the system of humanitarian education with the aim of strengthening the system of spiritual and moral values should become important components of the state cultural policy. At the same time, according to the author, the theory and methodology of organising the cultural education of the youth in the context of the media space formation are unacceptably slow. For the purposes of ensuring national security, it is especially important to carry out social and legal regulation of the broadcasting of information in the modern media space.

Keywords: cultural values, values of culture, information and communication technologies, media space, media culture, Internet, cinema, television.

Использованная литература:

1. Емелин В. А. Телевидение: стиль и образ постмодерна [Электронный ресурс] // Емелин Вадим. URL: <http://emeline.narod.ru/tv.htm> (дата обращения: 08.05.2019).
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
3. Кириллова Н. Б. Медиасреда российской модернизации. М.: Академический проект, 2005.
4. Культурное наследие в условиях развития информационного общества: коллективная монография. Челябинск: Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2011.
5. Логинова М. В. Основы философии искусства. М.: Инфра-М, 2013.
6. Негус К., Пикеринг М. Креативность. Коммуникация и культурные ценности. Харьков: Гуманитарный центр, 2011.
7. Словарь философских терминов / Под науч. ред. В. Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2005.
8. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001.
9. Хелд Д. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура М.: Практикс, 2004.
10. Юдина Е. Н. Медиапространство как культурная и социальная система. Монография. М.: Прометей, 2005.

References:

1. Emelin, V.A. (1999) *Televidenie: stil' i obraz postmoderna* [Television: The Style and Image of Postmodernity]. [Online] Available from: <http://emeline.narod.ru/tv.htm>. (Accessed: 08.05.2019).
2. Castells, M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information Era: Economics, Society and Culture]. Translated from English. Moscow: HSE..
3. Kirillova, N.B. (2005) *Mediasreda rossiyskoy modernizatsii* [Media Environment of Russian Modernisation]. Moscow: Akademicheskiiy projekt.
4. Berestova, T.F. (ed.) (2011) *Kul'turnoe nasledie v usloviyakh razvitiya informatsionnogo obshchestva* [Cultural Heritage in the Development of the Information Society]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts.
5. Loginova, M.V. (2013) *Osnovy filosofii iskusstva* [Fundamentals of the Philosophy of Art]. Moscow: Infra-M.
6. Negus, K. & Pickering, M. (2011) *Kreativnost': Kommunikatsiya i kul'turnye tsennosti* [Creativity, Communication & Cultural Value]. Translated from English. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr.
7. Kuznetsov, V.G. (ed.) (2005) *Slovar' filosofskikh terminov* [Dictionary of Philosophical Terms]. Moscow: INFRA-M.
8. Frolov, I.T. (ed.) (2001) *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. 7th ed. Moscow: Respublika.
9. Held, D. (2004) *Global'nye transformatsii: politika, ekonomika, kul'tura* [Global Transformations: Politics, Economics and Culture]. Translated from English. Moscow: Praxis.

10. Yudina, E.N. (2005) *Mediaprostranstvo kak kul'turnaya i sotsial'naya sistema* [Media Space as a Cultural and Social System]. Moscow: Prometey.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Антипкина, Е. Н. Проблема трансляции культурных ценностей в современном медиaprостранстве [Электронный ресурс] / Е. Н. Антипкина // Наследие веков. – 2019. – № 4. – С. 80–86. DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.010

Full bibliographic reference to the article:

Antipkina, E. N. (2019) The Problem of Transmitting Cultural Values in the Modern Media Space. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 4. pp. 80–86. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.010

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ

ИППОЛИТОВ Сергей Сергеевич

кандидат исторических наук, проректор по развитию,
декан факультета государственной культурной политики
Московского государственного института культуры; ведущий
научный сотрудник редакционно-издательского отдела
Российского научно-исследовательского института природного
и культурного наследия имени Д. С. Лихачева,
Москва, Российская Федерация

Sergey S. IPPOLITOV

Cand. Sci. (National History), Vice-Rector for Development, Dean,
Moscow State Institute of Culture;
Leading Researcher, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, Russian Federation,
nivestnik@yandex.ru

УДК [94(470)''1917/1923'':930.2]:36
ГРНТИ 03.23.55
ВАК РФ 07.00.02

DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.011

Источники изучения российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны в России. 1917–1921 годы

Sources of Study of Russian Humanitarian Activities during the Civil War in Russia. 1917–1921

Российская гуманитарная деятельность периода Гражданской войны на территориях, подконтрольных антибольшевистским режимам, и в эмиграции является малоизученной областью отечественной исторической науки, интерес к которой в среде профессиональных историков не ослабевает. Статья посвящена изучению источников различного происхождения, позволяющих сформировать источниковую базу исследования российской гуманитарной деятельности: от фондов Российского общества Красного Креста в Сибири до воспоминаний деятелей Белого движения, от документов Министерства снабжения и продовольствия Омского правительства и его местных органов, касавшихся ситуации с поставками хлеба, до протоколов с именами репрессированных в Крыму сестер милосердия РОКК, хранящихся в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины. Особое внимание обращено на богатейшую коллекцию документов Русского заграничного исторического архива в Праге (РЗИА), пере-

данного нашей стране в 1945 г. Корпус документов из состава «Пражского архива» хранится сегодня в Государственном архиве Российской Федерации. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу, что в условиях деградации государственных и муниципальных институтов, развала политической жизни, острого гражданского конфликта, экономического кризиса, охватившего всю территорию бывшей Российской империи, дефицита предметов первой необходимости и продуктов питания российская гуманитарная деятельность не только не была свернута, но и пережила на коротком отрезке времени расцвет. Поэтому определение и описание корпуса источников для изучения этой исторической области по-прежнему остается актуальной задачей.

Ключевые слова: российская гуманитарная деятельность, Гражданская война, благотворительность, Российское общество Красного Креста, источники изучения Гражданской войны.

Российская гуманитарная деятельность периода Гражданской войны в России редко становилась предметом научных исследований. В поле зрения ученых попадали лишь отдельные её аспекты: благотворительность частных лиц и организаций, меценатство, сюжеты, связанные с попечением об инвалидах и неимущих, сохранением природного и культурного наследия в условиях военных действий и экономического кризиса. Системный труд, который обобщил бы знания о гуманитарных процессах в российском обществе в условиях гражданского противостояния, когда тяжелейшим испытаниям подверглись цивилизационные основы жизни общества, до сих пор отсутствует. Между тем, изучение общества, находящегося в глубоком гуманитарном кризисе, является крайне актуальной задачей, и сто лет спустя она не стала менее значимой. Поэтому столь важным представляется определение и описание корпуса источников для дальнейшего изучения российской гуманитарной деятельности, особенно учитывая их разрозненность. Попробуем в предлагаемой статье кратко очертить источниковую базу для изучения этой многоплановой и многоаспектной проблемы.

Основной массив источников по российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны был накоплен в фондах так называемого «Пражского архива», зародившегося в Праге в качестве учреждения при культурно-просветительском отделе пражского Земгора в 1923 г. Год спустя было разработано специальное положение, определившее структуру архива и порядок его функционирования. Архив получил название Русский за-

граничный исторический архив (РЗИА), и его целью декларировалось собирание документов по истории российской эмиграции. Однако очень скоро это уникальное архивное собрание переросло декларируемые первоначально тематические и хронологические границы и стало не только крупнейшим собранием по истории эмиграции, но и коллекцией документов по истории Гражданской войны в России; истории русской философской, правовой, экономической мысли; истории русской литературы и издательского дела; политической жизни Русского Зарубежья и Советской России.

Благодаря финансовой поддержке чехословацкого правительства и разветвленной системе представителей (архив имел своих официальных представителей в Берлине, Париже, Константинополе, Ревеле, Выборге, Варшаве, Харбине, Нью-Йорке, Риге, Ковно, Гельсингфорсе, Юрьеве и около 1500 корреспондентов в 44 странах, где проживали эмигранты из России) РЗИА ежегодно пополнял свои фонды документами, отражающими деятельность русских эмигрантов в различных странах мира.

Материалы, поступающие для комплектования РЗИА, подразделялись ученой комиссией архива на семь основных разделов. Раздел «А» включал в себя поступающие в архив фотографии, рисунки, карикатуры, шаржи, карты, плакаты, листовки, воззвания, марки, денежные знаки. В 1932 г. в разделе «А» находилось более 7 тыс. фотографий, свыше 45 тыс. листовок и воззваний различных политических партий. Коллекция приказов включала указы по военному ведомству

периода Первой мировой войны, приказы главнокомандующего вооруженными силами Юга России генерала А. И. Деникина, верховного правителя России адмирала А. В. Колчака, полный комплект приказов генерала П. Н. Врангеля по правительству Юга России. В этом же разделе хранились два альбома художника Ю. К. Арцебушева с зарисовками деятелей революционного и общественного движения — В. И. Ленина, А. И. Рыкова, Л. Д. Троцкого, Л. Ф. Керенского и др., выполненных в 1917–1918 гг.

В раздел «В» входили мемуары, дневники, статьи, написанные на основе личных воспоминаний. Их авторами являлись политические и общественные деятели, а также рядовые участники событий.

Раздел «С» содержал переписку частных лиц и личные архивы. Здесь хранились собрания А. Ф. Амфитеатрова, Е. К. Брешко-Брешковской, В. Л. Бурцева, Н. В. Чайковского и др.

В раздел «Д» входили материалы революционных и общественных движений с последней трети XIX в. Здесь отложились документы различных кружков, организаций и обществ, часть архива «Колокола» А. И. Герцена и Н. П. Огарева, архив Б. В. Савинкова, содержащий документы Боевой организации эсеров.

В раздел «Е» вошли две группы документов: об армии и материалы о политической жизни России периода Первой мировой войны.

Раздел «Ф» составили источники по истории революции и Гражданской войны в России. Этот раздел стал самым масштабным по количеству документов. Они группировались по территориальному принципу — центрам Белого движения (Временное правительство Северной области, правительство Юга России, правительство генерала Врангеля в Крыму, Комуч, Директория, Временное Сибирское правительство и др.).

Документы, отражавшие текущую деятельность беженских организаций союзов и объединений (академических, политических, военных) в различных странах мира, были размещены в разделе «Н».

Русский заграничный исторический архив просуществовал в Праге до конца Вто-

рой мировой войны. В 1945 г. по решению Чехословацкого правительства РЗИА был передан Академии наук СССР и вывезен в Москву. Ныне документы РЗИА рассредоточены по различным центральным архивам. Наиболее крупные комплексы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и Российском государственном военном архиве (РГВА). Процесс их рассекречивания начался в конце 1980-х гг. В эти годы отечественные и зарубежные исследователи получили доступ к ранее закрытым архивохранилищам, следствием чего стал расцвет историографии Гражданской войны и эмиграции.

Особое место в комплексе источников занимает фонд Временного Главного управления Российского общества Красного Креста в Омске [2]. Основу этого фонда составляют протоколы заседаний Общего собрания и Исполнительной комиссии Временного главного управления РОКК; распоряжения о кадровых назначениях; финансовые отчеты; балансовые ведомости по месяцам, кварталам и в целом за год; переписка ВГУ с зарубежными миссиями и иностранными Красными Крестами, а также очерк деятельности РОКК, составленный уполномоченным Красного Креста. Такой широкий спектр источников предоставил возможность дать развернутую картину гуманитарной деятельности РОКК в рассматриваемый период. Вместе с тем при работе с фондом РОКК задача критики источника стала чрезвычайно актуальной. Этот массив документов формировался в период активных военных действий на территории Сибири и Дальнего Востока, в условиях затрудненного учета и контроля за деятельностью тех или иных структурных подразделений РОКК, невозможности наладить строгий контроль и учет материальных ресурсов, чехарды кадрового состава, частых перемещений и утрат делопроизводственной документации. Все это вело, с одной стороны, к фрагментарности источникового массива, а с другой — к достаточно вольному обращению авторов документов с отражаемой информацией. Официальные отчеты РОКК, являясь ценнейшим источником о его деятельности, часто несли

в себе приукрашенную и недостоверную информацию, документы по личному составу, особенно касавшиеся материального довольствия, изобиловали приписками, а финансовая отчетность редко сопровождалась первичными документами, что делало её практически непроверяемой. Тем не менее этот источниковый массив представляет собой чрезвычайно ценную коллекцию документов, отражающую полную драматизма историю восстановления, организации и становления гуманитарной деятельности на территориях, в тот или иной период Гражданской войны подконтрольных белым режимам. Иногда эти документы создавались едва ли не под обстрелом, и несли на себе физическую «печать» событий, которые происходили вокруг. Так, в архивном деле, хранящем документы о расследовании пожара на железнодорожной станции Омска, можно обнаружить фрагменты сгоревших растительных волокон и пепла (горели вагоны с сеном), а жалобы местных подразделений РОКК на острую нехватку чернил написаны настолько бледно, что их прочтение вызывает трудности.

Небольшой по объему фонд Управления Ачинского отдела Российского общества Красного Креста в Красноярске оказался интересен документами о привлечении на добровольной благотворительной основе местных жителей и горожан к изготовлению белья для лазарета РОКК. В фонде отложились документы о гуманитарной деятельности местной общины горожан, жертвовавших книги раненым, о создании и деятельности ачинской лечебницы РОКК, об организации курсов сестер милосердия Красного Креста [3].

Фонды личного происхождения, имеющие отношение к событиям Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке России, представляют собой редкое явление. И если документы правительства адмирала Колчака и его воинских штабов сохранились в изрядном количестве, то фондов личного происхождения крайне мало. Тем ценнее документальные собрания, позволяющие хотя бы фрагментарно дополнить полотно российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны. Так, в фонде М. Л. Киндякова, в 1918 г. состоявшего уполномоченным

РОКК при верховном правителе адмирале Колчаке, обнаруживаются черновики документов и личная переписка автора, имеющие отношение к восстановлению гуманитарной деятельности РОКК на территории Сибири и Дальнего Востока, газетные статьи и вырезки, подобранные фондообразователем в соответствии с его профессиональными и политическими интересами [7].

К числу немногих фондов личного происхождения, хранящих источники по истории гуманитарной деятельности периода Гражданской войны и эмиграции, относится фонд Виссариона Яковлевича Гуревича [4], адвоката и общественного деятеля, являвшегося в период войны членом Сибирского Земско-городского союза и Экономического Сопредседателя при Главноуполномоченном адмирала А. В. Колчака, а в период эмиграции, с 1922 г. — председателем Земгора в Чехословакии и управляющим РЗИА. Этот массив источников крайне ценен информацией о создании и деятельности Русского заграничного исторического архива, отчетами о его работе, протоколами и журналами заседаний. Среди значительного количества материалов, относящихся к активной политической деятельности фондообразователя, обнаруживается его переписка с Правлением Российского политического Красного Креста в Париже и документы о гуманитарном положении российских эмигрантов в европейских государствах.

В значительно большей степени в отечественных архивах представлены фонды личного происхождения политических и общественных деятелей, в той или иной степени принимавших участие в деятельности правительств А. И. Деникина и позднее П. Н. Врангеля и сумевших эвакуироваться и вывезти свои документы в период крымской эвакуации. К их числу относится фонд А. И. Гучкова, в период Гражданской войны являвшегося уполномоченным Российского общества Красного Креста ВСЮР. В 1919 г. он был отправлен командованием Вооруженными силами Юга России в Париж во главе особой миссии, целью которой были переговоры об оказании помощи бывшим армиям. В период эмиграции А. И. Гучков продолжал гуманитарную работу, являясь членом Правления РОКК за границей [6].

Кризис финансовой системы России периода Гражданской войны неизбежно привел к срыву правительственных заготовок хлеба, что вело к дальнейшему углублению гуманитарной катастрофы в охваченной гражданским противостоянием стране. Ситуация с поставками хлеба находила свое отражение в документах как Министерства снабжения и продовольствия и его местных органов, так и различных организаций, причастных к заготовкам.

В частности, правительственные заготовки зерна находились в центре внимания так называемых особых присутствий по продовольствию, создававшихся при городских управах. В сферу их компетенции, помимо прочего, входил контроль за процессом заготовки продуктов питания, главным образом зерна. Поэтому документальные материалы, созданные в процессе повседневной деятельности этих ведомств, являются важным источником для изучения как гуманитарной и финансовой политики белых сибирских властей, так и экономической истории региона в этот период. Названная группа документов включает в себя материалы статистического характера, копии правительственных распоряжений, переписку с поставщиками продуктов и т.п.

Так, в материалах Особого присутствия по продовольствию при Иркутской городской управе нашел отражение вопрос о возможности натурального товарообмена с крестьянами, обсуждавшийся в октябре 1918 г. в Министерстве продовольствия. Вынесение на повестку дня такого вопроса объяснялось катастрофической ситуацией с заготовкой зерна в Сибири, причина которого состояла в обесценивании рубля и потере интереса крестьян к получению платы за хлеб в денежной форме. Выразилось это в массовом нежелании крестьян везти хлеб и другие продукты своего труда на городские рынки, что вообще было характерно для периода Гражданской войны. Уполномоченный Министерства продовольствия по Енисейской губернии сообщал по этому поводу в своем докладе министерству от 15 октября 1918 г.: «Отсутствие подвоза объясняется хозяйственными условиями, в силу которых в губернии молотьба и прода-

жа происходят в зимнее время, причем... эти операции отодвинулись ко второй половине зимы и весне, что объясняется уменьшением числа рабочих рук... сельскохозяйственных машин и отсутствием у крестьян потребности в деньгах. Высокие цены объясняются отсутствием запасов хлеба в городах, превышением спроса над предложением... и сильным развитием самогонного промысла, так как самогонщики платят за хлеб не торгуясь». И далее автор документа предлагал меры, которые, на его взгляд, могли стать «единственным средством» насытить рынок зерном и побудить крестьянство более активно поставлять зерно в города: «Если нельзя насытить рынок товарами — пустить часть могущих поступать и имеющихся товаров в обмен на хлеб через заготовителей последнего... Наиболее подходящими для обмена товарами, могут быть следующие: мануфактура, чай, табак, махорка, керосин, железо, особенно листовое для железных печей, посуда, чугунные изделия, обувь, сельскохозяйственные орудия и машины для сбора урожая...» [11].

Отношение населения Сибири к экономическим мероприятиям правительства адмирала А. В. Колчака, в частности, резкое недовольство падением рубля и ростом цен и, как следствие, обострением гуманитарной ситуации, ярко отразили доклады и информационные сводки о политическом и экономическом положении в занимаемых областях сотрудников военной контрразведки — Главного военного контроля. Эти сведения насыщены фактическими данными, полученными агентурными средствами. В Министерство внутренних дел материалы военной контрразведки поступали в порядке обмена информацией, практиковавшегося военными и гражданскими чиновниками [11, с. 24].

Значимым для исследования российской гуманитарной деятельности массивом документов располагает Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины. По очевидным причинам получить персональный доступ к этим документам сегодня для российских историков затруднительно. Однако в 2015 г. ОГА СБУ начал публиковать в сети электронные копии документов, относящихся к периоду Гражданской войны.

Так, в «Деле с документами об исполнении приговоров КрымЧК и списках осужденных по решениям КрымЧК за 1920–1921–1922 гг.» можно обнаружить приказы, рапорты, приговоры и акты о произведенных расстрелах бывших военнослужащих Русской армии и мирных жителей, оставшихся в Крыму после эвакуации армии Врангеля. В списке приговоренных к расстрелу людей, осужденных Крымской областной Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Крымревкоме, содержатся имена сестер милосердия Российского общества Красного Креста [12, л. 76–121]. Эти документы дополняют имеющийся в Москве комплекс источников о судьбе персонала Красного Креста, подвергнутого репрессиям в 1921–1922 гг. в Крыму [5, л. 49].

В результате государственного переворота в Омске, произошедшего 18 ноября 1918 г., установилась особая форма авторитарного правления — военный режим. Вооруженные силы выступили главной опорой формально гражданской администрации, а верховный правитель адмирал А. В. Колчак являлся верховным главнокомандующим армией.

Очень показательна в этом плане попытка коллектива томских исследователей собрать законодательные акты и правительственные постановления Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства, публиковавшиеся в печати. Ими был подготовлен и в 1998 г. выпущен в свет сборник документов «Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь — ноябрь 1918 года)» [9]. Характеризуя публикации предшествующего периода, они отметили в предисловии: «В плане изучения становления государственности и политической системы большевистскому правительству, по известным причинам, повезло больше. По этим вопросам был накоплен значительный объем фактических данных. Однако общим недостатком являлось представление о закономерности установления Советской власти. Антибольшевистские правительства и их политика исключались из сферы изучения. Справедливости ради следует отметить,

что советские историки использовали некоторые законодательные акты белых правительств в своих исследованиях. Но, как правило, приводились лишь отдельные выдержки из законов, с целью доказательства «антинародности» того или иного правительства» [9, с. 8].

Подготовленный сборник призван был ликвидировать этот недостаток. В него были включены полные тексты в общей сложности 223 нормативных актов, изданных в период с 1 июня 1918 г. по 17 ноября 1918 г. Тексты законодательных актов публиковались по «Собранию постановлений и распоряжений Западно-Сибирского Комиссариата Временного Сибирского Правительства» и «Собранию узаконений и распоряжений Временного Сибирского Правительства». Сборник разделен на два раздела, первый из которых включает законодательные акты Западно-Сибирского комиссариата, второй — Временного Сибирского правительства. Каждый законодательный акт снабжен порядковым номером, редакционным заголовком, датой принятия и подписи [9, с. 14].

Среди публикаций документов особое место занимает исторический альманах «Минувшее», издававшийся в 1986–1999 гг. и ставший продолжением существовавшего до 1982 г. сборника исторических документов «Память». «Минувшее» включало публикации документов из частных собраний по истории России XX в. Все публикации в альманахе снабжены научными комментариями и качественным справочным аппаратом. В настоящий момент все выпуски альманаха оцифрованы и находятся в открытом доступе.

Томы 1–12 готовились к печати и выходили в свет в Москве и Ленинграде; несколько томов вышли в свет в Париже. Альманах стал заметным событием в отечественной исторической науке. В него вошли чрезвычайно редкие и труднодоступные источники из семейных архивов русской эмиграции. Часть из них формировалась на территории России в постреволюционные годы и была вывезена в эмиграцию авторами документов или членами их семей, часть возникла в изгнании и хранилась наследниками. К первой группе относятся, главным образом, дневни-

ковые записи, переписка и иные документы личного происхождения, созданные представителями, как было принято говорить в те годы, «интеллигентского класса»: бывшими чиновниками государственных учреждений императорской России, офицерами, общественными деятелями, учеными, деятелями культуры, а также некоторыми представителями российской интеллигенции, перешедшими на сторону новой власти. Так, впервые были опубликованы письма В. О. Лихтенштадта М. М. Тушинской «К тебе и о тебе мое последнее слово» [10, с. 139]. Этот документ, созданный сторонником большевистской власти, особенно интересен тем, что позволяет взглянуть на происходившие в стране события с точки зрения образованного, интеллигентного человека, искренне переживавшего за судьбу своей родины, ее культуры и науки. Размышления автора о сопоставимости «пролетарской» и «буржуазной» культуры соседствуют в письмах В. О. Лихтенштадта с рассказами о его «спонтанной» гуманитарной, правозащитной деятельности, которой, похоже, он сам не придавал особого значения: «Выяснилось, что двум арестованным сегодня в 4 часа девицам (одной лет 17–18) не давали ни есть, ни пить, а сейчас тоже хотят везти в Смольный (арестовали их за расклейку воззваний Лиги Защиты Учредительного Собрания). Ну, конечно, мы отправились добыть им хлеба, чая, сахара и т.д. — отнесли, взяли у них письма, дали денег — знакомая история» [10, с. 150].

Эпизоды гуманитарной катастрофы, разворачивавшейся в Петрограде в октябре 1917 — январе 1918 г., отражены на «Страницах дневника» Владимира Амфитеатрова-Кадашева, забытого сегодня литератора. Он вспоминал о погроме, произошедшем в редакции газеты «Петроградский голос», где он работал в то время: «Ворвались какие-то матросы с ордером Екатерингофского районного совдепа, объявили газету закрытой и учинили форменный погром... Сорвали злость на рукописях: изорвали в клочки весь архив, весь запас, весь загон и даже — метрическое свидетельство редактора... Уничтожили почти половину книг библиотеки... Самое главное, между прочим, что это не были большевики:

когда позвонили в Смольный, оттуда ответили, что никакого распоряжения о закрытии и тем более разгроме „Петроградского голоса“ не было отдано» [1, с. 504]. Перу этого же автора принадлежат и свидетельства о ситуации в Молдавской демократической республике, находившейся в 1918 г. под контролем Румынии. Он вспоминал разговор с прокурором, высланным румынами из Кишинева, несмотря на его «бессарабское» происхождение: «Негодую, рассказывал о гадостях, творимых этою знаменитою нацией над русскими: вся огромная культурная работа, производившаяся за сто лет Россией, пошла насмарку, закрываются русские школы, запрещается русский язык, чиновников безжалостно гонят со службы, и — самое гнусное — воображают себя „европейцами“, а нас варварами» [1, с. 513].

Тема постигшей Россию гуманитарной катастрофы продолжает раскрываться в переписке другого российского литератора, Ю. А. Никольского, хранящейся ныне в РГА-ЛИ. Этот молодой историк литературы и поэт повторил путь многих тысяч своих соотечественников: крымская эвакуация в Константинополь, Болгария, Белград, нелегальная репатриация в Россию, скорый арест и смерть от тифа в заключении. Однако за недолгий период своей жизни в Советской России и последующих эмигрантских скитаний Ю. А. Никольский оставил богатое эпистолярное наследие. Особенно красноречивы его бытовые зарисовки революционного Петрограда, дающие представление о глубине гуманитарного кризиса, в который погрузилась страна: «Представь то же с голодом. И вот, бежишь, бежишь сломя голову, бежишь от Марсова поля на Литейный, угол Бассейной, где крохотные лепешки за пятьдесят. Это «обедоискательство», это лепешкоискание. Но вот стала вода, стали уборные. Тогда люди стали все, что не надо, заворачивать в бумагу и бросать в форточку. Тогда стали отводить одну комнату в доме „под“, и когда она наполнялась, тогда ее забивали, и очередь была за другой. Что будет весной? Какие болезни?» [14, с. 188].

Попытки осуществления правозащитной деятельности в Советской России, как часть общего гуманитарного полотна постреволюционной эпохи, отражены в публи-

кации «Два эпизода из жизни литературных организаций: Отчет депутатов литературных организаций о поездке в Москву по делу арестованных литераторов и ученых». Источник повествует о событиях 28–29 августа 1919 г., когда в Москве были арестованы руководители так называемого «Национального центра» и захвачены списки членов этой организации. Акция продолжилась 1–5 сентября обысками и арестами в Петрограде. Забирались люди, занимавшие должности культурно-просветительного характера и даже состоявшие на советской службе при Комиссариате народного просвещения. Центральный Комитет Объединенного союза литературных организаций, в который входили Союз российских писателей, Союз драматических и музыкальных писателей, Профсоюз деятелей художественной литературы, Петроградский Профсоюз журналистов, Общество взаимопомощи литерато-

ров и ученых и Всероссийское общество профессиональных переводчиков-литераторов, отправил депутатов к товарищу комиссара по народному просвещению З. К. Гринбергу с ходатайством об освобождении арестованных [8, с. 324].

Среди источников по истории российской гуманитарной деятельности нельзя не упомянуть публикацию Л. Поликовской «М. А. Осоргин в собственных рассказах и документах ГПУ» [13, с. 204], где впервые было обнародовано «Заключение по делу № 15652 гр-на Осоргина Михаила Андреевича», арестованного 18 августа 1922 г. и содержавшегося во Внутренней тюрьме ГПУ. М. А. Осоргин проходил по следственному делу Всероссийского комитета помощи голодающим, еще одной гуманитарной организации, оставившей заметный след в общественной жизни России послеоктябрьского периода.

Sergey S. IPPOLITOV

Sources of Study of Russian Humanitarian Activities during the Civil War in Russia. 1917–1921

Abstract. The bulk of sources on Russian humanitarian activity during the Civil War period had been accumulated in the collections of the Prague Archive, a collection of documents that originated in Prague as an institution with the Cultural and Educational Department of the Prague Zemgor in 1923. Later it was called the Russian Historical Archive Abroad in Prague. Thanks to the financial support of the Czechoslovak government and a developed system of representatives, the Archive annually replenished its collection of documents that reflected the activities of Russian emigrants in different countries of the world. And if documents of the government of Admiral Kolchak and his military staff are presented in a fair number, the funds of personal origin are extremely small. Thus, documentary collections, allowing to at least fragmentarily complement the canvas of Russian humanitarian activity during the Civil War are of great value. The Fund of M.L. Kondakov, a representative of the Russian Red Cross Society during the rule of Admiral Kolchak in 1918, contains draft documents and personal correspondence of the author on the Russian Red Cross Society's recovery humanitarian activity in Siberia and the Far East. Among the few funds of personal origin that preserve sources on the history of humanitarian activity during the Civil war and emigration, is the Fund of Vissarion Gurevich, a lawyer and a public figure, who was a member of the Siberian Zemstvo and City Union and a member of the Economic Meetings under the Chief Representative of Admiral Kolchak during the war. Domestic archives have more funds of personal origin of political and public figures, who, to some extent, participated in the activities of the governments of A.I. Denikin and later P.N. Wrangel and managed to evacuate and take out their papers during the Crimean evacuation. The situation with the supply of bread was reflected in the documents of the Ministry of Food Supply and Consumption and its local authorities, as well as the various organisations involved in the procurement. Therefore, the documentary materials created during the daily activities of these agencies are an important source for studying both the humanitarian and financial policies of the White Siberian authorities and the economic history of the region during this period. The Sectoral State Archive of the Security Service of Ukraine has a significant

array of documents for the study of Russian humanitarian activity. In 1998, a collection of documents *The Legislative Activity of the White Governments of Siberia (June–November 1918)* was published. Attempts to carry out human rights activities in Soviet Russia, as part of the general humanitarian canvas of the post-revolutionary era, are reflected in the publication “Two Episodes from the Life of Literary Organisations: Report of Deputies of Literary Organisations on a Trip to Moscow in the Case of Arrested Writers and Scholars.” The source tells about the events of 28–29 August 1919 when the leaders of the so-called “National Centre” were arrested in Moscow and the lists of members of this organisation were seized.

Keywords: cultural values, values of culture, information and communication technologies, media space, media culture, Internet, cinema, television.

Использованная литература:

1. Амфитеатров-Кадашев В. Страницы из дневника / Публ. С. В. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. № 20. М., СПб.: Atheneum–Феникс. 1996. С. 504.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1845. Оп. 1.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2228. Оп. 1.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5910. Оп. 1.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5923. Оп. 1. Д. 7. Л. 49.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5868. Оп. 1.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6088. Оп. 1.
8. Два эпизода из жизни литературных организаций: Отчет депутатов литературных организаций о поездке в Москву по делу арестованных литераторов и ученых / Публ. Н. Крамера // Минувшее. Исторический альманах. № 1. М., СПб.: Atheneum–Феникс. 1986. С. 324.
9. Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь – ноябрь 1918 года). Вып. 1. Томск: Изд-во Томск. ун-та. 1998.
10. «К тебе и о тебе мое последнее слово»: Письма В. О. Лихтенштадта к М. М. Тушинской / Публ. Н. К. Герасимовой и А. Д. Марголиса // Минувшее. Исторический альманах. № 20. М., СПб.: Atheneum–Феникс. 1996. С. 139.
11. Никитин А. Н. Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та. 1994. С. 24.
12. Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 6. Оп. 6. Д. 61. Л. 76–121.
13. Поликовская Л. М. А. Осоргин в собственных рассказах и документах ГПУ // Минувшее. Исторический альманах. № 19. М., СПб.: Atheneum–Феникс. 1996. С. 204.
14. Судьба Юрия Никольского: Из писем Ю. А. Никольского к семье Гуревич и Б. А. Садовскому. 1917–1921 / Публ. С. В. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. № 19. М., СПб.: Atheneum–Феникс. 1996. С. 188.

References:

1. Amfiteatrov-Kadashev, V. (1996) Stranitsy iz dnevnika [Pages from a Diary]. *Minuvshee. Istoricheskiy al'manakh*. 20. p. 504.
2. State Archive of the Russian Federation. Fund 1845. List 1. (In Russian).
3. State Archive of the Russian Federation. Fund 2228. List 1. (In Russian).
4. State Archive of the Russian Federation. Fund 5910. List 1. (In Russian).
5. State Archive of the Russian Federation. Fund 5923. List 1. File 7. Page 49. (In Russian).
6. State Archive of the Russian Federation. Fund R-5868. List 1. (In Russian).
7. State Archive of the Russian Federation. Fund R-6088. List 1. (In Russian).
8. Kramer, N. (1986) Dva epizoda iz zhizni literaturnykh organizatsiy: Otchet deputatov literaturnykh organizatsiy o poezdke v Moskvu po delu arestovannykh literatorov i uchenykh [Two Episodes from the Life of Literary Organisations: Report of Deputies of Literary Organisations on a Trip to Moscow in the Case of Arrested Writers and Scholars]. *Minuvshee. Istoricheskiy al'manakh*. 1. Moscow; St. Petersburg: Atheneum–Feniks. p. 324.
9. Lukov, E.V. (ed.) (1998) *Zakonodatel'naya deyatel'nost' belykh pravitel'stv Sibiri (iyun' – noyabr' 1918 goda)* [The Legislative Activity of the White Governments of Siberia (June–November 1918)]. Is. 1. Tomsk: Tomsk State University.
10. Gerasimova, N.K. & Margolis, A.D. (1996) “K tebe i o tebe moe poslednee slovo”: Pis'ma V. O. Likhtenshtadta k M. M. Tushinskoy [“My Last Word Is to You and About You”: Letters of V.O. Lichtenstadt to M.M. Tushinskaya]. *Minuvshee. Istoricheskiy al'manakh*. 20. p. 139.
11. Nikitin, A.N. (1994) *Dokumental'nye istochniki po istorii grazhdanskoy voyny v Sibiri* [Documentary Sources on the History of the Civil War in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Sectoral State Archive of the Security Service of Ukraine. Fund 6. List 6. File 61. Pages 76–121.
13. Polikovskaya, L.M. (1996) A. Osorgin v sobstvennykh rasskazakh i dokumentakh GPU [A. Osorgin in His Own Stories and Documents of the Office of the Prosecutor

General of Ukraine]. *Minuvshee. Istoricheskiy al'manakh*. 19. p. 204.

14. Shumikhin, S.V. (1996) Sud'ba Yuriya Nikol'skogo: Iz pisem Yu. A. Nikol'skogo k sem'e Gurevich i B. A. Sadovskomu. 1917–1921 [The Fate of Yuri Nikolsky: From the Letters from Yu.A. Nikolsky to the Gurevich Family and to B.A. Sadovsky. 1917–1921]. *Minuvshee. Istoricheskiy al'manakh*. 19. p. 188.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Ипполитов, С. С. Источники изучения российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны в России. 1917–1921 годы [Электронный ресурс] / С. С. Ипполитов // Наследие веков. – 2019. – № 4. – С. 87–96. DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.011

Full bibliographic reference to the article:

Ippolitov, S. S. (2019) Sources of Study of Russian Humanitarian Activities during the Civil War in Russia. 1917–1921. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 4. pp. 87–96. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.011

ЛАЗУРЕВСКАЯ Юлия Андреевна

заведующая лабораторией кафедры социально-экономических дисциплин Ростовского филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Yulia A. LAZUREVSKAYA

Laboratory Head, Rostov Branch,
Moscow State Technical University of Civil Aviation,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
lazurevskaya88@mail.ru

УДК 39.5-021.5:94(470-13)
ГРНТИ 03.23.55
ВАК РФ 07.00.02

DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.012

Предпосылки становления гражданской авиации на Юге России

The Background of the Formation of Civil Aviation in the South of Russia

В статье анализируется историография становления отечественной авиации в аспекте формирования предпосылок развития гражданской авиации на Юге России. Эти предпосылки были сформированы непосредственно перед Гражданской войной, помешавшей развитию не только авиации, но и всего индустриального комплекса региона. К ним, по мнению автора, можно отнести по меньшей мере три региональных фактора: 1) на Юге дореволюционной России (в Харькове, Одессе, Новочеркасске) имелись спортивные и испытательные аэродромы и существовала широкая сеть авиашкол; 2) на базе производственного комплекса А. А. Анатра (включавшего в себя угольные и рудные шахты, сталелитейные и машиностроительные предприятия, образовательные учреждения и инженерные мастерские, крупнейший в мире аэродром и пр.) была заложена передовая на начало XX в. структура высокотехнологичного производства, располагавшая мощным потенциалом в области военного и гражданского авиастроения; 3) во время Гражданской войны на Юге России располагались авиабазы Красной и Белой армий и была сконцентрирована значительная часть авиапарка Российской империи.

Ключевые слова: гражданская авиация, историография, авиастроение, Аэрофлот, инженерная мысль, самоорганизация, индустриальный комплекс, Юг России.

Вопрос о предпосылках становления гражданской авиации на Юге России многоаспектен. Он связан с развитием авиации как направления инженерной мысли, отрасли теоретических знаний и практического опы-

та воздухоплавания, с развитием индустрии, участвующей в производстве и обслуживании авиационной техники, с развитием авиационной ветви транспортной системы страны. Иными словами, речь идет об интеграции ре-

гиона в одно из важнейших направлений технологического развития страны и мира в XX в. Актуальность рассмотрения предпосылок становления гражданской авиации на Юге России обусловлена необходимостью осмысления комплекса факторов, предопределивших дату открытия первой воздушной линии 15 июня 1925 г., связавшей Ростов-на-Дону, Харьков и Москву [2, с. 23] и включившей регион в формирующуюся транспортную инфраструктуру Страны Советов.

Опираясь на данное В. П. Шенкиным определение [32, с. 28–33], можно сказать, что в наиболее широком смысле под авиацией понимается сфера общественных отношений, обеспечивающая полёты аппаратов тяжелее воздуха в пределах земной атмосферы, производство и эксплуатацию самих летательных аппаратов и необходимой инфраструктуры, работоспособность специализированных организационных структур, подготовку необходимых специалистов для производства и эффективной эксплуатации авиационной техники. В данном значении можно говорить о мировой, национальной или региональной авиации в той мере, в какой локализуется сфера общественных отношений. В нашем случае вопрос состоит в том, как сложилась и что собой представляла особая сфера общественных отношений, включившая Юг России в воздушную транспортную систему.

Объект исследования, таким образом, — отечественная авиация как особая сфера общественных отношений. Предметом исследования являются исторические предпосылки становления гражданской авиации на Юге России, как особой сферы общественных отношений, в период до открытия первой воздушной линии Ростов-на-Дону — Харьков — Москва 15 июня 1925 г., связавшей регион авиасообщением с Югом Украины и столицей государства. Цель исследования — выделить и охарактеризовать основные исторические предпосылки становления гражданской авиации на Юге России. С одной стороны, включение региона в процесс развития авиации продиктовано общесистемными тенденциями этого процесса. Здесь важно обозначить универсальные факторы, связанные с прогрессом авиации в целом. С другой стороны, особенности истории региона в начале

XX в. обусловили специфику региональных факторов.

Поставленная цель потребовала переосмысления литературы начала XX в. (Г. А. Ботезат, К. Е. Вейгелин, Н. М. Глаголев, А. А. Жабров, И. И. Сикорский, О. Шанют и др.) в качестве источника, свидетельствующего не только о технологическом прогрессе авиации, но и о тенденциях её развития как особой сферы общественных отношений. В этой связи интересно раскрытие в отдельных современных публикациях (О. Н. Астраханцева, В. Волкова, Е. А. Гороховской, Е. Л. Желтовой, А. В. Карташева, В. С. Кобзова, Ю. В. Кузнецова и др.) историко-культурного контекста развития авиации в России в начале XX в. В исторической регионалистике, посвященной становлению авиации в СССР, можно выделить ряд направлений: 1) исследования становления региональной гражданской авиации как структурного элемента транспортной системы Советского государства (Б. П. Бугаев, Э. Г. Истомина, И. П. Климов, А. С. Сенин и др.); 2) научно-популярная литература об авиации и авиаторах Юга России (Е. В. Евдокимов, В. С. Замятин, Г. Д. Костенко, В. Л. Моловаженко, Е. А. Пугачёва, И. А. Филатов, С. Д. Швецов и др.); 3) исследования отдельных эпизодов становления и исторического развития гражданской авиации в регионах России (Г. Л. Акопов, Е. В. Алтунин, Н. В. Антошина, А. С. Бочкарева, В. Х. Зиннуров, Е. В. Комиссарова, И. В. Смагин, М. В. Третьяков, Ю. В. Хотина, А. А. Ярошенко и др.). В совокупности данные исследования с различных сторон раскрывают историю развития сферы общественных отношений, связанной с авиацией. В становлении гражданской авиации в регионах России важную роль сыграли добровольные общества и многочисленные аэроклубы (О. Н. Астраханцев, В. Н. Воронцов, Н. Е. Жукова, Ш. Н. Исянгулов, И. Н. Касьян, В. М. Конonenko, А. П. Купайгородская, А. С. Минаков, Р. Н. Сулейманова и др.), международное, и в частности российско-германское, сотрудничество (А. Ю. Байков, Ю. З. Кантор, В. В. Капистка, А. И. Савин и др.), использование авиации в Первой мировой и Гражданской войнах (А. О. Багдасарян, А. В. Бытьев, В. Л. Герасимов, М. М. Громов, Ю. П. Доронин, С. П. Елисеев, В. И. Кондратьев, В. В. Кушнерев, М. Хайрулин и др.).

Вопрос о комплексном изучении истории гражданской авиации на Юге России как особой сферы общественных отношений до последнего времени не ставился. Хотя отдельные аспекты этой комплексной проблемы рассматриваются в перечисленных выше исследованиях. Впервые вопрос об изучении исторического генезиса гражданской авиации на Дону, по словам директора Ростовского филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации Г. Л. Аكوпова, был поставлен в связи с идеей празднования годовщины гражданской авиации на Дону руководством ОАО «Донавиа» 16 сентября 2014 г. и поддержан в 2015 г. ОАО «Аэропорт Ростов-на-Дону» [3, с. 26]. В сжатые сроки по «инициативе ОАО „Донавиа“ и при поддержке ОАО „Аэропорт Ростов-на-Дону“» исследование было завершено, и по его итогам впервые в новейшей истории в свет вышла книга „История зарождения и развития гражданской авиации на Дону“» [3, с. 27], презентация которой состоялась на Международной научно-практической конференции 15 мая 2015 г. На той же конференции коротко были представлены основные даты исторического развития региональной авиации на Юге России [23, с. 193–197]. В ходе же исследования, результаты которого были озвучены на конференции, встал вопрос о необходимости организации комплексного изучения истории гражданской авиации на Юге России. В настоящей статье делается первый шаг в этом направлении — описываются исторические предпосылки становления гражданской авиации на Юге России.

Данная работа предполагает комплексный подход, который осуществим на основе современных системных представлений о природе общественных отношений.

Базовым в данном случае является положение о социальных структурах как самоорганизующихся системах, что соответствует современной постнеклассической парадигме системных представлений [29]. По мнению А. Э. Воскобойникова, саморегуляция систем является частным случаем самоорганизации [11]. Мы можем представить современную отечественную гражданскую авиацию как саморегулирующуюся систему. Это будет теоретической структурной моделью отношений элементов к системной целостности.

Необходимо указать, что эти функциональные отношения переживали исторические изменения: какие-то элементы появлялись, другие исчезали, — но это не является основанием полагать, что гражданской авиации как особой сферы общественных отношений не существовало до последнего времени. Напротив, структурированная саморегулирующаяся система современной гражданской авиации может рассматриваться как результат самоорганизации — то состояние, к которому шло её историческое развитие.

Пользуясь структурно-функциональной моделью современной гражданской авиации как саморегулирующейся системы, мы можем выделить некоторое её состояние на момент открытия первой гражданской воздушной линии, связавшей Юг России в национальную транспортную систему, и обозначить как исторические предпосылки её становления те факторы, которые обусловили дальнейшую эволюцию (самоорганизацию) гражданской авиации в регионе как особой сферы общественных отношений. История авиации тогда предстает в качестве культурного текста [7].

Сравнительно-исторический метод позволяет, опираясь на исторические источники и современные исследования, в наиболее общем виде реконструировать факторы, повлиявшие на становление гражданской авиации на Юге России, на формирование её общесистемных и уникальных черт. Важно проследить логику исторического развития этих факторов, их логическую причинность.

Структурно можно выделить следующие элементы гражданской авиации как саморегулирующейся системы: 1) научная и инженерная мысль, о состоянии которой могут говорить специализированная литература, наличие конструкторских организаций и исследовательских институтов; 2) государственные органы управления развитием авиации; 3) предприятия авиастроения и смежные с ними (металлургия, машиностроение и др.); 4) образовательные учреждения подготовки кадров для авиации и авиастроения; 5) аэродромная инфраструктура, предприятия её обслуживания и авиакомпании (авиаперевозчики).

Как саморегулирующаяся система гражданская авиация представляет собой сложный хозяйственный механизм. Со ссылкой

на коллективный научно-популярный очерк 1983 г. под общей редакцией Б. П. Бугаева [20] в авиационной энциклопедии Г. П. Свищёва 1994 г. предложено определение гражданской авиации СССР как составной части «единой транспортной системы и народно-хозяйственного комплекса СССР», обслуживающей «потребности народного хозяйства и населения в воздушных перевозках» и реализации ряда хозяйственных технологий с применением авиационной техники. В этой связи укажем: 25 февраля 1932 г. путем подчинения инфраструктуры акционерных обществ «Добролет» и «Укрвоздухпуть» Главному управлению Гражданского воздушного флота (ГУ ГВФ) [15, с. 186–190] была образована, по существу, государственная корпорация «Аэрофлот», управлявшая всей гражданской авиацией СССР и выступавшая «как единое самостоятельное авиационное предприятие» за рубежом [4, с. 96]. Так, в 1932 г. был сформирован централизованный аппарат управления всей гражданской авиацией СССР, предопределивший структурную особенность государственной монополии на применение авиации в хозяйственной жизни страны. Следовательно, определяется период становления советской гражданской авиации с момента образования Советского государства в 1917 г. Однако дата изменения общественного устройства страны является промежуточной по отношению к становлению отрасли. Ведь советская власть наследует по меньшей мере около 356 тыс. человек личного состава воздушного флота России и 1 тыс. самолетов [20, с. 14].

Если начало мировой авиации связывать с первыми полетами братьев Райт, осуществляемыми ими с 17 декабря 1903 г. [31] на бензиновом двигателе, то необходимо обозначить и годы первых полетов тяжелых самолетов (прототипов гражданских пассажирских лайнеров), знаменовавших окончание начального романтического периода сугубо спортивного освоения неба. Вслед за самолетом братьев Райт в 1911 г. поднимается в воздух первый в мире четырехмоторный биплан «Русский витязь» И. И. Сикорского [22, с. 83], а уже в 1913 г. Сикорским же создаётся «Илья Муромец» [22, с. 98], способный перевозить до 12 пассажиров. Период становления отечественной гражданской авиации, таким образом, может датироваться 1911–1932 гг. И именно

с этим периодом следует связывать формирование предпосылок становления гражданской авиации на Юге России. Учитывая дату начала регулярных пассажирских рейсов на воздушной линии Ростов-на-Дону — Харьков — Москва (15 июня 1925 г.), можно утверждать, что исторические предпосылки становления гражданской авиации на Юге России складывались с 1911 по 1925 г., а далее гражданская авиация региона продолжала развиваться как особая сфера общественных отношений.

Как отмечают А. Ю. Пиджаков и В. А. Хороших, со времен Екатерины II отношение Великодержавной власти к воздухоплаванию было неоднозначно [26]. Увлечение воздухоплаванием считалось опасным и не приветствовалось.

Удачные авиамодели А. Ф. Можайского, по мнению И. И. Сикорского, опережали свое время, поскольку доступный ему паровой двигатель, как и другие комплектующие «натурального самолета», по своим характеристикам были не пригодны для устойчивого управляемого полета с полезной нагрузкой [28, с. 11–23]. Теоретические обобщения отечественного и мирового опыта по гидроаэродинамике Н. Е. Жуковского («К теории летания», 1890 г.; «О крылатых пропеллерах», 1898 г.; «Теория гребного винта с большим числом лопастей», 1907 г. и др.) складывались в передовую теорию крыла [30]. И. И. Сикорский указывает, что организованная в 1904 г. Д. П. Рябушинским при поддержке Н. Е. Жуковского аэродинамическая лаборатория (Аэродинамический институт в Кучино) [27] на начало века была первой «такого рода» и наиболее передовой в мире [28, с. 25].

По инициативе В. В. Корна после нашумевших в Европе авиашоу был образован Императорский Всероссийский аэроклуб (ИВАК, 1908–1917 гг.), в задачи которого, помимо проведения выставок и шоу с целью пропаганды авиации и сбора средств, входило содействие развитию специального образования, научно-конструкторских работ, медицинских исследований влияния полетов на человека, организации воздушной почты и др. [8]. Первые дипломированные отечественные пилоты обучались во Франции. Помимо 4-х военно-авиационных учебных заведений довоенной России («два в Гатчине и по одному в Петербурге и в Севастополе») накануне Первой

мировой войны пилотов готовили «частные авиашколы и аэроклубы (в Москве, Одессе, Киеве, Риге, Харькове и Гатчине)» в течение 2–4 месяцев [16]. При этом на Департамент полиции возлагались функции особого контроля (2-е и 4-е делопроизводства) за интересом общества к авиации. А. Ю. Пиджаков и В. А. Хороших приводят выдержку из циркуляра «товарища министра внутренних дел П. Г. Курлова губернским властям, изданного 16 марта 1910 г.: „Быстрое развитие техники воздухоплавания и полная возможность обращения летательных снарядов, если не сейчас же, то в очень скором времени, в орудия преступных замыслов побудили Правительство обсудить теперь же те меры, какие надлежало бы принять в видах предупреждения такого рода явлений“». Далее они рассматривают, как этот контроль выражался в конкретных ограничениях добровольных обществ и студенческих инициатив технических учебных заведений [26, с. 64–67]. Российская империя в первое десятилетие XX в. располагала собственным потенциалом научной и инженерной мысли (ещё «в период начала и середины XIX в. в России были замечательные энтузиасты воздухоплавания: Леппих, Ростопчин, Каразин, Ильинская, Леде, Снегирев, Архангельский, Черносвитов, Третесский, Соковнин и др., которые проектировали, строили воздухоплавательные аппараты и летали на них» [26, с. 61], а «в 1909–1914 гг. в стране появились первые самолеты Я. М. Гаккеля, Д. П. Григоровича, И. И. Сикорского и др.» [26, с. 62]). Однако отставание России в плане промышленности от ведущих индустриальных держав обусловило зависимость отечественной авиации накануне Первой мировой войны от достижений французских авиапроизводителей. Братьям Вуазен удалось первыми в Европе и мире поставить производство аэропланов на поток. Самолеты их конструкции производились не только во Франции, но и на крупнейших авиазаводах России: В. А. Лебедева [18], А. А. Анатра [24], Ю. А. Меллера (Императорский самолётостроительный завод, с 1919 г. Государственный авиационный завод № 1 — ГАЗ № 1, в настоящее время ОАО «Дукс» [19]).

В силу популярности авиационной темы уже в начале XX в. издаются первые книги, касающиеся истории воздухоплавания. В 1911 г. выпускается сборник работ О. Шанюта, в ко-

тором прослеживается история научно-инженерной мысли по освоению воздушного пространства [33], в дореволюционной России заслуживает внимания работа К. Е. Вейгелина «Завоевание воздушного океана: история и современное состояние воздухоплавания», изданная в 1912 г. и также обобщающая мировой конструкторский и экспериментально-спортивный лётный опыт [9]. Приведенные книги в целом посвящены обзору научно-технических достижений в воздухоплавании и авиации на начало XX в. и, по существу, обосновывают возможность и необходимость более интенсивного освоения воздушного пространства. А уже в книге «Воздушный флот: История и организация военного воздухоплавания» под редакцией Н. М. Глаголева, вышедшей в 1915 г., предпринимается попытка общей классификации существующих на тот момент времени летательных аппаратов и способов их военного применения как в России, так и за рубежом (в Австро-Венгрии, Англии, Бельгии, Германии, Италии, Франции, Швейцарии, Японии) [10], что говорит о том, каким катализатором развития новой отрасли послужило соперничество ведущих мировых держав в подготовке новейших вооружений накануне Первой мировой войны. В 1917 г. на территории России действовало 27 авиационных предприятий и строилось еще 7 [20, с. 16]. Первая мировая война серьезно стимулировала рост машиностроения и тяжелой индустрии. Авиационная промышленность, делавшая свои первые шаги, не была исключением (А. А. Анатра инвестировал в строительство своего завода под Одессой к 1913 г. 1 млн. 300 тыс. руб., значительные по тем временам средства, которые окупились за три года [24, с. 26]). Мнение Н. М. Глаголева о значимости военно-воздушного флота в Первой мировой войне подтверждают и И. И. Сикорский [28, с. 67–69] в своей мемуарной книге, законченной к 1920 г., и ряд современных исследователей (С. В. Аверченко и В. В. Кушнерев [1], А. О. Багдасарян [5, 6], В. Л. Герасимов [12], Ю. П. Доронин [17] и др.). Однако, несмотря на рост численности авиационных заводов, говорить об отечественной авиационной индустрии накануне и в годы Первой мировой, по мнению В. А. Обуховича и А. Ф. Никифорова, преждевременно [25, с. 250]. Общий низкий уровень машиностроения по сравнению

с европейскими странами не позволял России производить самолеты полностью из отечественных комплектующих, да и финансирование отечественных конструкторских разработок не удовлетворяло запросы времени. Промышленники больше ориентировались на испытанные и менее затратные европейские решения. Тем не менее «Императорский военно-воздушный флот был самым большим в мире и насчитывал 263 самолёта (из них 224 — в составе 39 авиаотрядов)», а к февралю 1917 г. уже 1039 самолётов [21].

Таким образом, уже накануне Первой мировой войны авиация Российской империи интенсивно развивалась во всех структурных направлениях саморегулирующейся системы общественных отношений. Юг империи не отставал. Промышленник, финансист и сподвижник авиации А. А. Анатра не только создал третий по объемам производства самолетов в стране завод (по французским лицензиям там производились самолёты «Блерио», «Вуазен», «Моран», «Ньюпор», «Фарман» и их модификации), но и поддерживал авиашколы и аэроклубы в Одессе, Киеве, Харькове, привлёк французского инженера Е. А. Декампа для организации крупнейшего в Европе Учебно-испытательного аэродрома недалеко от Одессы [24, с. 26].

Революционные события 1917 г. и последовавшая Гражданская война сопровождались в целом крахом промышленного производства и экономики страны. В Первой мировой, а затем и в Гражданской войне военная авиация зарекомендовала себя как мощная сила, дающая обладающей ею стороне техническое преимущество. Не случайно весной 1918 г. Л. Д. Троцкий был назначен наркомом воздушных сообщений Советской Республики [13, с. 68], а 12 декабря того же года при всей скудости бюджета Добровольческой армии Кубанский авиационный отряд появился и в стане Белой гвардии [14, лл. 1–8].

Подводя итог, мы можем выделить следующие предпосылки становления гражданской авиации на Юге России:

1. Дореволюционная Россия располагала самым большим в мире по количеству судов авиапарком, значительным количеством пилотов и специалистов по обслуживанию авиатехники и аэродромов.

2. В дореволюционной России быстрыми темпами развивалась авиационная промышленность, соперничавшая по объемам производства с индустриями ведущих мировых авиопроизводителей (Франция, Германия, США).

3. Россия располагала передовым перед началом Первой мировой войны потенциалом научной и инженерной мысли.

4. В дореволюционной России активно развивались общественные организации, поддерживавшие развитие авиации, авиашколы и специализированные образовательные учреждения в системе технического образования.

5. На Юге дореволюционной России (в Харькове, Одессе, Новочеркасске) были организованы спортивные и испытательные аэродромы, существовали авиашколы.

6. На базе производственного комплекса А. А. Анатра (включавшего в себя угольные и рудные шахты, сталелитейные и машиностроительные предприятия, образовательные учреждения и инженерные мастерские, крупнейший в мире аэродром и пр.) на Юге России развивалась передовая на начало XX в. структура высокотехнологичного производства, ориентированная на значимые научно-технические достижения в области авиастроения и располагавшая мощным производственным потенциалом в области военного и гражданского авиастроения.

7. Во время Гражданской войны на Юге России располагались авиабазы Красной и Белой армий и была сконцентрирована значительная часть авиапарка Российской империи.

Таким образом, основные предпосылки для становления гражданской авиации на Юге России были сформированы непосредственно перед Гражданской войной, помешавшей развитию не только авиации, но и всего индустриального комплекса региона.

Yulia A. LAZUREVSKAYA

The Background of the Formation of Civil Aviation in the South of Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of integration of the South of Russia into the air transport system of the Country of Soviets. The study focuses on domestic aviation as a

special area of public relations, namely, on the historical background of the formation of civil aviation in southern Russia in the period before 15 June 1925, when the first Rostov-on-Don – Kharkov – Moscow air line opened, which connected the region with the air traffic with the south of Ukraine and with the capital of the state. The aim of the study is to identify and characterise the main historical prerequisites for the formation of civil aviation in the south of Russia. The comparative historical method allowed to generally reconstruct the factors that influenced the formation of civil aviation in the South of Russia, the formation of its system-wide and unique features, which, as the study showed, were formed immediately before the Civil War (the latter prevented the development of not only aviation but also the entire industrial complex of the region). On the one hand, the inclusion of the region in the aviation development was dictated by the system-wide trends of this process. On the other hand, features of the history of the region at the beginning of the 20th century determined the specificity of regional development factors. World War I seriously stimulated the growth of mechanical engineering and heavy industry in Russia. The aviation industry, which was taking its first steps, was no exception. The main historical prerequisites for the development of civil aviation in the south of Russia include at least three regional factors: (1) the south of pre-revolutionary Russia (Kharkov, Odessa, Novocherkassk) had sports and test airfields and a wide network of aviation schools; (2) on the basis of the production complex of A.A. Anatra (which included coal and ore mines, steel and machine-building enterprises, educational institutions and engineering workshops, the world's largest airfield, etc.), a forefront structure of high-tech production was laid at the beginning of the 20th century, with a powerful potential in the field of military and civil aircraft manufacturing; (3) during the Civil War, in the south of Russia, air bases of the Red and White armies were located, and a significant part of the fleet of the Russian Empire was concentrated. The revolutionary events of 1917 and the ensuing Civil War were generally accompanied by the collapse of the country's industrial production and economy.

Keywords: civil aviation, historiography, aircraft manufacturing, Aeroflot, engineering, self-organisation, industrial complex, South of Russia.

Использованная литература:

1. Аверченко С. В., Кушнерев В. В. Российская авиация на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Военно-исторический журнал. 2014. № 8. С. 10–18.
2. Акопов Г. Л., Лазуревская Ю. А. История зарождения и развития гражданской авиации на Дону. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2015.
3. Акопов Г. Л. О проведенном Ростовским филиалом МГТУ ГА исследовании истории гражданской авиации на Дону // Гражданская авиация: прошлое, настоящее и будущее (АвиаТранс-2015): мат. Международной науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 15 мая 2015 г.) / Ростовский филиал МГТУ ГА. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2015. С. 26–29.
4. Аэрофлот // Авиация: энциклопедия / Под ред. Г. П. Свищёва. М.: Большая российская энциклопедия, 1994.
5. Багдасарян А. О. Защита населения от бомбардировок и химического оружия в двинском военном округе в Первую мировую войну // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 21. № 2 (154). С. 86–94.
6. Багдасарян А. О. Разработка мероприятий по защите населения России от нападения с воздуха в годы Первой мировой войны // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 18–22.

References:

1. Averchenko, S.V. & Kushnerev, V.V. (2014) Russian Aviation in the Caucasian Front During World War I (1914–1918). *Voenno-istoricheskiy zhurnal – Military Historical Journal*. 8. pp. 10–18. (In Russian).
2. Akopov, G.L. & Lazurevskaya, Yu.A. (2015) *Istoriya zarozhdeniya i razvitiya grazhdanskoy aviatsii na Donu* [History of the Origin and Development of Civil Aviation in the Don region]. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya.
3. Akopov, G.L. (2015) [On the Research of the History of Civil Aviation in the Don Region Carried out by the Rostov Branch of Moscow State Technical University of Civil Aviation]. *Grazhdanskaya aviatsiya: proshloe, nastoyashchee i budushchee (AviaTrans-2015)* [Civil Aviation: Past, Present and Future (Aviatrans-2015)]. Proceedings of the International Conference. Rostov-on-Don. 15 May 2015. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya. pp. 26–29. (In Russian).
4. Svishchev, G.P. (ed.) (1994) Aeroflot. In: *Aviatsiya: entsiklopediya* [Aviation: Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
5. Bagdasaryan, A.O. (2016) The Protection of Population from Bombardments and Chemical Attacks in Dvinskiy Military District During World War I. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series Humanities*. 21:2(154). pp.

7. Бакуменко Г. В., Горлова И. И., Коваленко Т. В. История как культурный текст: К вопросу о методе интерпретации символов успеха в культуре // *Право и практика*. 2017. № 1. С. 183–188.
8. Беляков А. И. Санкт-Петербург, подаривший крылья России. СПб.: Изд-во Буковского, 2003.
9. Вейгелин К. Е. Завоевание воздушного океана: история и современное состояние воздухоплавания. СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1912.
10. Воздушный флот. История и организация военного воздухоплавания / Под ред. Н. М. Глаголева. Петроград: Сытин, 1915.
11. Воскобойников А. Э. Системные исследования: базовые понятия, принципы и методология // *Знание. Понимание. Умение*. 2013. №6. С. 35–66.
12. Герасимов В. Л. Авиация флота: начало истории (1910–1914 гг.) // *Военно-исторический журнал*. 2012. № 8. С. 30–35.
13. Гороховская Е. А., Желтова Е. Л. Советская авиационная агиткампания 20-х гг.: идеология, политика, массовое сознание // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1995. № 3. С. 63–78.
14. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-28. Оп.1. Д.1.
15. Гражданская авиация СССР // *Авиация: энциклопедия* / Под. ред. Г. П. Свищёва. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 186–190.
16. Донина О. И., Синякин К. В. Генезис проблемы создания авиационных военно-учебных заведений в России (1910–1917 гг.) // *Проблемы современного педагогического образования*. 2016. № 53-1. С. 92–101.
17. Доронин Ю. П. Авиационные кадры в годы Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.) // *Алтай и Первая мировая война: Мат. науч.-практ. конф. к 100-летию начала Первой мировой войны (г. Барнаул, 13–16 октября 2014 г.)*. Барнаул: Алтайский дом печати, 2014. С. 61–71.
18. Емельянов С. Н. Таганрогская авиация. Таганрог: Стайл-Плюс, 2006.
19. История [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОАО «Дукс», 2015–2018. URL: <http://duks.su/history> (дата обращения 27.10.18).
20. История гражданской авиации СССР: науч.-попул. очерк / П. Г. Авдеенко и др.; ред. Б. П. Бугаев. М.: Воздушный транспорт, 1983.
21. История русской императорской авиации [Электронный ресурс] // Арт-пространство «Авиатор», 2018. URL: <http://aviator-art.com/about/istoriya/> (дата обращения 27.10.18)
22. Катышев Г. И., Михеев В. Р. Крылья Сикорского. М.: Воениздат, 1992.
23. Лазуревская Ю. А. Генезис региональной авиации на Юге России // *Гражданская авиация: прошлое, настоящее и будущее (АвиаТранс-2015): мат. Международной науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 15 мая 2015 г.)* / Ростовский филиал МГТУ ГА. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2015. С. 193–197.
24. Нахапетов В. Н., Тищенко В. Ю., Шевченко А. М. Полёт сквозь столетие. Харьков: Майдан, 2005.
25. Обухович В. А., Никифоров А. Ф. Самолеты Первой мировой войны. Минск: Харвест, 2003.
26. Пиджаков А. Ю., Хороших В. А. Зарождение авиационных обществ и авиационного образования в 86–94. (In Russian). DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-2(154)-86-94
6. Bagdasaryan, A.O. (2016) Development of Population Protection Measures from Air Attacks in Russia in the First World War. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 4. pp. 18–22. (In Russian).
7. Bakumenko, G.V., Gorlova, I.I. & Kovalenko, T.V. (2017) History as a Cultural Text: To the Question About the Method of Interpretation of Symbols of Success in Culture. *Pravo i praktika – The Law and Practice*. 1. pp. 183–188. (In Russian).
8. Belyakov, A.I. (2003) *Sankt-Peterburg, podarivshiy kryl'ya Rossii* [St. Petersburg That Gave the Wings to Russia]. St. Petersburg: Izd-vo Bukovskogo.
9. Veygelin, K.E. (1912) *Zavoevanie vozdušnogo okeana: istoriya i sovremennoe sostoyanie vozdukhoplavaniya* [Conquest of the Air Ocean: History and Current State of Aeronautics]. St. Petersburg: Tipografiya P. P. Soykina.
10. Glagolev, N.M. (ed.) (1915) *Vozdushnyy flot. Istoriya i organizatsiya voennogo vozdukhoplavaniya* [The Air Fleet. History and Organisation of Military Aeronautics]. Petrograd: Sytin.
11. Voskoboynikov, A.E. (2013) Systems Research: The Basic Concepts, Principles and Methodology. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skills* 6. pp. 35–66. (In Russian).
12. Gerasimov, V.L. (2012) *Aviatsiya flota: nachalo istorii (1910–1914 gg.)* [Naval Aviation: The Beginning of History (1910–1914)]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal – Military Historical Journal*. 8. pp. 30–35.
13. Gorokhovskaya, E.A. & Zheltova, E.L. (1995) *Sovetskaya aviatsionnaya agitkampaniya 20-kh gg.: ideologiya, politika, massovoe soznanie* [The Soviet Aviation Campaign of the 1920s: Ideology, Politics, Mass Consciousness]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 3. pp. 63–78.
14. State Archive of Krasnodar Krai. Fund R-28. List 1. File 1. (In Russian).
15. Svishchev, G.P. (ed.) (1994) *Grazhdanskaya aviatsiya SSSR* [Civil Aviation of the USSR]. In: *Aviatsiya: entsiklopediya* [Aviation: Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. pp. 186–190.
16. Donina, O.I. & Sinyakin, K.V. (2016) The Genesis of the Problem of Creating Aviation Military Schools in Russia (1910–1917). *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 53--1. pp. 92–101. (In Russian).
17. Doronin, Yu.P. (2014) [Aviation Personnel During the First World War (1914–1918)]. *Altay i Pervaya mirovaya vojna* [Altai and the First World War]. Proceedings of the Conference on the 100th Anniversary of the Outbreak of the First World War. Barnaul, 13–16 October 2014. Barnaul: Altayskiy dom pechati. pp. 61–71. (In Russian).
18. Emel'yanov, S.N. (2006) *Taganrogskaya aviatsiya* [Taganrog Aviation]. Taganrog: Stayl-Plyus.
19. ОАО «Дукс». (2015–2018) *Istoriya* [History]. [Online] Available from: <http://duks.su/history>. (Accessed: 27.10.2018).
20. Avdeenko, P.G. et al. (eds) (1983) *Istoriya grazhdanskoy aviatsii SSSR* [The History of Civil Aviation of the USSR]. Moscow: Vozdushnyy transport.
21. Aviator. (2018) *Istoriya russkoy imperatorskoy aviatsii* [The History of Russian Imperial Aviation]. [Online]

дореволюционной России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 4. № 2. С. 60–70.

27. Рябушинский Д. П. Аэродинамический институт в Кучине: 1904–1914. М.: И. Н. Кушнерев и Ко, 1914.

28. Сикорский И.И. Воздушный путь. М.; Н.-У.: Русский путь; YMCA Press, 1998.

29. Стёпин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

30. Степанов Г. Ю. Теория крыла в трудах Н. Е. Жуковского и С. А. Чаплыгина // Ученые записки Центрального аэрогидродинамического института. 1997. Т. 28. № 1. С. 6–26.

31. Телеграмма отцу от Орвилла Райта из Китти-Хоук, штат Северная Каролина, с сообщением о четырех успешно совершенных полетах, 17 декабря 1903 г. [Электронный ресурс] // Library of Congress. URL: <https://www.wdl.org/ru/item/11372/> (дата обращения 25.10.18).

32. Шенкин В. П. Авиация // Авиация: энциклопедия / Под ред. Г. П. Свищёва. М.: Большая российская энциклопедия, 1994.

33. Chanute O. Progress in Flying Machines / ed. and intr. J. Stoff. N.-Y.: Courier Corporation, 1997

Available from: <http://aviator-art.com/about/istoriya/>. (Accessed: 27.10.18)

22. Katyshev, G.I. & Mikheev, V.R. (1992) *Kryl'ya Sikorskogo* [The Wings of Sikorsky]. Moscow: Voenizdat.

23. Lazurevskaya, Yu.A. (2015) [Genesis of Regional Aviation in the South of Russia]. *Grazhdanskaya aviatsiya: proshloe, nastoyashchee i budushchee (AviaTrans-2015)* [Civil Aviation: Past, Present and Future (Aviatrans-2015)]. Proceedings of the International Conference. Rostov-on-Don. 15 May 2015. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya. pp. 193–197. (In Russian).

24. Nakhapetov, V.N., Tishchenko, V.Yu. & Shevchenko, A.M. (2005) *Polet skvoz' stoletie* [A Flight Through the Century]. Kharkiv: Maydan.

25. Obukhov, V.A. & Nikiforov, A.F. (2003) *Samolety Pervoy mirovoy voyny* [Airplanes of the First World War]. Minsk: Kharvest.

26. Pidzhakov, A.Yu. & Khoroshikh, V.A. (2011) Zarozhdenie aviatsionnykh obshchestv i aviatsionnogo obrazovaniya v dorevolutsionnoy Rossii [The Emergence of Aviation Societies and Aviation Education in Pre-Revolutionary Russia]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina – Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 4 (2). pp. 60–70.

27. Ryabushinskiy, D.P. (1914) *Aerodinamicheskiy institut v Kuchine: 1904–1914* [The Aerodynamic Institute in Kuchino: 1904–1914]. Moscow: I.N. Kushnerev i Ko.

28. Sikorskiy, I.I. (1998) *Vozdushnyy put'* [Air Way]. Moscow; N.Y.: Russkiy put'; YMCA Press.

29. Styopin, V.S. (2000) *Teoreticheskoe znanie: struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical Knowledge: Structure, Historical Evolution]. Moscow: Progress-Traditsiya.

30. Stepanov, G.Yu. (1997) Teoriya kryla v trudakh N. E. Zhukovskogo i S. A. Chaplygina [Wing Theory in the Works of N.E. Zhukovsky and S.A. Chaplygin]. *Uchenye zapiski Tsentral'nogo aerogidrodinamicheskogo instituta*. 28(1). pp. 6–26.

31. Library of Congress. (1903) *Telegramma ottsu ot Orvilla Rayta iz Kitti-Khouk, shtat Severnaya Karolina, s soobshcheniem o chetyrekh uspešno sovershennykh poletakh, 17 dekabrya 1903 g.* [A Telegram to Orville Wright's Father from Kitty Hawke, North Carolina, Reporting Four Successful Flights, December 17, 1903]. [Online] Available from: <https://www.wdl.org/ru/item/11372/>. (Accessed: 25.10.18).

32. Shenkin, V.P. (1994) *Aviatsiya* [Aviation]. In: Svishchev, G.P. (ed.) *Aviatsiya: entsiklopediya* [Aviation: Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya.

33. Chanute, O. (1997) *Progress in Flying Machines*. N.Y.: Courier Corporation.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Лазуревская, Ю. А. Предпосылки становления гражданской авиации на Юге России [Электронный ресурс] / Ю. А. Лазуревская // Наследие веков. – 2019. – № 4. – С. 97–105. DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.012

Full bibliographic reference to the article:

Lazurevskaya, Yu. A. (2019) The Background of the Formation of Civil Aviation in the South of Russia. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 4. pp. 97–105. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.012

MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ

ЧЕНЦОВА Оксана Валериевна

аспирант кафедры истории и философии образования,
факультет педагогического образования
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

Oksana V. CHENTSOVA

Postgraduate Student,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation,
oksanaivanova@mail.ru

УДК [069:316.77]+069.1
ГРНТИ 13.51.11
ВАК РФ 24.00.03

DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.013

**Отечественные музеи в условиях
интерактивности: современные
тенденции развития музейной
образовательной среды**

**Domestic Museums in the Conditions
of Interactivity: Modern Trends
in the Development of the Museum
Educational Environment**

В статье рассмотрены основные тенденции развития современной отечественной образовательной среды музея, ориентированной на переход к коммуникативной модели взаимодействия с аудиторией (описанной канадским ученым Д. Ф. Камероном), при которой посетитель является активным познающим субъектом, вовлеченным в интерактивное пространство музея. Автор проанализировала культурно-образовательную деятельность наиболее посещаемых (по статистике Министерства культуры РФ) отечественных музеев и, опираясь на примеры из их практики, обозначила весомые изменения основных компонентов образовательной среды музея – пространственно-предметного, социального, психодидактического, – а также дала качественные характеристики современной молодежи как целевой аудитории музея.

Ключевые слова: музей, образовательная среда музея, эдьютейнмент, коммуникативная модель музея, интерактивные технологии музея.

На протяжении всей истории культуры музейное дело и образование шли бок о бок, в одинаковой степени способствуя сохранению базовых ценностей человечества, передавая от поколения к поколению накопленные знания и опыт. В постиндустриальную эру, с повсеместным распространением информационных технологий и появлением сети Интернет, институт культуры претерпел значительные изменения. Сформированные в цифровую эпоху духовные потребности и сам способ мышления молодого поколения подтолкнули фундаментальные просветительские учреждения, такие как музей, школа, университет и т.д., к внесению «поправок» в форму своего существования. В чём состоят эти «поправки», автор и попыталась выяснить в настоящей статье.

Многовековая сущность музея, заключающаяся в сохранении и передаче культурного наследия, в наши дни дополняется поиском новых форм взаимодействия с посетителями. Еще в конце XX в. (в 1980–2000 гг.) в отечественной практике начала распространяться коммуникативная модель музея, описанная канадским ученым Д. Ф. Камероном (вслед за повсеместным «музейным бумом» 1960–1970-х гг.). В соответствии с этой моделью посетитель музея рассматривался как равноправный участник диалога [10, с. 16]. В период распада СССР и становления нового государственного строя музейные работники сфокусировали свое внимание на аксиологических задачах — поиске смыслов, ценностей, ориентиров развития — в сочетании с сохранением многовековых традиций и достижений культуры [10]. Иными словами, актуальным вопросом стало, «что» транслировать через музейные экспозиции, и по-прежнему вторичным оставалось, «каким образом». Поэтому полноценное развитие коммуникационной модели отечественного музея началось лишь в XXI в.

Для более глубокого понимания современных моделей взаимодействия с посетителями необходимо обратиться к исследованиям социологов, которые констатировали очередное изменение в качественной характеристике молодежи как аудитории музея, на которую следует опираться, чтобы идти в ногу

со временем. За поколением миллениалов, родившихся на границе двух тысячелетий, пришло поколение «Z», «WWW», или центениалы. Это первое поколение, рожденное в эпоху Интернета, цифровых технологий и виртуальной реальности, которому предрекают жизненный ресурс в сто лет. Соответственно, представители этого поколения обладают рядом специфических качеств и характеристик, которые их отличают от предшественников и которые должны учитываться музеем современного типа. К такого рода качествам следует отнести:

- погруженность в цифровой мир;
- принятие мультикультурности;
- гиперактивность;
- забота о собственной жизненной и информационной безопасности;
- клиповое мышление;
- визуальное восприятие информации [9, с. 50].

Возникновение поколения центениалов — это новый вызов для культуры, образования, которое, по сути, должно во многом стать опережающим. Это явление необходимо внимательно исследовать для поиска возможностей музея удовлетворять потребности современного поколения в обучении.

Изменения, диктуемые временем, вынуждают музей трансформировать свое пространство под современные реалии. Мы будем придерживаться определения, данного Р. Е. Пономаревым, понимающим под образовательным пространством прежде всего вид пространства, место, охватывающее человека и среду в процессе их взаимодействия, результатом которого является приращение индивидуальной культуры образующегося [7, с. 45]. Более того, музейное пространство всегда имманентно являлось и образовательной средой для посетителей, в связи с чем сегодня следует пересмотреть подход к просветительской функции музея.

Итак, что такое музейное образовательное пространство? Это музейная образовательная среда, субъекты образовательного взаимодействия (сотрудники и посетители и пр.) и процесс взаимодействия субъектов между собой и средой. В данной статье, мы будем понимать под образовательной средой,

согласно В. А. Ясвину, «систему влияний и условий формирования личности, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении» [11, с. 6]. Автор определения выделил три основных структурных компонента образовательной среды: пространственно-предметный (архитектурные особенности зданий, оборудование, особая атрибутика и т. д.); социальный (особая, присущая лишь данному типу культуры «форма общности»); психодидактический (соответствующее содержание образовательного процесса, осваиваемые обучаемым способы действий, организация обучения). Какие изменения они претерпели под влиянием современных тенденций, мы попытаемся выяснить, проанализировав деятельность самых посещаемых отечественных музеев по последней статистике Министерства культуры РФ (за 2018 г.) [8].

Рассматривая пространственно-предметный компонент образовательной среды, особое внимание хотелось бы уделить возникновению такой современной технологии, как виртуальный музей. Под виртуальным музеем понимают «некую организацию, обладающую необходимой и достаточной программно-аппаратной платформой для сбора, хранения и представления общественности цифровых объектов — как реальных, так и их моделей» [4, с. 414]. Благодаря всеобщей цифровизации музеи в XXI в. становятся более доступными, а их деятельность — разнообразнее. Например, Государственный музей-заповедник «Петергоф» [3] предлагает знакомство с достоянием культуры с самых первых минут посещения его сайта: на стартовой странице включается виртуальный тур по территории музея, обеспечивая погружение в его культурно-образовательную среду. Далее заинтересованные лица могут ознакомиться с разделом «Мультимедиа», просмотрев фото и видео о наиболее значимых и зрелищных событиях музея-заповедника.

Таким образом, во-первых, стирается пространственная граница между объектами культуры и посетителями, во-вторых, происходит повсеместное распространение интерактивных площадок, позволяющих включить посетителя в процесс освоения пространства музея.

Политехнический музей Москвы разнообразил свою предметно-пространственную среду наличием специальных цифровых информационных терминалов с «оживающими» учеными-экспертами, обращающимися к посетителям по их желанию для разъяснения информации, а также, среди прочего, внедрил интерактивный экспонат — модель пульта управления запуском атомной бомбы, передающую атмосферу при ее взрыве (сначала площадка под ногами посетителей начинает вибрировать, нарастает гул двигателей самолетов, а затем, совершенно внезапно, вспыхивает ослепительный свет и раздается не похожий ни на что грохот). Подобный интерактивный подход позволяет аудитории быть максимально включенной в образовательный процесс, ознакомиться с некоторыми событиями, явлениями на своем чувственном опыте. А эмоциональный опыт — куда более сильный, чем какой-либо другой.

Второй компонент — социальный — характеризуется всевозможными интегративными процессами. Музеи активно взаимодействуют с другими учреждениями и сообществами (университетами, школами, детскими садами и пр.). Интересным моментом в данной практике является распространение экомузеев. Понятие «экомузей» появилось для обозначения музеев под открытым небом в начале 1970-х гг. во Франции. Подобные музеи (с учетом особенностей того или иного региона и его экологических проблем) ставили своими главными задачами сохранение национальной самобытности и возрождение механизма воспроизводства жизненных ценностей и культурных традиций. Экомузей — это и музей, и школа, и лаборатория, и место познавательного отдыха, в первую очередь, для местных жителей [6, с. 223]. Идея экологии и обращение к антропологической тематике, истокам культуры сплачивает их в создании и продвижения подобных музеев. Например, в 2018 году только на территории Москвы и Московской области возникло несколько экомузеев (плавающий Музей Москвы-реки, Музей леса на базе парка «Лосиный остров», Музей пчелы как совместный проект с Союзом пчеловодов России и павильон «Пчеловодство» на ВДНХ). Популярность таких

культурно-социальных проектов иллюстрируется официальным бизнес-предложением по приобретению франшизы парка-музея «Этномир» [9], являющегося не только этнографическим музеем, но и огромным парком развлечений, где можно примерить национальные костюмы, воочию ознакомиться с архитектурными особенностями изб, народным бытом, ремеслами, традициями, национальной кухней и т.д.

Кроме того, формируется специфичная коллаборация музейных научных сообществ (отечественных или зарубежных), участвующих в совместных проектах одной тематики. Данную тенденцию иллюстрирует общий тематический сайт (посвященный поездке Петра Великого в Шато де Версаль в 1717 г.) Национального музея-заповедника «Петергоф» и Национального музея-замка Версаль и Трианон [1; 3]. Подобные проекты, а также международные конференции, проводимые на базе разных музеев (в том числе Государственного Эрмитажа) при поддержке университетов и тематических сообществ, клубов, позволяют комплексно, с позиций разных культур ознакомиться с историческим событием.

Набирают популярность и сообщества вокруг образовательных курсов, открытых дискуссионных клубов по интересам на базе музеев (ярким примером создания тематических сообществ может служить деятельность музея современного искусства «Гараж»). Пользуется успехом пришедшая с Запада (в 2002 г.) и выросшая до масштабов всероссийской кампании с участием двух тысяч организаций акция «Ночь музеев», ежегодно привлекающая огромное количество посетителей и партнеров. В 2019 г. К акции присоединился Банк России, демонстрирующий богатую коллекцию предметов, связанных с историей денежного обращения.

С нарастанием культурного, образовательного, научного взаимообмена на базе музеев в современных условиях появляется необходимость продвижения и позиционирования музеями себя как бренда на рынке культурных, образовательных и развлекательных услуг. Соответственно, получает свое распространение разнообразная медиа- и офлайн-пиар-продукция, в свою очередь задающая моду

на искусство (например, футболки, зонты и пр. с логотипами музеев и изображением предметов искусства). Помимо очного участия в мероприятиях музеев посетители могут присоединиться к тематическим сообществам в социальных сетях, привлекающим молодежь к культурным событиям. Причем далеко не каждое из этих сообществ создано маркетинговыми службами и сотрудниками музеев, многие появились благодаря «народной инициативе». Отслеживая молодежные тренды, музеи привлекают современных деятелей искусства к объединению в совместных проектах. Например, в 2018 г. Новой Третьяковской галереей для создания масштабной инсталляции в виде трёхметрового панно, посвященного открытию выставки работ Василия Верещагина в Москве, был приглашен художник-каллиграфист Покрас Лампас, работающий в жанре стрит-арт.

Еще в 1990-х гг. М. Б. Гнедовский писал про личностное восприятие образовательного процесса в музее [2], и сегодня мы можем наблюдать дополнение психодидактического компонента образовательной среды музея таким форматом, как эдьютейнмент, или развлекательное обучение. Слово «эдьютейнмент» произошло от английских слов «education» (образование) и «entertainment» (развлечение) представляет собой формат обучения, проходящего в форме игры. Развлекательное (увлекательное) образование — особый способ обучения, в котором профессиональная информация преподносится в яркой, запоминающейся форме [9, с. 54]. Одним из проявлений такого подхода стали современные квесты. Например, Мемориальный музей космонавтики проводит детские квесты, в ходе которых, разгадывая загадки и активно передвигаясь по экспозициям музея, посетители запоминают основные термины и получают базовые представления, касающиеся тематики освоения космического пространства, а в конце награждаются призом с логотипом музея, получая мощный заряд для дальнейшего самообразования.

Интерактивные технологии позволяют посетителю погрузиться в атмосферу музея, выбрать формат и темп освоения музейного пространства самостоятельно, не прибегая

к помощи экскурсовода. Например, Мульти-медиа Арт Музей Москвы (МАММ) часто прибегает к использованию в презентации своих экспозиций аудиоформата: посетитель, надевая наушники и нажав специальную кнопку у стенда экспоната, прослушивает подготовленную информацию о нем, не мешая окружающим, или в свободном маршруте погружается в атмосферу специально оборудованных отдельных комнат с демонстрацией мини-фильмов.

В свою очередь, экскурсоводы и деятели культуры для облегчения восприятия аудиторией специфической музейной информации, адаптируют ее под современную молодежь, делают подачу более непосредственной, «легкой», прибегая к юмору. Так, помимо очных экскурсий получают распространение подкасты об искусстве, где простым языком объясняются научные разработки культурологов, искусствоведов и др. Подкастинг (англ. «podcasting» — от «iPod» и англ. «broadcasting» — повсеместное вещание, широко вещание) — процесс создания и распространения звуковых или видеофайлов (подкастов) в стиле радио- и телепередач в Интернете (вещание в Интернете). Большой

популярностью пользуются, например, подкаст Музеев Кремля об истории царских пиров, искусствоведческий подкаст «Искусство для пацанчиков», подкасты о музейных деятелях современности Высшей школы экономики и т.д.

Таким образом, музей как развивающаяся культурно-образовательная система вносит изменения в свою образовательную среду с учетом появления новых цифровых технологий и особенностей восприятия, мышления нового поколения. Безусловно, проявление вышеописанных тенденций развития музейного пространства происходит исходя из возможностей финансирования, тематической специфики, архитектурно-территориальных особенностей, возможностей аудиторной загруженности и посещаемости. Однако постепенно они охватывают все большее количество музеев. Музеи становятся заинтересованными в расширении своей целевой аудитории за счет привлечения молодого поколения, которое требует в условиях цифровой цивилизации новых и разнообразных форматов взаимодействия, основанных на интеграции традиционных и нетрадиционных репрезентаций ценностей.

Oksana V. CHENTSOVA

Domestic Museums in the Conditions of Interactivity: Modern Trends in the Development of the Museum Educational Environment

Abstract. The widespread introduction of information technologies and the Internet, which developed in the post-industrial era, and changes in the centennials' consciousness and thinking force museums as fundamental institutions of culture and education to significantly alter their functioning. The communicative model of the museum described by the Canadian researcher D.F. Cameron, in which a museum visitor is seen as an equal participant in the dialogue, came into domestic practice somewhat later than into the western one, and continues to this day. The author of the article analyses the development trends of the most visited domestic museums, according to the latest statistics of the Ministry of Culture of the Russian Federation for 2018, in the context of considering educational environment as part of the cultural and educational space of the museum. According to V.A. Yasvin, educational environment includes three structural components: space-and-object (architectural features of buildings, equipment, special attributes, etc.), social (special "community form" inherent in this type of culture), psychodidactic (the corresponding content of education, methods of action mastered by students, organisation of training). Among the most striking trends in the change in the space-and-object component of the educational environment of domestic museums, the author distinguishes, firstly, the emergence of virtual museums and, secondly, the ubiquity of interactive sites that allow to include the visitor in the development of the museum space. The second component, the

social one, is enriched through the integrative processes of the museum with other institutions and communities, which include the tradition of interacting with universities, schools, kindergartens, as well as specific collaborations of museum academic communities and a wide audience regarding joint projects based on one topic. There is a need for museums to promote and position themselves as a brand in the market of cultural and educational services, which leads to the emergence of PR products and professional activities in social networks. The psychodidactic component of the educational environment of the modern museum is supplemented, firstly, with such an entertaining educational format as edutainment. Secondly, interactive technologies allow the museum visitor to independently choose the format and pace of the development of the museum space; at the same time, guides and cultural figures, adapting to the needs of modern youth, work on the way of delivering specific museum information, making it more accessible. Thus, the museum as a developing cultural and educational system makes changes to the format of interaction with the audience, based on the integration of traditional and non-traditional representations of their values.

Keywords: museum, educational environment of museum, edutainment, communicative model of museum, interactive museum technologies.

Использованная литература:

1. Визит Петра Великого 24–27 мая – 3–12 июня 1717 г. [Электронный ресурс] // Chateau de Versailles. URL: <http://www.chateauversailles.fr/decouvrir/histoire/grandes-dates/visite-pierre-grand> (дата обращения 05.11.19).
2. Гнедовский М. Б. Музей и образование: материалы для обсуждения. М.: ВНИК Школа, 1989.
3. Государственный музей-заповедник «Петергоф» [Электронный ресурс]. URL: <https://peterhofmuseum.ru/> (дата обращения: 05.11.19).
4. Гук Д. Ю., Определёнов В. В. Виртуальные музеи: терминология, методология, восприятие // Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова. Годичная науч. конф. М.: Ленанд, 2014. С. 414.
5. Катречко С. Л. Интернет и сознание: прологемы к концепции виртуального человека // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М.: Ин-т философии Рос. Акад. наук, 2004. С. 57.
6. Кимеев В. М. Этнокультурные функции экомузеев / Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. № 4, ч. 1. С. 222–234.
7. Пономарев Р. Е. Образовательное пространство: монография. М.: МАКС Пресс, 2014.
8. Музеи. Статистическая информация [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минкультуры России. Открытые данные. Данные от 31.12.2018. URL: https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-stat_museum#a:eyJ0YWliOiJidWlsZF90YWJsZSJ9 (дата обращения 05.11.19).
9. Хангельдиева И. Г. Эдьютейнмент как единство сознательного и бессознательного // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 3. С. 47–59.
10. Этнографический парк-музей «Музеон» [Электронный ресурс]. URL: <https://ethnomir.ru/franchise/> (дата обращения 05.11.19).
11. Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей. М.: Рос. ин-т культурологии, 2001.

References:

1. Chateau de Versailles. (n.d.) *Visite de Pierre Le Grand. 24–27 Mai – 3–12 Juin 1717*. [Online] Available from: <http://www.chateauversailles.fr/decouvrir/histoire/grandes-dates/visite-pierre-grand>. (Accessed: 05.11.2019).
2. Gnedovskiy, M.B. (1989) *Muзей i obrazovanie: materialy dlya obsuzhdeniya* [Museum and Education: Materials for Discussion]. Moscow: VNIK Shkola.
3. *Peterhof State Museum-Reserve*. [Online] Available from: <https://peterhofmuseum.ru/>. (Accessed: 05.11.2019). (In Russian).
4. Guk, D.Yu. & Opredelenov, V.V. (2014) [Virtual Museums: Terminology, Methodology, Perception]. *Proceedings of the 20th Annual Scientific Conference of the Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences*. Moscow: Lenand. pp. 413–415. (In Russian).
5. Katrechko, S.L. (2004) *Internet i soznanie: prolegomeny k kontseptsii virtual'nogo cheloveka* [Internet and Consciousness: Prolegomena to the Concept of a Virtual Person]. In: Rozin, V.M. (ed.) *Vliyanie Interneta na soznanie i strukturu znaniya* [The Influence of the Internet on Consciousness and on the Structure of Knowledge]. Moscow: Institute of Philosophy, RAS.
6. Kimeev, V.M. (2008) *Ethnocultural Functions of Ecological Museum. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2 – Vestnik of Saint Petersburg University. History. 4(1)*. pp. 222–234. (In Russian).
7. Ponomarev, R.E. (2014) *Obrazovatel'noe prostranstvo* [Educational Space]. Moscow: MAKSS Press.
8. Ministry of Culture of Russia. (2018) *Muzei. Statisticheskaya informatsiya* [Museums. Statistics]. [Online] Available from: https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-stat_museum#a:eyJ0YWliOiJidWlsZF90YWJsZSJ9. (Accessed: 05.11.2019).
9. Khangel'dieva, I.G. (2018) *Edutainment as a Unity of the Conscious and the Unconscious. Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*. 3. pp. 47–59. (In Russian). DOI: 10.17805/trudy.2018.3.5

10. *Etnomir Park*. [Online] Available from: <https://ethnomir.ru/franchise/>. (Accessed: 05.11.2019). (In Russian).

11. Yukhnovich, M.Yu. (2001) *Ya povedu tebya v muzey* [I Will Take You to the Museum]. Moscow: Russian Institute for Cultural Research.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Ченцова, О. В. Отечественные музеи в условиях интерактивности: современные тенденции развития музейной образовательной среды [Электронный ресурс] / О. В. Ченцова // Наследие веков. – 2019. – № 4. – С. 106–112. DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.013

Full bibliographic reference to the article:

Chentsova, O. V. (2019) Domestic Museums in the Conditions of Interactivity: Modern Trends in the Development of the Museum Educational Environment. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 4. pp. 106–112. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.013

ВОРОНИНА Ирина Владимировна

кандидат педагогических наук,
старший научный сотрудник отдела учета музейных фондов
Государственного историко-мемориального
музея-заповедника «Сталинградская битва»
Волгоград, Российская Федерация

Irina V. VORONINA

Cand. Sci. (Theory and Methods of Training and Education),
Senior Researcher, State Historical Memorial Museum
“The Battle of Stalingrad”,
Volgograd, Russian Federation,
virina6@yandex.ru

УДК [069.02:93/99]:[374.7:82-5](470.45)
ГРНТИ 13.51.08
ВАК РФ 24.00.03

DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.014

**Музей-заповедник
«Сталинградская битва»
в системе культурно-
образовательной деятельности
региона: опыт организации
лекториев**

**The State Historical Memorial
Museum “The Battle of Stalingrad”
in the System of Cultural and
Educational Activities in the Region:
The Experience of Organising
Lectures**

В статье рассматривается одно из актуальных направлений в работе музеев – разработка и реализация лекториев для различных категорий посетителей. Данное направление приобрело в последние годы иной, в отличие от прошлого десятилетия, характер. С развитием социальных сетей, блогосферы и широкополосного Интернета изменился социально-демографический портрет посетителя музеев. В связи с этим возникает необходимость проведения дополнительных исследований по изменению лекториев и их адаптации к потребностям и запросам различных категорий посетителей. На примере работы музея-заповедника «Сталинградская битва» автор раскрывает специфику подачи материала при проведении мультимедийной лекции для разных категорий посетителей; рассматривает требования к информационным ресурсам, используемым на лекциях при реализации идей музейной педагогики; обращает внимание на значительную роль музея-заповедника «Сталинградская битва» в системе культурно-образовательной деятельности региона.

Ключевые слова: музей, музейная педагогика, культурно-образовательная деятельность, информационные ресурсы, мультимедийная лекция, лекторий.

В Государственной программе Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 гг. говорится о необходимости «сохранения культурного и историче-

ского наследия народа, обеспечения доступа граждан к культурным ценностям и участию в культурной жизни» [1]. Для достижения поставленной задачи современный музей

осуществляет свою работу по следующим направлениям: фондовая работа в музее (комплектование, учет, хранение, изучение музейных фондов), культурно-образовательная деятельность, экспозиционная деятельность, научно-исследовательская деятельность, издательская деятельность, музеефикация, новые технологии в музейном деле (музейный менеджмент, маркетинг, фандрейзинг, PR-технологии), информационные технологии. В другом документе — Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [5] — делается акцент на усилении роли музея в реализации культурно-образовательной деятельности. И здесь очень важным представляется вопрос музейной коммуникации.

Как показывает практика, для создания условий понимания «языка» музейных предметов сотрудники музея используют разнообразные формы культурно-образовательной деятельности (экскурсии, лектории, музыкальные и литературные гостиные и салоны, вечера, музейные праздники, кружки и музейные клубы). Одной из распространенных форм культурно-образовательной деятельности музеев, охватывающей многочисленную аудиторию, является лекция. В соответствии с «Концепцией патриотического воспитания граждан Российской Федерации», принятой правительством РФ 21 мая 2003 г., а также с Государственной программой «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 гг.» сотрудниками музея-заповедника «Сталинградская битва» подготовлена обширная экскурсионно-лекционная программа. В военно-патриотической работе музея-заповедника представлены следующие формы лекционной работы: тематические лектории, выездные лекции для различных групп населения, лекции выходного дня. Кроме этого получили распространение музейные абонементы, ориентированные на аудиторию, готовую на долгосрочную работу, стремящуюся пополнить и расширить гуманитарное образование. В зависимости от содержания и характера излагаемого материала лекции подразделяют на информационные, проблемные, проблемно ориентированные, лекции-визуализации, лекции «вдвоем», лек-

ции-провокации, лекции-пресс-конференции, лекции-консультации.

Анализ статистических данных относительно посещаемости музея-заповедника «Сталинградская битва» и социально-демографической структуры аудитории за 2014–2018 гг. показал, что основными посетителями экспозиций, выставок и культурно-образовательных мероприятий являются дети до 16 лет, студенты, военнослужащие, инвалиды, люди с ограниченными возможностями здоровья, отечественные и иностранные туристы. Данные категории посещают музей как в качестве индивидуальных зрителей, так и в составе экскурсионных и лекционных групп.

Лекционная тематика музея-заповедника «Сталинградская битва» разнообразна и ориентирована на разные возрастные и социальные категории музейных посетителей.

Для основной категории слушателей — учащихся общеобразовательных учреждений и учреждений среднего профессионального образования — был разработан специальный лекторий. На лекциях по истории Сталинградской битвы используются информационные ресурсы, в которых наибольшую ценность представляет собственно информация: базы данных, информационно-справочные системы (электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»), газеты («Сталинградская правда», «В бой за Родину»), журналы периода Великой Отечественной войны («Звезда», «Знамя», «Исторический журнал», «Фронтовая иллюстрация» и др.) в мультимедийном виде, а также оцифрованные документальные фильмы и демонстрационные программные средства.

Поскольку визуальная коммуникация является неотъемлемой составляющей современного общества, использование средств визуальной передачи информации становится одним из ключевых направлений деятельности музея.

По результатам проведенного работниками музея-заповедника анкетирования была обоснована актуальность кинолекториев для учащихся общеобразовательных учреждений и учреждений среднего профессионального образования.

В рамках раздела «Страницы истории Сталинградской битвы» был разработан кинолекторий для учащихся 9–11 классов по следующим темам: «Начало Сталинградской битвы» (на основе документального фильма «На степных рубежах»), «Трагедия мирного населения» (на основе документального фильма «23 августа»), «Контрнаступление под Сталинградом» (на основе документального фильма «Операция „Уран“»), «Сталинградская битва и ее значение» (на основе документального фильма «Победа»), «Восстановленный Сталинград» (на основе документального фильма «Возрождение Сталинграда»).

В кинолекторий, подготовленный для учащихся тех же 9–11 классов в рамках раздела «Великая Отечественная война» включены лекции: «Начало Великой Отечественной войны» (на основе документального фильма «22 июня 1941 г.»), «Героизм и мужество жителей блокадного Ленинграда» (на основе документального фильма «Блокада Ленинграда»), «Сталинградская битва и ее значение» (на основе документального фильма «Победа под Сталинградом»), «Освобождение Европы от фашизма» (на основе документального фильма «От Карпат на Балканы и Вену»), «Парад Победы» (на основе документального фильма «Парад Победы 24 июня 1945 г.»).

Очень интересный кинолекторий разработан в рамках раздела «Чья эта улица, чей это дом», посвященного участникам Сталинградской битвы, именами которых названы улицы Волгограда. Он ориентирован на учащихся средних классов. Каждая из его лекций («Ни шагу назад!», «Отдам Родине все что могу», «Вся жизнь — только ей», «Отомщу за каждую вашу слезинку», «Если страна потребует...», «За Волгой для нас земли нет...») завершается созданием конкретного продукта — презентации на WikiWall, облака слов (Wordle), сконструированной интеллект-карты.

Перечисленные выше кинолектории, а также «Видеоучебник по истории Великой Отечественной войны», «Город-герой Волгоград» и др. привлекают юных посетителей своей наглядностью и доступностью для восприятия.

Сотрудники Мемориально-исторического отдела и музея «Память» разработали лек-

торий для учащихся старших классов по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Вошедшие в него лекции проводятся как дополнение к школьной общеобразовательной программе по истории России на базе музея-заповедника «Сталинградская битва». Информационные образовательные ресурсы для данных лекций включают мультимедийное сопровождение исторической и архивной документации. По данной программе музей успешно сотрудничает со многими учебными заведениями региона. В настоящее время сотрудники музея ведут работу над созданием новой образовательной программы «Здравствуй, музей!», которая ориентирована на работу с посетителями младшего школьного возраста. В рамках раздела «Музей приглашает маленьких» сотрудниками музея-заповедника были разработаны интерактивные музейные занятия для учащихся 1–5 классов («Я поведу Тебя в Музей...», «Война и дети», «Юные герои Сталинграда», «В теплушке», «От Сталинграда к Великой Победе». Информационные ресурсы становятся интерактивными (интерактивные плакаты, мультитач-столы с заданиями, успешность выполнения которых определяет переход по структуре презентации).

Анализ практики показал, что в восприятии материала по истории Сталинградской битвы помогает лекция-визуализация, которая позволяет в значительной степени улучшить усвоение информации за счет презентации и флеш-презентации. Как отмечает Ю. Н. Михеев, «мультимедийная лекция — это не просто слайдовое сопровождение традиционной аудиторной лекции. Это самостоятельный электронный дидактический материал с принципиально иными функциями и педагогическими задачами, предназначенный как для группового, так и для индивидуального освоения» [3, с. 85]. В отличие от презентации, созданной на базе программы Microsoft Power Point, основу которой составляют слайды, графические и аудиовизуальные средства в композиционном единстве, флеш-презентация позволяет показывать зрителям интересный интерактивный фильм со звуками и анимацией. Успешно проведенная лекция-визуализация позволяет сформировать постоянную аудиторию

слушателей, ориентированную на долгосрочное взаимодействие.

В рамках раздела «Герои и подвиги» сотрудниками музея-заповедника были разработаны лекции-визуализации для учащихся 6–8 классов («Женщины в солдатских шинелях», «Из прошлого в будущее: гвардейцы Родимцева в Сталинграде», «Творчество художников-карикатуристов Кукрыниксов в период Великой Отечественной войны», «Реликвии рассказывают», «Города-побратимы Волгограда»; для учащихся 10–11 классов («История панорамного искусства», «Последние письма из Сталинграда», «10-я дивизия войск НКВД. Подвиг А. Ващенко», «Дом будет наш!», «Писатели — участники Сталинградской битвы», «Орден Солдатской Славы», «Герои Отечества»).

Для всех, кто стремится получить систематические знания по истории Сталинградской битвы, кто хочет лучше ориентироваться в исторических процессах, предназначен лекторий, который дает возможность разным категориям посетителей познакомиться с одним из центральных событий Второй мировой войны — Сталинградской битвой.

Военно-патриотическая работа музея-заповедника «Сталинградская битва» базируется на принципах плановости, сохранения традиций, комплексного подхода и цикличности. Использование цикловых форм, по мнению Ю. Б. Кисленко [2], дает возможность ориентироваться на постоянную аудиторию, поэтому тематические лектории, объединенные общей идеей, позволяют более глубоко и полно освоить материал.

Лекторий работает на нескольких площадках (в кинозале музея-заповедника «Сталинградская битва», муниципальных образовательных учреждениях, колледжах, вузах и др. г. Волгограда и области), сопровождается мультимедийными презентациями, показом слайдов, информационно-справочного материала. Большой популярностью в городе и Волгоградской области пользуются выездные музейные лектории («музей в чемодане»), которые сопровождаются работой временных тематических выставок на выездных площадках. В наше время, характеризующееся развитием социальных сетей, блогосферы

и широкополосного Интернета многие посетители предпочитают получать информацию через Всемирную паутину. В связи с этим актуализировалась потребность заказа, бронирования и приобретения билетов на выездные музейные лектории через сайт музея. Экскурсионно-просветительский отдел музея принимает заявки от общеобразовательных учебных заведений на проведение урока мужества, посвященного победе в Сталинградской битве для учащихся 1–11 классов, заявки от вузов города Волгограда на проведение занятий с иностранными студентами. Выездные музейные лектории позволяют донести теоретический материал (который сопровождает показ музейных коллекций) большому числу слушателей, включая тех, кто проживает в отдаленных районах Волгоградской области.

Гостям города музейные отделы предлагают лекции для разового посещения. При составлении текста лекции для иностранных туристов учитывается специфика аудитории, у которой, в частности, могут возникнуть трудности с восприятием названий населенных пунктов, имен, фамилий и отчеств. События, о которых идет речь, сопоставляются с хронологически соответствующими им событиями из истории родной страны слушателей.

Особая категория иностранных гостей музея-заповедника «Сталинградская битва» — студенты. Для этих посетителей, как показал опыт, целесообразно проводить лекции с опорой на их национальные традиции, менталитет, с учетом гендерных и этнокультурных особенностей. По словам Т. К. Смыковской и С. А. Коробковой, «гендерные различия связаны с культурными и заметно отличаются по совокупности социальных и культурных норм, предписываемых представителям разных культур в зависимости от их биологического пола» [4, с. 136]. Учет принципа дифференцированного подхода к студентам из различных стран способствует более эффективному восприятию информации, облегчает понимание отдельных исторических фактов, помогает запомнить трудные для восприятия иностранцев слова за счет использования опорных карточек, специально разработанных буклетов. Информационные ресурсы для лекториев, ориентированных на иностранных

студентов, должны содержать больше статичных и динамических графических объектов информации.

Так, лекторий, специально разработанный для иностранных студентов, раскрывает тему великой победы советского народа в лекциях: «Грозное оружие», «Великие сыны России (Маршалы Победы)», «Сталинградская битва. Уроки истории», «Триумф Победы. Военный парад 7 ноября 1941 г. в Москве», «Подарки городу — как символ признания героического подвига Сталинграда» и др. Для смешанных по национальному составу групп иностранных студентов, ставящих перед собой цель не только познакомиться с культурой и историей нашей страны, но и выучить русский язык, лекции читаются на русском языке (английский язык используется в качестве языка-посредника).

Проведение лекций для иностранных студентов требует особого подхода в подаче материала, в формировании текстового и графического контента информационных ресурсов. В этих случаях необходим тщательный отбор используемой лексики, правильная, четкая артикуляция, оптимальный темп лекции. В работе с иностранными студентами хорошо зарекомендовала себя видеолекция. Такой тип информационного ресурса предоставляет возможность неоднократного повторения части или всего объема уже показанной информации, ключевых моментов; использования системы текущего контроля знаний, позволяющего оперативно оценить степень усвоения материала слушателями. Видеолекция максимально облегчает активное понимание и запоминание новой лексики, устойчивых фраз и выражений, необходимых для обеспечения

коммуникации при письменном и устном общении, вовлекая в процесс обучения слуховую, зрительную и эмоциональную память. Данный лекционный формат также позволяет преодолеть трудности, возникающие при построении связного текста и его стилистическом оформлении.

В настоящей статье мы обратились к актуальному направлению в работе музеев — разработке и реализации лекториев для различных категорий посетителей. Это направление приобрело в последние годы иной, в отличие от прошлого десятилетия, характер, поэтому требует дополнительных исследований. Разработка лекториев для разных категорий посетителей музея-заповедника «Сталинградская битва» во многом способствует повышению эффективности культурно-образовательной деятельности в регионе. Рассмотренные на лекциях вопросы знакомят слушателей с историей города Волгограда и Волгоградской области. Предлагаемая тематика лекций направлена на расширение кругозора и повышение уровня общей эрудиции посетителей, что способствует более качественному и осмысленному освоению знаний по истории и усилению мотивации к дальнейшему познанию. Современные школьники и студенты относятся к поколению «Z» — поколению, которое использует планшеты, VR- и 3D-реальность, рассматривает Глобальную сеть как доступный источник информации, среду общения и досуговой деятельности. В связи с этим возникает необходимость проведения дополнительных исследований, позволяющих своевременно вносить изменения в лектории и адаптировать их к потребностям и запросам данной категории посетителей.

Irina V. VORONINA

The State Historical Memorial Museum "The Battle of Stalingrad" in the System of Cultural and Educational Activities in the Region: The Experience of Organising Lectures

Abstract. The article presents the use of information resources in the implementation of lectures in the military-patriotic work of the museum "The Battle of Stalingrad", the specifics of the presentation of multimedia lectures for different categories of visitors, the requirements for electronic educational resources used in lectures in the implementation of the ideas of museum pedagogy. The visualising lecture helps in the perception of material on the history of the Battle of Stalingrad: it can significantly

improve the learning of educational material through PowerPoint and flash presentations. In contrast to the PowerPoint presentation, which is based on slides, graphic and audio-visual means in their compositional unity, flash presentations show the audience an interesting interactive film with sound and animation. When writing the text of a lecture for foreign tourists, it is necessary to take into account the specifics of the presentation of the material when using information resources: it is advisable to organise lectures based on foreigners' national traditions, mentality, taking into account their gender and ethnocultural characteristics, their abilities and differences. For groups of international students mixed in national composition, who want not only to get acquainted with the culture and history of our country, but also to learn Russian, lectures are given in Russian; English is used as an intermediary language. In this article, the author describes the current direction in the work of museums: the development and implementation of lectures for various categories of visitors. This makes "The Battle of Stalingrad" museum a key element in educating adults, students and schoolchildren: all who seek systematic knowledge on the history of the Battle of Stalingrad, who want to better navigate in historical processes. The topics of the lectures are selected so that they broaden visitors' horizons and increase the level of their general erudition, which contributes to a better and more meaningful development of knowledge of history and strengthening of motivation for further learning. Modern schoolchildren and students belong to Generation Z; they use tablets, VR and 3D reality, consider the global network as an accessible source of information, an environment for communication and leisure activities. In this regard, there is a need for additional research on changing lectures and their adaptation to the needs and requirements of this category of visitors.

Keywords: museum, museum pedagogy, cultural and educational activities, information resources, multimedia lecture, lecture centre.

Использованная литература:

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 гг.» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/programs/217/events/> (дата обращения 17.09.19)
2. Кисленко Ю. Б. Использование музейно-педагогических программ в историко-патриотическом воспитании подрастающего поколения: опыт Лабинского музея [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 3(3) URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/11/2015_3_Kislenko.pdf. (дата обращения: 28.06.19).
3. Михеев Ю. Н. Технологии создания и применения электронных и мультимедийных средств в образовательных учреждениях высшего профессионального образования // Методологические и практические проблемы инновационного обучения и воспитания, формирующего инновационное мышление студентов в высшей школе: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., (Балашиха, 17–18 марта 2006 г.). Балашиха: Ин-т соц.-экон. прогнозирования и моделирования, 2006. С. 84–87.
4. Смыковская Т. К. Гендерный подход к обучению иностранных студентов в условиях поликультурной образовательной среды вуза // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2012. № 7. С. 136–142.
5. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. N 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс] // Президент Россий-

References:

1. Government of the Russian Federation. (2013) *Gosudarstvennaya programma Rossiyskoy Federatsii "Razvitiye kul'tury i turizma na 2013–2020 gg."* [State Program of the Russian Federation "Development of Culture and Tourism for 2013–2020"]. [Online] Available from: <http://government.ru/programs/217/events/>. (Accessed: 17.09.2019).
2. Kislenko, Yu.B. (2015) The Use of the Museum and Educational Programs in the Historical and Patriotic Education of the Younger Generation: Labinsk Museum as a Case Study. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3(3) [Online] Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/11/2015_3_Kislenko.pdf. (Accessed: 28.06.2019). (In Russian).
3. Mikheev, Yu.N. (2006) [Technologies for the Creation and Use of Electronic and Multimedia Tools in Educational Institutions of Higher Vocational Education]. *Metodologicheskie i prakticheskie problemy innovatsionnogo obucheniya i vospitaniya, formiruyushchego innovatsionnoye myshlenie studentov v vysshey shkole* [Methodological and Practical Problems of Innovative Training and Education, Which Forms the Innovative Thinking of Students in Higher Education]. Proceedings of the All-Russian Conference. Balashikha 17–18 March 2006. Balashikha: Institute for Social and Economic Forecasting and Modeling. pp. 84–87. (In Russian).
4. Smykovskaya, T.K. (2012) *Gendernyy podkhod k obucheniyu inostrannykh studentov v usloviyakh polikul'turnoy obrazovatel'noy sredy vuza* [A Gender Approach to Teaching Foreign Students in a Multicultural

ской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения 30.09.19).

Educational Environment of the University]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki – News of Southern Federal University. Pedagogical Sciences*. 7. pp. 136–142.

5. Kremlin.ru. (2014) *Ukaz Prezidenta RF ot 24 dekabrya 2014 g. N 808 "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy kul'turnoy politiki"* [Decree of the President of the Russian Federation No. 808 of December 24, 2014, "On Approval of the Fundamentals of the State Cultural Policy"]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/bank/39208>. (Accessed: 30.09.2019).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Воронина, И. В. Музей-заповедник «Сталинградская битва» в системе культурно-образовательной деятельности региона: опыт организации лекториев [Электронный ресурс] / И. В. Воронина // Наследие веков. – 2019. – № 4. – С. 113–119. DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.014

Full bibliographic reference to the article:

Voronina, I. V. (2019) The State Historical Memorial Museum "The Battle of Stalingrad" in the System of Cultural and Educational Activities in the Region: The Experience of Organising Lectures. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 4. pp. 113–119. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.014

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

РЫБАК Кирилл Евгеньевич

доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела
государственной культурной политики Российского научно-
исследовательского института культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва,
Москва, Российская Федерация

Kirill E. RYBAK

Dr. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical
and Cultural Objects), Leading Researcher, Likhachev Russian Research
Institute for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, Russian Federation,
kirill.rybak@mkrf.ru

ИЗБАЧКОВ Юрий Сергеевич

независимый исследователь
Москва, Россия

Yuri S. IZBACHKOV

Independent Researcher,
Moscow, Russian Federation,
strax5@list.ru

УДК [008:616.89]:001.8
ГРНТИ 13.11.25
ВАК РФ 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.015

**К постановке вопроса о
мистическом опыте и творческом
методе Е. И. Рерих и допустимости
использования психиатрии
в культурологических
исследованиях**

**On the Mystical Experience and
Creative Method
of Helena Ivanovna Roerich,
and Why We Should Use Psychiatry
in Disputes on Culture**

Авторы полемизируют со своими оппонентами (В. Д. Менделевичем и доктором И. М. Зислиным), обращая внимание на дискуссионный характер использования терминологии, присущей различным направлениям научного знания. Указывается, что авторы в вышедших ранее статьях предпринимали попытки анализа опубликованных архивных документов, относящихся к деятельности Е. И. Рерих, и давали характеристику общественной реакции на публикацию этих документов. Отмечено, что статья, ставшая предметом настоящей дискуссии, в целом была посвящена выяснению факта существования Наталии и Ивана Рокотовых, а не оценкам состояния здоровья Е. И. Рерих, дававшимся в вероятностной форме. Авторы отмечают, что опубликованные записи позволяют выяснить, благодаря чему формировался мистический опыт Е. И. Рерих, при этом особую важность имеет сопоставление текстов контактера как с его личностными характеристиками (уровнем образования, кругом интересов), так и с тем, в каком состоянии находились философская и научная мысль в период получения им учения. Приводится фрагмент автобиографии А. Ф. Яловенко, который наблюдал Е. И. Рерих и отмечал у нее наличие так называемой «эпилептической ауры».

Ключевые слова: мистический опыт, контактер, психиатрия, Е. И. Рерих, Агни-Йога, Музей Рерихов, Наталия Рокотова.

После публикации статьи «Образ Наталии Рокотовой как ключ к пониманию творческого метода Елены Ивановны Рерих» на статью поступил отзыв профессора В. Д. Менделевича и доктора И. М. Зислина.

Благодарим за интерес к продолжающейся много лет дискуссии о вкладе Елены Ивановны Рерих в создании учения «Живая Этика». После недавней публикации «Музеем Рерихов» обширного архивного наследия Рерихов это обсуждение приобрело новое звучание.

Нам поступают отзывы от приверженцев учения и людей, интересующихся рериховской проблематикой: от оскорблений, упреков в «ура-патриотизме» и «отрицании существования гималайского Белого Братства» до нейтральной оценки персонажа Наталии Рокотовой.

Действительно, использование в ходе исследовательского поиска терминологии разных направлений научного знания может иметь дискуссионный характер.

С уважением относясь к позиции В. Д. Менделевича и И. М. Зислина, обращаем внимание на неясность того, что ими понимается под «Учением» и не можем согласиться с их выводом, что пытаемся «обесценить»¹

¹ С этим заключением нельзя согласиться. См. публикации, посвященные творческому наследию Рерихов и их биографиям [7] [8] [9].

деятельность Елены Рерих и убедить читателей в том, что Учение «Агни-Йоги» — вовсе и не Учение, а лишь результат психического расстройства».

В наших статьях пытались проанализировать опубликованные «Музеем Рерихов» неизвестные ранее широкому кругу исследователей архивные документы (записи, переписку и автобиографии Е. И. Рерих и др.)² и описать реакцию социальных сетей на публикацию документов.

Введение в научный оборот архивных документов сопровождается активной дискуссией о возможности чтения и изучения этих материалов. С одной стороны, участниками рериховского движения для расшифровки и публикации документов создана «Общественная группа по работе над манускриптами Е. И. Рерих» [11], с другой стороны, приверженцы учения заявляют об опасности чтения «до срока» указанного учителем записей Е. И. Рерих («Светлое Знание попадает и в недостойные руки и оно может быть извращено, утеряно, осмеяно»)³.

² Оцифрованные документы доступны на сайте [2]. Рекомендуем также обращаться на сайт группы «Тетради Урусвати» [11], на котором опубликованы набранные рукописные и машинописные тексты Е. И. Рерих.

³ См. [12], а также публикации на том же сайте [4] [5].

Возвращаясь с обсуждаемой статье, подчеркнем, что ее целью было прояснение того, действительно ли существовали Наталья и Иван Рокотовы. Оценки состояния здоровья Елены Рерих в связи с неочевидностью причинно-следственных связей в ее текстах, давались в вероятностной форме.

В. Д. Менделевич и И. М. Зислин сосредоточили внимание не на оппонировании к историко-архивным изысканиям о личности Натальи и Ивана Рокотовых, а на сделанном предположении о связи личного мистического опыта Елены Рерих и состоянием ее здоровья.

Недавно опубликованные записи Е. И. Рерих позволяют вновь вернуться к вопросу об особенностях получения ею учения и на основе архивных документов уяснить, вследствие чего и как формировался личный мистический опыт Е. И. Рерих, реализованный в ее контактах с «Учителем»⁴. Интерес представляет соотнесение текстов контактера с его уровнем образования, кругом его интересов, а также состоянием философской и научной мысли, в период, когда он получал учение.

Как отмечают В. Э. Пашковский и И. М. Зислин, «религия и психиатрия представляют собой две самостоятельные системы и неизвестно, насколько религия нуждается в психиатрическом, а психиатрия — в теологическом объяснении религиозно-мистических явлений. Вместе с тем, психиатрия, как бы она сама того не желала, не может устраниваться от решения этой проблемы, поскольку клиническая картина психической болезни, оставаясь в медицинском смысле одной и той же, в своем содержательном аспекте много зависит от культуральной и религиозной принадлежности и исторической обстановки» [6, с. 87].

Профессором В. Д. Менделевичем и И. М. Зислиным отмечается, что информация Антона Фёдоровича Яловенко, наблюдавшего Е. И. Рерих и констатировавшего наличие

у нее «эпилептической ауры», признана достоверной в статье С. Красина «Болезнь Елены Рерих — миф или реальность?». Поскольку эта статья размещена в 2011 г., С. Красиным не дана оценка недавно опубликованных документов о состоянии здоровья Е. И. Рерих. Заметим, что помимо упомянутой статьи С. Красина в этико-философском журнале «Грани эпохи», нам не удалось выявить другие его работы по вопросам культурологии и медицины.

В заключение приведем фрагмент автобиографии А. Ф. Яловенко.

«Летом 1907 года был командирован в школотных фельдшеров при Скобелевском местном лазарете, каковую и окончил с высшими отметками в 1908 году, и был оставлен при лазарете для дальнейшего образования в этой области. В конце 1911 года был приглашен на должность фельдшера при амбулатории Российского генерального консульства в Кашгаре (Китайский Туркестан) куда и отбыл 1 января 1912 года... Работая в собственной амбулатории с 1921 года, это дало мне возможность в 1929 году выехать в Европу для восстановления расшатанного здоровья, трехлетней болезнью и смертью моей жены. В Париже мне удалось устроиться в двух госпиталях, где я мог пополнить свои знания новыми методами лечения болезней, а в Институте Пастера, где я изучал лабораторные работы и новые реакции... Что же касается г-жи Рерих, то я должен сказать, что она больной человек. Она больна нервной болезнью, которая называется — эпилептическая аура. Лица, страдающие этой болезнью, часто слышат какой-то невидимый голос и видят какие-то предметы. Зная его глубокую привязанность, вернее любовь к своей жене, и благодаря его мягкосердию, он часто подпадал под ее влияние и даже иногда верил в ее сверхъестественные способности. Я часто говорил ему о болезни Елены Ивановны, но он как-то холодно относился к моим познаниям в этой области, но когда я ему дал книгу, то он попросил сделать выписки, в то же время просил не говорить об этой болезни Е. И. Знаю одно, что Н. К. был большой патриот и все время думал подать просьбу о возвращении его и семействана Родину» [1, л. 6–12]⁵.

⁵ См. такую же автобиографию [3, л. 3-9]

⁴ Обращаем внимание исследователей на статью [10]. В ней авторы приходят к выводу о том, что всем сегментам рериховского движения присуще культовое отношение к текстам «Живой Этики» и отмечают, что «наличие в рериховском движении существенных элементов научного и рационального характера при удержании мистических мотивов в мировосприятии позволяет рассматривать это движение как бы на границе сакрального и профанного».

Kirill E. RYBAK & Yuri S. IZBACHKOV

On the Mystical Experience and Creative Method of Helena Ivanovna Roerich, and Why We Should Use Psychiatry in Disputes on Culture

Abstract. The authors argue with their opponents (Prof. Vladimir Mendelevich and Dr. Joseph Zislin), paying attention to the debatable nature of the use of terminology inherent in various areas of scientific knowledge. In their earlier articles, the authors attempted to analyze published archival documents related to the activities of Helena Ivanovna Roerich and characterized the public reaction to the publication of these documents. The article that became the subject of this discussion generally aimed to clarify the fact of Natalia and Ivan Rokotov's existence rather than to assess the state of Helena Roerich's health, which was given in probabilistic form. The authors note that the published documents make it possible to clarify what formed Helena Roerich's mystical experience. The comparison of the texts of the contactee with both her personal characteristics (level of education, circle of interests) and the state of the philosophical and scientific thought at the time she received the teaching is of great importance. A fragment of the autobiography of A.F. Yalovenko, who observed Helena Roerich and noticed the presence of the so-called "epileptic aura" in her, is given.

Keywords: mystical experience, contactee, psychiatry, Helena Roerich, Agni Yoga, Museum of the Roerichs, Natalia Rokotova.

Использованная литература:

1. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 50-г. Оп. 9. Д. 17. Папка 860. Л. 6–12.
2. Архив музея [Электронный ресурс] // Музей Рерихов (филиал Государственного Музея Востока). URL: <http://roerichsmuseum.ru/index.php/museum/arkhiv> (дата обращения 30.07.19).
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7523. Оп. 68. Д. 1197. Л. 3–9.
4. Книжник Т. О., Ревакин Д. Ю. Об особенностях духовного пиршества в Государственном музее Востока // Культурно-просветительский портал «Адамант». URL: http://www.lomonosov.org/article/ob_osobennostyah_duhovnogo_pirshestva_v_gosudarstvennom_muzee_vostoka.htm (дата обращения 30.07.19).
5. Книжник Т. «Сокровенное есть соизмеримость»: для чего даются сроки // Культурно-просветительский портал «Адамант». URL: http://www.lomonosov.org/article/sokrovennoe_est_soizmerimost_dlya_chego_dajutsya_sroki.htm (дата обращения 30.07.19).
6. Пашковский В. Э., Зислин И. М. Религиозно-мистические состояния как психиатрическая проблема // Социальная и клиническая психиатрия. 2005. Т. 15. Вып. 1. 2005. С. 87.
7. Рыбак К. Е. Владимир Константинович Рерих в материалах Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи // Рериховское наследие: Тр. Междунар. науч.-практ. конф. (8–12 октября 2014 г., Санкт-Петербург). Т. 14: Преподобный Сергей Радонежский в жизни и творчестве Рерихов. Проблемы и перспективы сохранения Рериховского наследия. СПб.: Изд. Музея-ин-та семьи Рерихов, 2015. С. 304–310.
8. Рыбак К. Е. Нейтралитет культурных ценностей и учреждений культуры (пакт Рериха: история и судьбы) [Электронный ресурс] // Журнал Института наследия. 2017. № 2 (9). URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/136.html> (дата обращения 30.07.19).

References:

1. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation. Fund 50g. List. 9. File 17. Folder 860. Pages 6–12. (In Russian).
2. Museum of the Roerichs. Branch of the State Museum of Oriental Art. (n.d.) *Arkhiv muzeya* [Archive of the museum]. [Online] Available from: <http://roerichsmuseum.ru/index.php/museum/arkhiv>. (Accessed: 30.07.2019).
3. State Archive of the Russian Federation. Fund 7523. List 68. File 1197. Pages 3–9. (In Russian).
4. Knizhnik, T. O. & Revyakin, D.Yu. (n.d.) *Ob osobennostyakh dukhovnogo pirshestva v Gosudarstvennom muzee Vostoka* [On the features of a spiritual feast in the State Museum of the East]. [Online] Available from: http://www.lomonosov.org/article/ob_osobennostyah_duhovnogo_pirshestva_v_gosudarstvennom_muzee_vostoka.htm. (Accessed: 30.07.2019).
5. Knizhnik, T. (n.d.) *“Sokrovennoe est’ soizmerimost’”: dlya chego dayutsya sroki* [“The pristine is comparability”: why timelines are given]. [Online] Available from: http://www.lomonosov.org/article/sokrovennoe_est_soizmerimost_dlya_chego_dajutsya_sroki.htm. (Accessed: 30.07.2019).
6. Pashkovskiy, V.E. & Zislin, I.M. (2005) Religious and mystical conditions as a psychiatric problem. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya – Social and Clinical Psychiatry*. 15 (1). pp. 81–88. (In Russian).
7. Rybak, K.E. (2015) [Vladimir Konstantinovich Roerich in the materials of the Main Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire]. *Rerikhovskoe nasledie* [Roerich Heritage]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg. 8–12 October 2014. Vol. 14. St. Petersburg: Izd. Muzeya-in-ta sem'i Rerikhov. pp. 304–310. (In Russian).
8. Rybak, K.E. (2017) Neutrality of cultural properties and cultural institutions (Roerich pact: history and destinies). *Zhurnal Instituta naslediya – Heritage Institute Journal*. 2

9. Рыбак К. Е., Чернявский В. Е. Картины из собрания С. Н. Рериха в фондах Государственного музея Востока: история формирования коллекции [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2017. № 1 (27). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/402.html&j_id=30 (дата обращения 30.07.19).

10. Смирнов М. Ю., Чернеевский А. П. Рериховское движение как квазирелигиозное явление // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2017. №1. С. 5–14.

11. Тетради Урусвати: общественная группа по работе над манускриптами Е. И. Рерих [Электронный ресурс]. URL: <http://urusvati.group/> (дата обращения 30.07.19).

12. Хоменок Л. О том, как А. Люфт сам себя высек. [Электронный ресурс] // Культурно-просветительский портал «Адамант». URL: http://www.lomonosov.org/article/o_tom_kak_a_lyuft_sebya_vysek.htm (дата обращения 30.07.19).

(9). [Online] Available from: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/136.html>. (Accessed: 30.07.2019). (In Russian).

9. Rybak, K.E. & Chernyavskiy, V.E. (2017) Pictures from S.N. Roerich's collection in funds of the State Museum of Oriental Art: history of formation of a collection. *Kul'turologicheskiy zhurnal – Journal of Cultural Research*. 1 (27). [Online] Available from: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/402.html&j_id=30. (Accessed: 30.07.2019). (In Russian).

10. Smirnov, M.Yu. & Cherneevskiy, A.P. (2017) The Rerikh movement as a quasi-religious phenomena. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo – Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*. 1. pp. 5–14. (In Russian). DOI: 10.15593/perm.kipf/2017.1.01

11. *Tetradi Urusvati*. [Online] Available from: <http://urusvati.group/>. (Accessed: 30.07.2019)

12. Khomenok, L. (2018) *O tom, kak A. Lyuft sam sebya vysek* [How A. Luft made a rod for himself]. [Online] Available from: http://www.lomonosov.org/article/o_tom_kak_a_lyuft_sebya_vysek.htm. (Accessed: 30.07.2019).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Рыбак, К. Е. К постановке вопроса о мистическом опыте и творческом методе Е. И. Рерих и допустимости использования психиатрии в культурологических исследованиях [Электронный ресурс] / К. Е. Рыбак, Ю. С. Избачков // Наследие веков. – 2019. – № 4. – С. 120–124. DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.015

Full bibliographic reference to the article:

Rybak, K. Ye. & Izbachkov, Yu. S. (2019) On the Mystical Experience and Creative Method of Helena Ivanovna Roerich, and Why We Should Use Psychiatry in Disputes on Culture. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 4. pp. 120–124. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.20.4.015

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

№ 4 (20)
2019

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2412-9798

16+

ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредитель: АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания
«Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 5

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: Эл № ФС 77 - 76198 от 19 июля 2019 г.

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

При изготовлении обложки была использован фрагмент цифровой копии картины И. Э. Грабаря «Зимний пейзаж». Картон, масло. 46,5х50; Вт. пол. 1940-х-1950-е гг. Музей русского импрессионизма, Москва.

Дизайн сайта <http://heritage-magazine.com>:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Верстка html-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн pdf-версии журнала:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Компьютерная верстка pdf-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн обложки: А. В. Крюков

Редактура текстов статей:

О. О. Карслидис

Редактура приставочных списков литературы на русском языке:

О. О. Карслидис, А. В. Крюков

Редактура приставочных списков литературы на английском языке: В. В. Кашпур

Редактура аннотаций на английском языке:

В. В. Кашпур

Издание индексируется:

- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).

Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593

- в системе Google Scholar.

Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-п электронный журнал «Наследие веков» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Номер сверстан: 23. 12. 2019

Размещен в сети Интернет: 30. 12. 2019

Гарнитура: Cambria

Формат: 210x297 (60x84/8)

Усл. печ. л.: 14,6.

Уч.-изд. л.: 11,6

Размер файла: 8,7 Mb

© Наследие Веков

© АНО ЦДРПВ «Родные традиции»

© Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»